

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (5) / 2025

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 3 (5) / 2025**

**Донецк
2025**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куйбиджи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачёв, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Е.Г. Ляхов, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</i>), Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, профессор (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), В.П. Сальников, доктор юридических наук, профессор (<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербурга</i>), А.Г. Хабибулин, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова</i>), Р.В. Чиклаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Пермский государственный национальный исследовательский университет</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куйбиджи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474)
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 15.09.2025 г. № 2 Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 3 (5). – Донецк: ДГУЮ, 2025. – 139 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2025

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 3 (5) / 2025**

**Donetsk
2025**

UDK 34

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), E.G. Lyakhov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot</i>), Yu.V. Mishalchenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>St. Petersburg State University</i>), T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), I.V. Panova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), V.P. Salnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Zhukov Military Academy of the Russian National Guard</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.G. Khabibulin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov</i>), R.V. Chikulaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Perm State National Research University</i>), A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Yu.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474).
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice The Minute № 2 dated 15.09.2025. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address:	119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dgij@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 3 (5). – Donetsk: DSUJ, 2025. – 139 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donbass State University of Justice», 2025

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

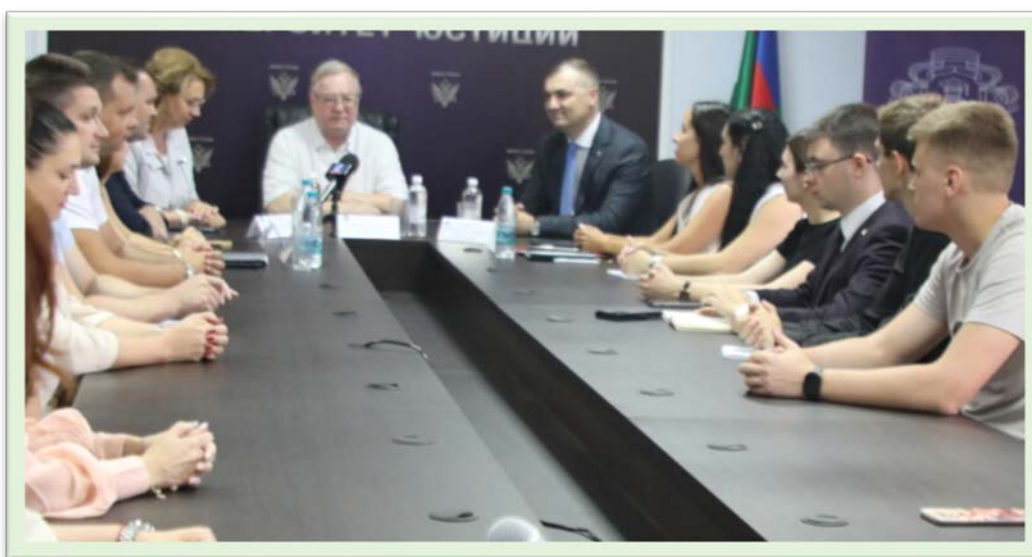
Университетская хроника.....	7
Научные материалы.....	13
Алдушина О.С.	
К вопросу о правовой природе медиации и принципа ее добровольности.....	13
Балакай О.Б., Галушка В.О.	
Правовое регулирование налога на доходы физических лиц в Российской Федерации и актуальные изменения в налоговом законодательстве РФ, вступившие в действие с 2025 года.....	22
Гром Е.А., Мамона Т.М.	
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: мотивационный компонент и сложности квалификации.....	36
Дрёмова А.В.	
Правовой статус супруга в наследственных правоотношениях.....	45
Коваленко Э.Д.	
Характеристика личности мошенника (виктимологический аспект).....	53
Мельников Е.А.	
Вопросы институциональных границ уголовного права и дифференциации уголовно-процессуальной формы.....	61
Мироненко Н.С.	
Организационно-правовые меры повышения эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений.....	70
Ольков С.Г., Олькова О.А., Буторкин С.Л.	
Состязательность как рычаг обеспечения равновесных правоотношений в уголовном процессе.....	80
Ольков С.Г.	
Математика многомерных оценочных пространств и формирование внутреннего убеждения судьи при вынесении оптимального приговора.....	87
Усова О.О., Губская В.С.	
Экспрессивно-оценочные неологизмы в юридическом медиадискурсе английского и русского языков.....	102
Швец А.В.	
Формы и методы административно-правового обеспечения прав граждан органами прокуратуры.....	118
Штокалова А.А., Абдурахимова М.Г.	
Правовой статус государственных органов, не относящихся ни к одной из ветвей власти.....	128
История правовой науки.....	136

CONTENTS

Aldushina, O.S.	
The principle of voluntariness in meditation.....	13
Balakai, O.B., Galushka, V.O.	
Legal regulation of personal income tax in the Russian Federation and actual changes in the Russian Federation's tax legislation that have been enforced since 2025.....	22
Grom, E.A., Mamona, T.M.	
A knowingly false report of an act of terrorism: the motivational component and the difficulties of qualification.....	36
Dremova, A.V.	
The legal status of the spouse in hereditary legal relations.....	45
Kovalenko, E.D.	
Characteristics of the fraudster's personality (victimological aspect).....	53
Melnikov, E.A.	
Issues of institutional boundaries of criminal law and differentiation of the criminal procedure form.....	61
Mironenko, N.S.	
Organizational and legal measures to increase the effectiveness of criminal law norms in crime prevention.....	70
Ol'kov, S.G., Ol'kova, O.A., Butorkin, S.L.	
Adversarial system as a leverage for equilibrium legal relations in criminal proceedings.....	80
Ol'kov, S.G.	
The mathematics of multidimensional evaluation spaces and the formation of the judge's inner conviction in making the optimal verdict.....	87
Usova, O.O., Gubskaya, V.S.	
Expressive-evaluative neologisms in legal media discourse of English and Russian languages	102
Shvets, A.V.	
Forms and methods of administrative and legal support of citizens' rights by prosecutor's offices.....	118
Shtokalova, A.A., Abdurakhimova, M.G.	
The legal status of government agencies that do not belong to any of the branches of government.....	128

Университетская хроника

В Донбасском государственном университете юстиции 17 июля 2025 года состоялась знаковая встреча с председателем Ассоциации юристов России (АЮР), председателем попечительского совета «Фонда развития территорий», президентом Российского книжного союза, председателем Императорского Православного Палестинского Общества, доктором юридических наук Сергеем Вадимовичем Степашиным. Визит стал свидетельством крепкой дружбы и партнерства между юридическим сообществом России и Донецкой Народной Республики. Среди прочих представителей РО АЮР в ДНР в мероприятии приняли участие Председатель Исполнительного комитета Денис Лобов и Исполнительный директор – руководитель Аппарата Анна Киричук.

В ходе встречи были затронуты ключевые вопросы, стоящие перед регионом в процессе интеграции в правовое пространство Российской Федерации.

Одной из важнейших тем обсуждения стала унификация законодательства ДНР с российским. Сергей Степашин подчеркнул важность этой задачи: *«Перед Ассоциацией юристов Донецка и перед нами тоже стоит очень серьезная задача, связанная с унификацией законодательства, потому что Донецкая Народная Республика – это субъект Российской Федерации, и, естественно, нам нужно с вами провести работу, чтобы законодательство ДНР было единообразным во всех сферах деятельности».*

Председатель Совета РО АЮР в ДНР, ректор ДГУЮ Минюста России Никита Нарыжный отметил, что переходный период, вероятно, будет продлен: *«Переходный период у нас заканчивается в этом году, но я думаю, что он будет продлен, потому что еще есть проблемы, касающиеся новых регионов».*

Особое внимание было уделено оказанию помощи населению, особенно в вопросах, связанных с утратой документов и восстановлением прав

собственности. Сергей Степашин подчеркнул: *«Я считаю, что главная задача, в том числе и перед Ассоциацией юристов России, — это оказание помощи семьям».*

Заместитель председателя правительства ДНР Лариса Толстыкина отметила: *«У нас система отличается от той, что была в Херсоне, у нас она выстроена более серьезно и системно. Мы понимаем, что есть очень много индивидуальных вопросов, которые требуют юридической помощи: утеря документов, прав собственности, долей и так далее».*

Сергей Степашин затронул и вопросы юридического образования, отметив необходимость его анализа и оптимизации: *«Во-первых, мы создали рабочую группу, чтобы еще раз проанализировать, сколько нам нужно факультетов, в том числе юридических вузов. Ну, у вас, я так понимаю, с вузами проблем нет. Во-вторых, разобраться с платным образованием и его качеством... Ну и в-третьих, мы ежегодно выпускаем 300 тысяч юристов, и, скажу откровенно, кроме 5–6 вузов и факультетов, мы даже не знаем, куда они потом идут».*

По словам Никиты Нарыжного, РО АЮР в ДНР проводит анализ кадровой ситуации в регионе, и результаты показывают острую нехватку юристов, достигающую 80 % в целом по ДНР. В связи с этим университет вынужден составлять индивидуальные графики обучения для студентов без высшего образования. Он также отметил, что дефицит кадров особенно ощутим во ФСИН (70 %), у приставов (54 %), в судах (около 60 %) и в республиканских органах власти (80 %), аналогичная ситуация наблюдается и в ЛНР.

Участники встречи обсудили вопросы психологической реабилитации населения, пострадавшего в результате военного конфликта.

Никита Нарыжный отметил развитие направления юридической психологии и планы по открытию Центра психологической помощи. Он также подчеркнул феномен «Донбасского синдрома»: *«Сейчас мы отрабатываем тему государственного задания, где наши психологи называют это «Донбасским синдромом», то есть отсутствием страха. На самом деле на это у нас ушло 10 лет. Мы привыкли к обстановке, и этот синдром двигается. Он сейчас в Курске, в Ростове-на-Дону, в Белгороде».*

Отвечая на вопрос о качествах современного юриста, Сергей Степашин подчеркнул: *«Чтобы юрист мог принимать присягу, может быть, это слишком жестко, но должен быть кодекс юриста. То есть юрист должен быть добропорядочным, законопослушным человеком, не использовать свои юридические знания для обхода закона и не обслуживать преступников».* Также он призвал к необходимости создания системы, которая бы обеспечивала не только правовую защиту, но и поддержку для людей, возвращающихся из зоны военного конфликта.

В заключении Сергей Степашин выразил восхищение стойкостью и оптимизмом жителей Донецка: *«Знаете, что меня порадовало? Во-первых, ничего не прилетело. Как-то странно. Во-вторых, люди не зашорены и не запуганы. ... Люди уже, по сути, живут мирной жизнью».*

Рабочая встреча прошла в конструктивной и дружеской атмосфере и завершилась коллективным фото.

Ежегодный фестиваль «Таврида.АРТ 2025» – арт-кластер, объединяющий молодых деятелей искусства, творчества и культуры проходил 1-3 августа 2025 года в бухте Капсель, в Судаке (Республика Крым).

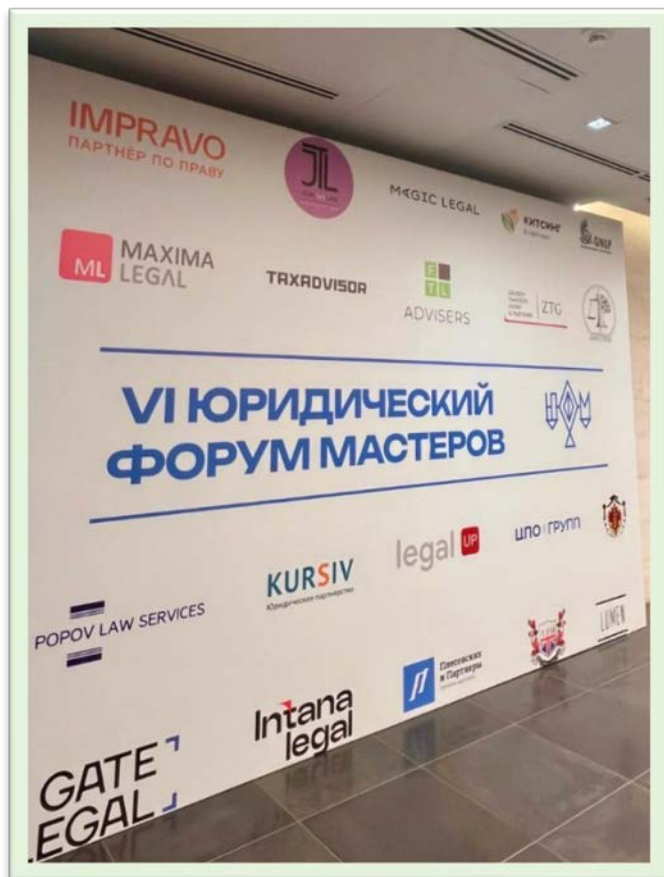

Возможность окунуться в атмосферу творчества, искусства и вдохновения, встретившись с талантливыми людьми со всей страны, увидеть потрясающие перформансы, мастер-классы и зарядиться энергией для новых свершений представилась студентам Донбасского государственного университета юстиции!

В рамках фестиваля 2 августа 2025 года обучающийся 2 курса ДГУЮ Минюста России Чудаков Максим Артёмович принял участие в грантовом конкурсе социальных проектов – представил свой проект учебного курса «Кибер-юрист» для обучения слушателей навыкам и умениям в области цифрового и информационного права, и на защите показал достойный результат, что позволило получить полезный опыт и приобрести новые знания в правовом и культурном пространстве.

VI Юридический форум мастеров – значимое событие в мире юриспруденции, прошёл 12-14 сентября 2025 года в городе Воронеже и собрал на одной площадке более тысячи специалистов из России и стран СНГ, мероприятие о праве в формате «практики для практиков».

Участники собрались, чтобы:

- обсудить проблемы ключевых отраслей права, за последний год их накопилось немало, впрочем, как и всегда,
- рассмотреть изменения законодательства, оценить их влияние на правовую реальность,
- разобраться, как эффективно управлять юрфирмой и юрдепом, поговорить не только об успехах, но и об ошибках.

На форуме выступили более 200 спикеров, среди которых ведущие юристы юридических фирм, адвокатских образований и инхаус-юристы.

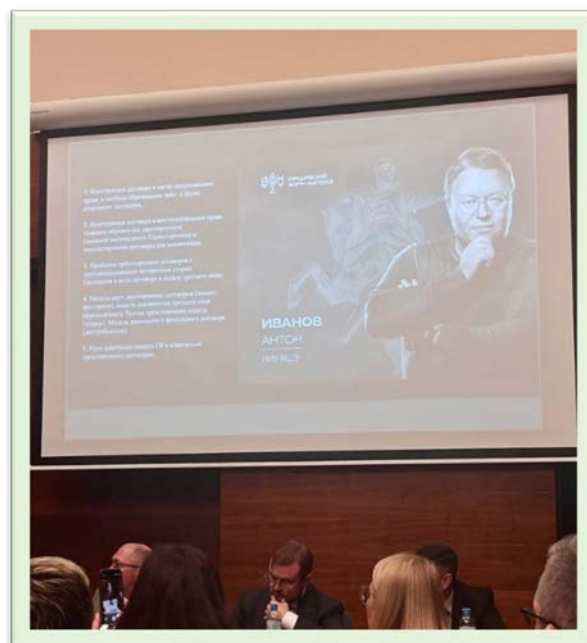
В этом году среди активных участников форума – студенты Донбасского государственного университета юстиции: Зубкова Елизавета Михайловна, Лазарева Алина Анатольевна, Данченко Георгий Михайлович, Лупандина Иванна Сергеевна, Стецюк Кристина Витальевна, Чудаков Максим Артёмович, Алимova Карина Романовна, Сардарян Арминэ Романовна, Щепка Ирина Викторовна.

Представители студенческого научного объединения ДГУЮ Минюста России получили уникальную возможность погрузиться в мир юридической элиты – напрямую пообщаться с экспертами, задать актуальные вопросы и получить ценные знания, которые, безусловно, помогут им в будущей профессиональной деятельности.

Цель Юридического форума мастеров – всесторонняя поддержка и развитие юридической профессии, а также создание сообщества, в котором юристы могут искать решения актуальных проблем, заводить полезные знакомства и находить партнеров для совместных проектов.

Донбасский государственный университет юстиции гордится своими студентами, которые демонстрируют высокий уровень подготовки и активно вливаются в профессиональное юридическое сообщество.

Научные материалы

УДК 349.2

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕДИАЦИИ И ПРИНЦИПА ЕЕ ДОБРОВОЛЬНОСТИ

Алдушина О.С., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: aldushina2025@mail.ru)

Статья посвящена правовой природе медиации как метода альтернативного разрешения споров и принципу её добровольности. В статье рассматриваются теоретические аспекты медиации, её правовая природа в контексте современной правовой системы России, а также принцип добровольности как фундаментальная основа медиационного процесса. Особое внимание уделяется юридическим механизмам, обеспечивающим добровольность участия сторон в медиации, а также анализу позитивных аспектов, которые данный принцип привносит в процесс урегулирования споров.

Ключевые слова: медиация, конфликт, судебный спор, урегулирование спора, примирительные процедуры, переговоры.

THE PRINCIPLE OF VOLUNTARINESS IN MEDIATION

Aldushina, O.S.

The article is devoted to the legal nature of mediation as a method of alternative dispute resolution and the principle of its voluntariness. The article examines the theoretical aspects of mediation, its legal nature in the context of the modern Russian legal system, as well as the principle of voluntariness as the fundamental basis of the mediation process. Special attention is paid to legal mechanisms that ensure the voluntary participation of the parties in mediation, as well as to the analysis of the positive aspects that this principle brings to the dispute settlement process.

Keywords: mediation, conflict, legal dispute, dispute settlement, conciliation procedures, negotiations.

Актуальность темы исследования. Медиация является способом разрешения или урегулирования конфликта (спора), который возникает в различных сферах жизнедеятельности – политической, социальной, экономической, организационной, культурной. Согласно нормативному определению медиация – внесудебная добровольная, конфиденциальная,

структурированная процедура, во время которой стороны с помощью медиатора (медиаторов) пытаются предотвратить возникновение или урегулировать конфликт (спор) путем переговоров.

В последние десятилетия медиация как альтернатива судебному разбирательству становится важным инструментом разрешения споров в международной и национальной правовой практике. В России институт медиации был внедрён в рамках реформы альтернативного разрешения споров, и на сегодняшний день активно развивается, привлекая как юридических специалистов, так и граждан, заинтересованных в более эффективном разрешении конфликтных ситуаций. Правовая природа медиации и её добровольность являются ключевыми элементами, определяющими её сущность, эффективность и соответствие принципам правового государства.

К принципам медиации Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) относит принципы «добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора» [1].

Медиатор не выступает защитником интересов сторон спора, поскольку он является беспристрастным, независимым ни от одной из них, нейтральным физическим лицом, которое помогает в общении и взаимопонимании, в самостоятельном разрешении спора его сторонами. Участие в медиации является добровольным волеизъявлением участников медиации. Никто не может быть принужден к урегулированию конфликта путем проведения медиации. Итак, главным условием для обращения сторон к медиатору является их общее согласие, то есть если одна сторона желает пройти процедуру медиации, а другая сторона – нет, то начать процедуру медиации невозможно. Исключительно сторонами конфликта избирается метод преодоления конфликта, осознанность и ответственность за самостоятельно принятое решение. Поэтому медиация имеет социальную природу. Соответственно, процедура медиации показатель уровня культуры примирения в обществе.

В то же время, законодательство и практика ряда государств мира свидетельствуют о возможном сочетании базового принципа добровольности участия в медиации с обязательным применением процедуры медиации на отдельных стадиях урегулирования конфликта (спора) или для урегулирования отдельных категорий правовых споров. В связи с этим актуальность исследования правовой природы медиации и последующего развитию института медиации на современном этапе не вызывает сомнений.

Анализ научных исследований. Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы правовой природы медиации и практической реализации, ее принципы постоянно исследуются учеными. Так, ей уделяли внимание такие ученые, как Д.Е. Михель [2], А.В. Суховенко [3], Н.В. Федоренко [4], Р.Н. Хагур [5] и др.

Вместе с тем, теоретическому обоснованию возможности сочетания принципа добровольности участия в медиации с обязательным применением

процедуры медиации на отдельных статьях урегулирования конфликта (спора) или для временного урегулирования отдельных категорий правовых споров в профессиональных исследованиях должного внимания уделяется мало.

Целью исследования является раскрытие правовой природы медиации и, в связи с этим, анализ возможности сочетания принципа добровольности участия в медиации с обязательным применением процедуры медиации на отдельных стадиях урегулирования конфликта (спора) или для урегулирования отдельных категорий правовых споров в Российской Федерации.

Изложение основного материала. Для успешного урегулирования конфликта необходимо иметь представление о его природе и сущности. Концепция конфликта имеет широкое применение во всех сферах взаимоотношений в обществе: в личной, деловой, экономической, общественной политической жизни. Конфликтология определяет конфликт как социальное явление. В этом смысле конфликт – это фактор социального развития, как конструктивный, так и деструктивный, проявляющий социальные противоречия, ценности, интересы, потребности, а также уровень развития общества.

По своей сути конфликт означает противоречие, расхождение, несогласованность, борьбу мнений, идей, потребностей, интересов, ценностей, желаний или позиций. Одной из особенностей конфликта является то, что он всегда олицетворяет противоположность целей, позиций, мнений, интересов, что влечет за собой соответствующие последствия. Ссоры или споры еще не являются конфликтами. Конфликт реально существует, если есть негативное следствие расхождений во мнениях или эмоциональных реакциях.

Он проявляется во враждебном, агрессивном поведении одной или нескольких сторон, между которыми возникло недоразумение.

Как следствие – прекращение позитивных взаимоотношений, межличностного взаимодействия или проявления агрессии, депрессии у человека.

Главным признаком конфликта является то, что с целью отстаивания своей позиции лица прибегают к разнообразным негативным, даже жестоким действиям.

Таким образом, конфликт как социальное явление связан с человеком как субъектом (в частности, источником конфликта), поскольку он возникает, прежде всего, из личности и ее восприятия другого (противоположного) мнения или позиции, которые противоречат ее интересам. Следовательно, конфликты составляют предмет исследования как конфликтологии, так и социологии, психологии и других наук.

В правовой науке выделяют юридический конфликт, признаком которого является наличие юридического факта, лежащего в основе правоотношений между сторонами и приводящего к появлению взаимных прав и обязанностей между ними. Т.В. Худойкина под юридическим конфликтом понимает «противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникшее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права» [6, С. 17].

Исследование юридического конфликта дает возможность определить наиболее эффективные методы его урегулирования.

В законодательстве России термин «конфликт» применяется, например, в трудовых отношениях. Антикоррупционное законодательство оперирует концепцией конфликта интересов (ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [7]). В то же время, отечественное законодательство не содержит в себе конструкции «юридический конфликт» или «правовой конфликт», а применяет следующие термины как «преступление», «правонарушение», «спор». По сути, они представляют собой отдельные формы юридических конфликтов. Такие конфликты вызываются юридическими ситуациями, то есть они связаны с реализацией или с нарушением тех или иных норм права. Они происходят в сфере юридических отношений, связанных с возникновением, изменением или прекращением правоотношений между физическими или юридическими лицами, а потому и решаются правовыми средствами.

По мнению В.Н. Кудрявцева, «юридический конфликт определяется в работе как противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм» [8, С. 34].

По мнению ученых, юридический конфликт должен рассматриваться в узком и широком смысле слова.

«В узком смысле слова юридический конфликт – это конфликт, который непосредственно связан с правовыми отношениями сторон, т. е. противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникшее в связи с применением, изменением, нарушением либо толкованием права.

Юридический конфликт в широком смысле слова (смешанные или переходные формы) – это любой социальный конфликт, имеющий хотя бы один элемент, обладающий юридической характеристикой, и который завершается юридическим способом, т. е. юридизируется» [9].

Для того, чтобы спор стал правовым, он должен соответствовать таким характерным признакам:

- 1) правовой спор возникает только из следующих действий его участников, юридические последствия;
- 2) правовой спор направлен на реализацию и защиту прав, свобод, законных интересов, а также выполнение обязанностей лица;
- 3) реализация интересов одной стороны спора в основном влечет за собой невозможность удовлетворения интересов другой стороны спора;
- 4) юридическим основанием правового спора является гарантированная законом возможность защиты права, свободы или законного интереса лица;
- 5) способы и средства решения правовых споров, установленные законодательством, не лишают лицо возможности обратиться к альтернативным средствам защиты прав.

Разрешение конфликта неюридическим путем усматривается возможным в три способа: переговоры, согласительные процедуры примирения, посредничество (медиация).

Разрешение или урегулирование «правового спора путем посредничества-медиации может иметь место при условии взаимного согласия сторон пройти процедуру медиации, что является важнейшим шагом к началу коммуникации с помощью медиатора-посредника, задача которого изначально наладить общение между сторонами правового спора.

Традиционным и универсальным является судебная защита прав и интересов. Юридическая энциклопедия определяет правовой спор как юридический конфликт между участниками правоотношений, в котором каждый из участников правоотношений защищает свои субъективные права. Правовые споры возникают вследствие нарушения субъективных прав в результате против правовых действий, а также в случае непризнания или оспаривания субъективных прав.

В основе спора лежит кризис взаимоотношений, то есть, несогласие, противоположность или нарушение прав в связи с защитой своего субъективного интереса. Итак, одна из сторон спора должна защищать свое право или интерес в способ, который считает для себя в соответствующей ситуации наиболее результативным. Общеупотребительными являются несколько способов защиты: судебный (обращение в суд с исковым заявлением), путем обращения в уполномоченный государственный орган, или с использованием общих приемов решения конфликтов – переговоры или привлечение посредников.

Медиация как один из наиболее эффективных способов альтернативного разрешения спора решает конфликт между сторонами на уровне эмоций, чувств, то есть в социальной, а не правовой плоскости.

Медиация представляет собой процесс, в рамках которого независимый посредник (медиатор) помогает сторонам конфликта прийти к соглашению. В отличие от судебного разбирательства, где решение принимает судья, медиатор не обладает властными полномочиями и не может навязать своё решение сторонам. Вместо этого он содействует конструктивному диалогу, позволяя сторонам самим находить оптимальное решение, которое будет принято на основе взаимных уступок и компромиссов.

С юридической точки зрения медиация является одним из видов альтернативного разрешения споров (АРС), наряду с арбитражем, переговорным процессом и другими методами. В отличие от традиционного судебного разбирательства, медиация характеризуется большей гибкостью, конфиденциальностью и экономической целесообразностью. Применение медиации значительно сокращает сроки разрешения споров и затраты, связанные с судебным разбирательством, при этом способствуя восстановлению и поддержанию отношений между сторонами.

Главной задачей медиации является выявление интересов конфликтующих сторон. Например, при решении правового спора о расторжении брака, перед сторонами встают одновременно такие вопросы как взыскание алиментов, раздел имущества супругов, определение проживания ребенка с одним из родителей. Принимая взаимовыгодное решение, одна из сторон может отказаться от права на раздел имущества в пользу своего интереса общения с

ребенком, а другая сторона – может отказаться от иска по признанию проживания ребенка с одним из родителей. Следовательно, медиация – это процедура внесудебная, неформальная, гибкая, задача которой – создать условия для сторон, которые будут способствовать взаимопониманию и удовлетворению интересов друг друга.

Интересы могут быть «над правом», поскольку они зависят от личного видения, восприятия ситуации, приоритетов, ценностей, которые присущи исключительно стороне спора, принимающего решения на основании своего мировосприятия.

Медиатор не выступает защитником интересов, поскольку он является беспристрастной, независимой ни от одной из сторон, нейтральной стороной, которая помогает в общении и взаимопонимании, в самостоятельном разрешении спора сторонами. То есть общение сторон основывается не на состязательности и стремлении доказать свою правоту и меру справедливости, а на конструктивном общении с целью поиска взаимовыгодного решения удовлетворить свои интересы.

Учитывая базовые принципы медиации, медиатор является нейтральным и независимым ни от одной из сторон спора, следовательно, он априори не может защищать их интересы.

Задачей медиатора является обеспечение условий для эффективной коммуникации между сторонами спора, в которой стороны смогут слышать друг друга, доверять друг другу и рационально искать общие варианты разрешения существующего конфликта.

Медиация является универсальным инструментом для урегулирования конфликтов и споров с применением ее как в процессе юрисдикционном, так и во внеочередном. Но медиация особенно эффективна тогда, когда нужно восстановить отношения между людьми (опека над детьми при разводе, объединение компаний, отношения клиента и подрядчика и т. д.).

Согласно Закону о медиации, который определяет её как процесс, целью которого является разрешение спора с помощью посредника, без обращения в суд. Основной особенностью медиации является её добровольный характер, что отличает её от обязательных процедур, таких как судебное разбирательство.

Медиация проводится по взаимному согласию сторон медиации, то есть участие в медиации является добровольным волеизъявлением участников медиации. Роль медиатора – помочь сторонам конфликта (спора) осуществлять коммуникацию, достичь понимания в процессе мирных переговоров.

Решение на взаимовыгодных условиях принимается сторонами самостоятельно. И поскольку решение принимается сторонами вместе, оно должно выполняться также добровольно, поскольку считается для обеих сторон выгодным. То есть цель посредничества и его универсальность заключается в том, что стороны из этого процесса выносят тот интерес, который желали получить от взаимоотношений. К тому же, поскольку решение принято сторонами исключительно самостоятельно, оно имеет ценность для обеих сторон, что исключает его невыполнение.

В соответствии с п.1. ст. 11 Закона о медиации «порядок проведения процедуры медиации устанавливается соглашением о проведении процедуры медиации» [1]. В соглашении указывается ряд вопросов, включающих, в том числе, права и обязанности сторон, порядок оплаты услуг медиатора и т.д.

Иными словами, законодательством предусмотрена так называемая подготовительная стадия, на которой выясняет, возможно ли применить инструменты медиации в конфликте, или конфликт обострился и стороны не способны на мирные переговоры. Хотя, если стороны договорились обратиться к медиатору в связи с тем, что самостоятельно разрешить конфликт или спор не могут, то с первых шагов существует согласованность действий – это первоначальное основание проведения медиации, за исключением споров или конфликтов, которые влияют или могут повлиять на права и законные интересы третьих лиц, не являющихся участниками медиации, или правовых споров, которые не подлежат урегулированию путем медиации.

Проблема заключается в том, что конфликт, который трансформировался в правовой спор с точки зрения не только правового аспекта, но и морального состояния сторон – то есть, когда отношения сторон друг к другу являются остро негативными в эмоциональном смысле, стороны занимают упорные позиции, добровольно не желая уступить, хотя бы до уровня общения, – в медиационном внесудебном способе решить практически невозможно. Главным условием для обращения сторон к медиатору является их общее согласие, то есть если одна сторона желает пройти процедуру медиации, а другая сторона – нет, то начать процедуру медиации невозможно.

Таким образом, принцип добровольности медиации является основным и определяющим её правовую природу. Этот принцип заключается в том, что участие сторон в медиационном процессе основывается на их собственном желании, а не на обязательности или принуждении. Добровольность подтверждается тем, что стороны самостоятельно решают, обратиться ли к медиации, и могут в любой момент прекратить процесс, если сочтут его неудовлетворительным.

Основные проявления принципа добровольности:

- инициатива сторон. В большинстве случаев процесс медиации начинается с добровольного согласия сторон на использование медиации. Стороны могут как совместно предложить медиатору свою помощь, так и одна из сторон может предложить другому участнику конфликта решить спор мирным путём с привлечением медиатора;

- отсутствие принуждения. В отличие от судебного процесса, где участники обязаны следовать определённым процессуальным нормам, в медиации стороны не обязаны принимать участие, если они этого не хотят. В случае отказа от участия, они могут свободно обратиться в суд;

- прекращение процесса. Принцип добровольности также включает право сторон прекратить медиацию в любой момент, если они не достигают договорённости или считают процесс бессмысленным. В таких случаях стороны могут обратиться в суд для разрешения спора.

Законодательство Российской Федерации придаёт принципу добровольности особое значение, что подчёркивается в нормах Закона о медиации. В соответствии с законом, медиация не может быть навязана сторонам, и они имеют право самостоятельно принимать решение о её применении.

Так, в п. 1. статьи 7 Закона о медиации отмечается, что применение процедуры медиации осуществляется на основании соглашения сторон. Это положение ясно демонстрирует, что решение об обращении к медиации должно быть основано на свободной воле сторон. Кроме того, закон дает сторонам возможность отменить участие в медиации в любой момент, что соответствует общему принципу свободы воли и правового равенства сторон.

Добровольность медиации обеспечивает несколько ключевых преимуществ для сторон, включая сохранение добрых отношений, повышение степени удовлетворённости от результата и снижение уровня агрессии, который часто сопровождает судебные разбирательства. Когда стороны участвуют в процессе по собственному желанию, они гораздо более мотивированы к поиску компромисса, что делает итоговое соглашение более прочным и долгосрочным.

Для медиатора добровольность также является важным аспектом, поскольку он действует как нейтральная сторона, стремящаяся помочь сторонам найти оптимальное решение, не влияя на их выбор. Это гарантирует, что результат медиации будет достигнут на основе взаимного согласия, а не под давлением или принуждением.

Выводы. Медиация представляет собой эффективный, гибкий и экономически выгодный способ разрешения споров, который основывается на принципе добровольности. Это позволяет сторонам свободно выбирать метод разрешения конфликта и контролировать процесс урегулирования спора. Принцип добровольности является фундаментальной основой медиации, гарантируя справедливость, свободу воли и конфиденциальность процесса. В то же время, установление обязательности предыдущей попытки урегулирования правового спора посредством процедуры медиации может стать решающим для преодоления конфликта между сторонами на уровне эмоциональных отношений или устранения других причин, которые привели к росту напряжения между сторонами и трансформации конфликта в правовой спор. Это позволит разрешить правовой спор внесудебным путем, что даст такие существенные преимущества как сокращение времени на решение правового спора, улучшение психоэмоционального состояния сторон спора и сохранения межличных отношений. Обязательность прохождения медиационной процедуры сторонами правового спора также будет способствовать развитию в обществе культуры примирения в правовых конфликтах.

Список литературы

1. Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета, 30 июля 2010 г. – № 168.

2. Михель, Д.Е. К вопросу о правовой природе медиации / Д.Е. Михель // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, отв. ред. В.Г. Голубцов; О.А. Кузнецова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – 2016. – С. 324-327.
3. Суховенко, А.В. Правовая природа соглашений в медиации и в третейских спорах / А.В. Суховенко // Новая наука: проблемы и перспективы. – № 3-1 (67). – 2016. – С. 251-254.
4. Федоренко, Н.В. Правовая природа медиации / Н.В. Федоренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – № 10 (29). – 2012. – С. 30-34.
5. Хагур, Р.Н. Теоретико-правовое понимание природы и особенностей медиации в России / Р.Н. Хагур // Евразийский научный журнал – № 9. – 2017. – С. 73-75.
6. Худойкина, Т.В. Юридическая конфликтология: учеб. пособие / Т.В. Худойкина, А.А. Брыжинский. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 224 с.
7. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ // Российская газета от 30 декабря 2008 г. – № 266.
8. Юридическая конфликтология / А.Д. Бойков, Н.Н. Варламова, А.В. Дмитриев, О.Л. Дубовик, и др.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
9. Худойкина, Т.В. Юридическая конфликтология в условиях государственно-правовых и общественных преобразований в России: постановка проблемы, теоретические и социологические аспекты / Т.В. Худойкина // Сибирский юридический вестник. – 1998. – № 3. – С. 10-13.

УДК 347.73; 336.221.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГА НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ, ВСТУПИВШИЕ В ДЕЙСТВИЕ С 2025 ГОДА

Балакай О.Б., кандидат экономических наук, доцент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: k.balackai@mail.ru)

Галушка В.О., кандидат наук государственного управления, заместитель начальника Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 8 по Донецкой Народной Республике (г. Донецк)
(e-mail: tatyana7347@mail.ru)

В статье анализируется правовое регулирование налога на доходы физических лиц в РФ, элементы налогообложения и особенности применения налоговых вычетов, а также актуальные изменения в налоговом законодательстве РФ в области регулирования НДФЛ, вступившие в силу с 2025 года.

Ключевые слова: *Налоговый Кодекс Российской Федерации, налог на доходы физических лиц (НДФЛ), физические лица, граждане, доходы, вклады, налоговые вычеты.*

LEGAL REGULATION OF PERSONAL INCOME TAX IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ACTUAL CHANGES IN THE RUSSIAN FEDERATION'S TAX LEGISLATION THAT HAVE BEEN ENFORCED SINCE 2025

Balakai, O.B., Galushka, V.O.

This article analyzes the legal regulation of personal income tax in the Russian Federation, the elements of taxation, and the specifics of applying tax deductions, as well as the current changes in the Russian Federation's tax legislation regarding personal income tax regulation that have been enforced since 2025.

Keywords: *Tax Code of the Russian Federation, personal income tax (PIT), individuals, citizens, income, deposits, and tax deductions.*

Актуальность темы исследования. С 1 января 2023 года на территории ДНР, как субъекта РФ, вступил в силу Налоговый кодекс Российской Федерации. Изменения в налоговом законодательстве носят объемный характер, что

обусловило установление переходного периода для налогоплательщиков и налоговых органов до 1 января 2028 года. Нововведения касаются различных налогов и сборов: введение налогов и сборов, таких как НДС, налог на собственность предприятий и налог на имущество физических лиц. Существенно изменились формы отчетности, методы исчисления и порядок взимания налоговых платежей, а также была реорганизована система налоговых органов. Одним из ключевых федеральных налогов, формирующих бюджет Российской Федерации, является налог на доходы физических лиц (НДФЛ), претерпевший значительные изменения в 2025 году, что делает его изучение актуальным и ценным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Анализ научных исследований. Проблематику налогового права и особенностей взимания НДФЛ в РФ рассматривали такие авторы как Ю.А. Крохина, А.С. Бурова, В.Г. Пансков и др. [1-3]. Особое внимание изучению НДФЛ посвятили в своих работах О.И. Изотова, А.П. Терехина, С.П. Волохов и др. [4-6]. Однако, в исследованиях, НДФЛ рассматривается как элемент социальной политики, акцентируется внимание на влиянии НДФЛ на социальную политику, недостаточно исследованы особенности правового регулирования НДФЛ в контексте современных изменений налогового законодательства.

Целью статьи является изучение правового регулирования НДФЛ в РФ и актуальных изменений в налоговом законодательстве Российской Федерации, вступивших в силу в 2025 году.

Изложение основного материала. В Российской Федерации налогообложение организовано по трехуровневому принципу. Налоги и сборы распределяются между разными уровнями бюджетной системы: федеральным, региональным и местным.

Необходимо отметить, что для ДНР взимание региональных и местных налогов в 2023 году не было предусмотрено. В ДНР ведется работа по формированию кадастровых реестров, необходимых для взимания земельного налога и налога на имущество физических лиц. Отсутствие вышеуказанных налогов можно рассматривать как налоговую льготу региону [7]. В 2024 году были введены на территории ДНР транспортный налог и 11налог на имущество организаций, однако уплачивать их надо в 2025 году. Налог на имущество физических лиц не введен в 2025 году.

Статус иерархии налогов закреплён в статьях 13, 14 и 15 Налогового кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 13 НК РФ, налог на доходы физлиц (НДФЛ) относится к категории федеральных налогов. Это подразумевает единообразие подхода к его исчислению по всей территории страны. В отличие от налогов, устанавливаемых на местном или региональном уровнях, органы местного самоуправления и региональные власти лишены права изменять порядок его взимания, адаптировать процентные ставки или предоставлять налоговые преференции. Важно отметить, что поступления от НДФЛ распределяются между региональным и местным бюджетами в пропорции 85% и 15%, соответственно.

Подходный налог с физических лиц (НДФЛ) представляет собой прямой налог, действующий в пределах Российской Федерации. Его размер определяется процентным соотношением к общей сумме доходов, полученных физическими лицами. Обязательным к уплате является с любых поступлений, зафиксированных в течение календарного года, будь то денежные средства или иные формы материальной выгоды.

Как правило, в базу для расчета НДФЛ включаются различные виды доходов, получаемые гражданами из множества источников. Это может быть заработная плата, доход от банковских вкладов в виде процентов, дивиденды от инвестиций, выплаты за аренду имущества, прибыль от операций с капиталом и прочие виды финансовых поступлений.

Регулируется исчисление и уплата НДФЛ главой 23 НК РФ.

Согласно статье 207 НК РФ, налогоплательщиками НДФЛ признаются физические лица, являющиеся налоговыми резидентами РФ, а также физические лица, получающие доходы от источников в РФ, не являющиеся налоговыми резидентами РФ [8].

В соответствии с пунктом 2 статьи 207 НК РФ налоговыми резидентами признаются физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Период нахождения физического лица в Российской Федерации не прерывается на периоды его выезда за пределы территории Российской Федерации для краткосрочного (менее шести месяцев) лечения или обучения, а также для исполнения трудовых или иных обязанностей, связанных с выполнением работ (оказанием услуг) [8].

Согласно ст. 11 НК РФ под физическими лицами следует понимать:

- граждан РФ;
- иностранных граждан;
- лиц без гражданства;
- индивидуальных предпринимателей [9].

В соответствии со ст. 209 НК РФ объект налогообложения различен в зависимости от статуса физического лица:

– для физических лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации объект налогообложения, – доход, полученный от источников в Российской Федерации и за ее пределами;

– для физических лиц, не являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации объект налогообложения, – доход, полученный от источников в Российской Федерации.

Если говорить об исчислении НДФЛ с доходов физического лица, полученного в виде заработной платы, дивидендов и других подобных доходов, то в данном случае ответственность за своевременность и полноту исчисления и уплату налога несет налоговый агент (в частности, работодатель).

Налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с налоговым законодательством возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджет РФ.

Налоговые агенты обязаны:

- правильно и своевременно исчислять, удерживать из денежных средств, выплачиваемых налогоплательщикам, и перечислять налоги в бюджет;
- письменно сообщать в налоговую инспекцию по месту своего учета о невозможности удержать налог и о сумме задолженности налогоплательщика в течение одного месяца со дня, когда налоговому агенту стало известно об этом;
- вести учет начисленных и выплаченных налогоплательщикам доходов, исчисленных, удержанных и перечисленных в бюджет налогов, в том числе по каждому налогоплательщику;
- предоставлять налоговым инстанциям документацию, требуемую для осуществления контроля над корректностью расчетов, удержания и уплаты налогов;
- гарантировать хранение упомянутых документов на протяжении пятилетнего периода.

Статья 226 Налогового кодекса РФ детально регламентирует обязанности, возложенные на налоговых агентов в процессе взимания налога на доходы физических лиц (НДФЛ).

Однако, существует ряд случаев, когда налоговый агент освобождается от исполнения функций по расчету, удержанию и перечислению НДФЛ в бюджетную систему:

- 1) с доходов, которые освобождены от НДФЛ, в частности:
 - с компенсационных выплат, которые установлены законодательством РФ, субъектов РФ и решениями представительных органов местного самоуправления (выходное пособие при увольнении, возмещение вреда здоровью и др.) (п. 1 ст. 217 НК РФ);
 - алиментов (п. 5 ст. 217 НК РФ);
- 2) с доходов, по которым уплатить НДФЛ обязан сам налогоплательщик:
 - с доходов, которые выплачиваются индивидуальным предпринимателям, нотариусам, адвокатам и иным лицам, занимающимся частной практикой (п. п. 1, 2 ст. 227 НК РФ);
 - с доходов, для которых ст. 228 НК РФ установлен специальный порядок исчисления НДФЛ (п. 2 ст. 226 НК РФ). К ним относятся:
 - доходы, полученные физическим лицом от продажи недвижимого имущества (пп. 2 п. 1, п. 4 ст. 228 НК РФ);
 - доходы в виде процентов по вкладам (остаткам на счетах) в банках, находящихся на территории РФ (п. 1 ст. 214.2, п. 6 ст. 228 НК РФ);
 - доходы в виде выигрышей, полученных от участия в азартных играх, проводимых в казино и залах игровых автоматов (п. 3 ст. 214.7, п. 6 ст. 228 НК РФ) [8].

Согласно статье 210 Налогового кодекса РФ, для расчета НДФЛ налоговая база представляет собой выраженную в денежной форме величину доходов, облагаемых налогом и принимаемых во внимание при ее исчислении. При этом из указанной величины вычитаются суммы налоговых вычетов, установленных статьями 218-221 НК РФ.

В случае, когда размер вычетов превышает сумму доходов, налоговая база приравнивается к нулю. Пункт 3 статьи 210 НК РФ устанавливает, что отрицательная разница, возникающая между суммой полученных доходов и суммой предоставленных вычетов, не может быть перенесена на следующий налоговый период. Исключением из данного правила является имущественный налоговый вычет.

В соответствии с пунктом 1 статьи 210 НК РФ, если из заработной платы физического лица производятся какие-либо удержания, то эти удержания не оказывают влияния на уменьшение размера налоговой базы по НДФЛ.

При применении к доходам физического лица одной ставки НДФЛ налоговая база в соответствии с п. 2 ст. 210 НК РФ определяется общая. Если ставки налога на доходы физических лиц разные, то следует отдельно определять налоговые базы.

Существуют особенности исчисления и уплаты НДФЛ с процентов по вкладам (остаткам по счетам) в банках, находящихся на территории РФ. Для целей налогообложения учитывается процентный доход, полученный как резидентами, так и нерезидентами, по всем вкладам (остаткам на счетах) в банках, находящихся на территории РФ (п. 1 ст. 207, пп. 1 п. 1 ст. 208 НК РФ) [8].

При исчислении НДФЛ не учитываются проценты (п. 1 ст. 214.2 НК РФ):

- по вкладам (остаткам на счетах) в рублях в банках на территории РФ, в том числе в Банке России, процентная ставка по которым в течение всего календарного года составляет не более 1% годовых;
- по счетам эскроу.

НДФЛ облагается разница между суммой полученных налогоплательщиком в течение календарного года процентов и суммой процентов, рассчитанной как произведение 1 млн руб. и максимального значения ключевой ставки Банка России из действовавших по состоянию на первое число каждого месяца в течение указанного календарного года.

Таким образом, при изменении значений ключевой ставки Банка России в течение календарного года сумма вычета, уменьшающего налоговую базу в отношении доходов в виде процентов, будет определяться от максимального из зафиксированных на 1-е число каждого месяца года значения ключевой ставки Банка России. То есть в случае роста ключевой ставки Банка России в течение календарного года повысится и сумма необлагаемого дохода.

Если полученные доходы номинированы в иностранной валюте, они пересчитываются в рубли по официальному курсу Банка России на дату фактического получения дохода (п. 2 ст. 214.2 НК РФ).

Изменение размера валютного вклада, вызванное курсовыми колебаниями, при расчете суммы НДФЛ не учитывается.

Дата заключения банковского договора на открытие вклада в банке, а также периодичность выплаты процентов по вкладу не влияют на порядок обложения НДФЛ процентов.

Для целей налогообложения учитываются процентные доходы от банковских вкладов (или остатков на счетах) за тот налоговый период, когда эти доходы были фактически выплачены вкладчику.

Если согласно условиям депозитного соглашения, проценты перечисляются на увеличение суммы того же депозита, то налогооблагаемый доход в форме этих начисленных процентов признается в том налоговом периоде, когда произошло их зачисление. Процентные платежи, возвращенные вкладчиком банку из-за преждевременного расторжения депозитного договора, не подлежат учету при расчете НДФЛ.

Как для налоговых резидентов Российской Федерации, так и для нерезидентов, процентная ставка НДФЛ на доходы от процентов едина и составляет 13% (если общая сумма дохода не превышает 5 миллионов рублей). В случае превышения этого порога, налоговая ставка рассчитывается как 650 тысяч рублей плюс 15% от суммы, превышающей 5 миллионов рублей, согласно положениям статей 224 Налогового кодекса РФ.

Существуют особенности определения налоговой базы при получении доходов в натуральной форме. К доходам, полученным налогоплательщиком в натуральной форме, относятся:

- 1) полная или частичная оплата за налогоплательщика организациями или индивидуальными предпринимателями товаров (работ, услуг) или имущественных прав (коммунальных услуг, питания, отдыха, обучения);
- 2) полученные налогоплательщиком товары, выполненные в интересах налогоплательщика работы, оказанные в интересах налогоплательщика услуги на безвозмездной основе или с частичной оплатой;
- 3) оплата труда в натуральной форме.

Согласно п. 1 ст. 211 НК РФ при получении доходов в натуральной форме налоговая база определяется как стоимость товаров (работ, услуг). В эту стоимость включаются суммы НДС и акцизов.

Так же отметим особенности определения налоговой базы при получении доходов в виде материальной выгоды. Порядок определения налоговой базы при получении дохода в виде материальной выгоды установлен ст. 212 НК РФ.

Материальная выгода может возникать в следующих случаях:

- 1) при экономии на процентах за пользование заемными (кредитными) средствами, полученными от организаций или индивидуальных предпринимателей. Налоговая база определяется как:

– превышение суммы процентов за пользование заемными (кредитными) средствами, выраженными в рублях, исчисленной исходя из двух третьих действующей ставки рефинансирования, установленной Центральным банком РФ на дату фактического получения налогоплательщиком дохода, над суммой процентов, исчисленной исходя из условий договора;

– превышение суммы процентов за пользование заемными (кредитными) средствами, выраженными в иностранной валюте, исчисленной исходя из 9% годовых, над суммой процентов, исчисленной исходя из условий договора;

2) при приобретении товаров (работ, услуг) по гражданско-правовым договорам у физических лиц, организаций и индивидуальных предпринимателей, являющихся взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику.

Налоговая база определяется как превышение цены идентичных (однородных) товаров (работ, услуг), реализуемых лицами, являющимися взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику, в обычных условиях лицам, не являющимся взаимозависимыми, над ценами реализации идентичных (однородных) товаров (работ, услуг) налогоплательщику;

3) при приобретении ценных бумаг и финансовых инструментов срочных сделок. Налоговая база определяется как превышение рыночной стоимости ценных бумаг, финансовых инструментов срочных сделок над суммой фактических расходов налогоплательщика на их приобретение.

В российском налоговом законодательстве понятие «льготы» напрямую не применяется к налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). Однако, на практике, под льготами по НДФЛ обычно подразумевают доходы, не подлежащие налогообложению, а также налоговые вычеты.

С доходов, которые освобождены от НДФЛ, не требуется рассчитывать, удерживать и перечислять налог в бюджет. К таким доходам, например, относятся компенсации, установленные законодательством Российской Федерации, ее субъектов, а также решениями местных органов власти (в частности, выходные пособия при увольнении или компенсации за ущерб здоровью) (п. 1 ст. 217 НК РФ), алименты (п. 5 ст. 217 НК РФ) и некоторые другие выплаты.

Налоговые вычеты позволяют уменьшить налогооблагаемую базу, что приводит к снижению суммы НДФЛ к уплате. Существует несколько типов вычетов, среди которых наиболее часто применяются стандартные вычеты на самого себя и на детей, социальные вычеты на медицинские услуги и образование, а также имущественные вычеты при покупке недвижимости. Для ДНР применение вычетов является относительно новым, поэтому важно тщательно изучить порядок и правила их использования.

Большинство вычетов могут быть предоставлены налоговыми агентами на основании заявления от налогоплательщика, за исключением случаев, когда получение вычета возможно только через налоговый орган (например, имущественный вычет при продаже недвижимости).

При определении размера налоговой базы в соответствии с п. 3 ст. 210 НК РФ налогоплательщик – налоговый резидент РФ, получивший доходы, облагаемые по ставке 13% (за исключением дивидендов), имеет право на получение налоговых вычетов.

В соответствии с НК РФ предусмотрено 5 групп налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц: стандартные; социальные; инвестиционные; имущественные; профессиональные.

Доходы, полученные по итогам каждого месяца налогового периода, могут быть уменьшены на полагающиеся налогоплательщику стандартные вычеты (п.

1 ст. 218 НК РФ). Стандартные вычеты предоставляются налоговым агентом (работодателем) отдельным категориям физических лиц. Все стандартные налоговые вычеты можно разделить на два вида:

- 1) вычеты на налогоплательщика (подп. 1, 2 п. 1 ст. 218 НК РФ);
- 2) вычеты на детей (подп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ).

В настоящее время стандартные вычеты налогоплательщикам предоставляются в размере 3000 (для категорий «чернобыльцы», инвалиды ВОВ, инвалидам из числа военнослужащих, ставших инвалидами I, II и III групп вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР, Российской Федерации и иным лицам поименованным в подп. 1 п. 1 ст. 218 НК РФ.) и 500 руб. (для категорий: Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации; инвалиды с детства, инвалиды I и II групп; родители и супруги военнослужащих, погибших при защите СССР, Российской Федерации; иные лица, поименованные в подп. 2 п. 1 ст. 218 НК РФ).

Налоговый вычет за каждый месяц налогового периода распространяется на родителя, супруга (супругу) родителя, усыновителя, на обеспечении которых находится ребенок.

С 01.01.2025 года увеличен стандартный вычет на второго ребенка – 2 800 руб. (до 01.01.2025 – 1400 руб.), на третьего и последующего ребёнка – 6 000 руб. (до 01.01.2025 – 3000 руб.), а также предельный размер дохода для вычетов на детей – 450 000 руб. (ст. 218 НК РФ). Стандартный налоговый вычет на первого ребенка остался в сумме 1400 руб.

Также появился вычет 18 000 руб. за год для сдавших нормы ГТО и прошедших диспансеризацию (ст. 218 НК РФ).

Налоговый вычет положен каждому родителю (или опекуну) на каждого ребенка. Данный вычет действует до того месяца, как совокупный доход с начала года превысит порог в 450 тысяч рублей. Вычет начинает применяться с месяца появления ребенка на свет и заканчивается в конце года, когда ребенку исполняется 18 или 24 года. Один из родителей (усыновителей) может получать удвоенный вычет, если другой родитель (усыновитель) отказывается от своей части. Одиноким родителем (усыновителем, опекун, попечитель) также имеет право на получение вычета в двойном размере.

Социальные налоговые вычеты предоставляются по шести основаниям, представленным в таблице 2.

Таблица 2. Основания предоставления социальных налоговых вычетов.

Социальные налоговые вычеты					
по расходам на благотворительные цели и пожертвования	по расходам на обучение	по расходам на медицинские услуги и лекарственные препараты	по расходам на негосударственное пенсионное обеспечение, добровольное пенсионное страхование и добровольное страхование жизни	по расходам на негосударственное пенсионное обеспечение, добровольное пенсионное страхование и добровольное страхование жизни	по расходам на прохождение независимой оценки своей квалификации

Налогоплательщик имеет право на социальный налоговый вычет в сумме фактически произведенных им трат, однако размер вычета ограничен максимальными значениями, установленными Налоговым кодексом Российской Федерации. Существует общий лимит для социальных вычетов, составляющий 150 000 рублей в течение календарного года на каждого налогоплательщика. Данное ограничение распространяется на следующие пять категорий расходов:

- 1) оплата обучения (за исключением случаев, когда обучение оплачивается за детей или лиц, находящихся под опекой);
- 2) оплата медицинских услуг (кроме дорогостоящих видов лечения);
- 3) взносы по договорам негосударственного пенсионного обеспечения и добровольного пенсионного страхования;
- 4) уплата дополнительных страховых взносов, направленных на формирование накопительной части трудовой пенсии;
- 5) расходы, связанные с прохождением независимой оценки квалификации.

Налоговый вычет на благотворительность имеет отдельный лимит, не зависящий от общего лимита в 150 000 рублей. Максимальная сумма вычета пожертвований ограничена 25% от вашего годового дохода, согласно Налоговому кодексу РФ. Это значит, что даже если вы пожертвовали сумму, превышающую 25% вашего дохода, вычет будет рассчитан только от этой части. Общий лимит в 150 000 рублей относится к другим типам вычетов, а не к благотворительности.

Так же применяются инвестиционные налоговые вычеты. При определении размера налоговой базы налогоплательщик имеет право на получение инвестиционных налоговых вычетов:

- 1) в размере положительного финансового результата, полученного налогоплательщиком в налоговом периоде от реализации (погашения) ценных бумаг, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг и находившихся в собственности налогоплательщика более трех лет;
- 2) в сумме денежных средств, внесенных налогоплательщиком в налоговый период на индивидуальный инвестиционный счет;
- 3) в сумме положительного финансового результата, полученного по операциям, учитываемым на индивидуальном инвестиционном счете.

Следующий вид вычетов – имущественный налоговый вычет. При выполнении условий, установленных абз. 19 пп. 2 п. 2 ст. 220 НК РФ, доход от продажи квартиры может быть уменьшен на документально подтвержденные расходы физического лица на приобретение этой квартиры.

Таким образом, с учетом положений пп. 1 и 2 п. 2 ст. 220 НК РФ налогообложению подлежит не полная сумма полученного дохода от продажи недвижимого имущества, а сумма дохода, уменьшенная на соответствующий размер имущественного налогового вычета (1 000 000 руб.) или на сумму фактически произведенных налогоплательщиком и документально подтвержденных расходов, связанных с приобретением недвижимого имущества.

Доходы от продажи объекта недвижимости освобождаются от налогообложения, если он находился в собственности у налогоплательщика в течение минимального предельного срока владения имуществом – пяти лет.

При этом минимальный срок может составлять три года, если право собственности на недвижимое имущество получено:

– физическим лицом в порядке наследования или по договору дарения от его члена семьи или близкого родственника;

– в результате приватизации;

– плательщиком ренты в результате передачи имущества по договору пожизненного содержания с иждивением;

– в собственности у гражданина (включая совместную собственность супругов) на дату государственной регистрации перехода права собственности на проданное имущество не находится иного жилого помещения. При применении данного условия не учитывается недвижимое имущество, приобретенное данным лицом или его супругом (супругой) в течение 90 дней до даты государственной регистрации права собственности на проданное имущество.

Для иного имущества (гараж, автомобиль и т.д.) минимальный срок владения составляет три года.

Для получения налоговых вычетов физические лица подают декларацию по форме 3-НДФЛ через личный кабинет налогоплательщика, либо непосредственно обратившись в инспекцию.

Согласно положениям статьи 216 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговым периодом для целей исчисления НДФЛ является календарный год. Размеры налоговых ставок, используемых при расчете налога на доходы физических лиц, определены статьей 224 НК РФ.

В 2025 году произошли изменения в прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц – более высокие ставки начинают действовать для доходов, превышающих 2,4 миллиона рублей. Для оплаты труда предусмотрено пять различных ставок – 13, 15, 18, 20 и 22 процента; для денежных поступлений от продажи собственности и различных операций с ценными бумагами, дивидендов, страховых выплат и процентов по депозитам используются две ставки – 13 и 15 процентов.

В 2025 году размер ставки НДФЛ зависит от величины дохода (совокупности налоговых баз, к которой применяется прогрессивная шкала) (п. 1 ст. 224 НК РФ), что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Прогрессивная шкала налогообложения в РФ в 2025 году.

Ставка налога	Особенности применения и взимания
13%	для доходов до 2,4 млн руб. в год включительно.
15% от суммы, превышающей 2,4 млн руб., плюс 312 тыс. руб.	для доходов свыше 2,4 млн руб., но не более 5 млн руб. в год. Фиксированная составляющая 312 тыс. руб. – это сумма налога, исчисленная с дохода 2,4 млн руб. по 13%.

18% от суммы, превышающей 5 млн руб., плюс 702 тыс. руб.	для доходов свыше 5 млн руб., но не более 20 млн руб. в год. Фиксированная составляющая 702 тыс. руб. – это сумма налога, исчисленная с дохода 2,4 млн руб. по 13% и дохода 2,6 млн руб. по 15%.
20% от суммы, превышающей 20 млн руб., плюс 3 402 тыс. руб.	для доходов свыше 20 млн руб., но не более 50 млн руб. в год. Фиксированная составляющая 3 402 тыс. руб. – это сумма налога, исчисленная с дохода 2,4 млн руб. по 13%, дохода 2,6 млн руб. по 15% и дохода 15 млн руб. по 18%;
22% от суммы, превышающей 50 млн руб., плюс 9 402 тыс. руб.	для доходов свыше 50 млн руб. в год. Фиксированная составляющая 9 402 тыс. руб. – это сумма налога, исчисленная с дохода 2,4 млн руб. по 13%, дохода 2,6 млн руб. по 15%, дохода 15 млн руб. по 18% и дохода 30 млн руб. по 20%.

Необходимо отметить, что ставки 13% с доходов до 5 млн руб. и 15% свыше 5 млн руб. применяются, как и ранее для зарплат в части районных коэффициентов и надбавок и выплат участникам СВО.

Удерживают налог при каждой выплате физлицу. С доходов в натуральной форме и материальной выгоды налог удерживают при ближайшей выплате, но не более 50% выплаченной суммы (ст. 226 НК РФ).

Доход в натуральной форме – это доход в виде имущества или услуг

Уплата НДФЛ осуществляется перечислением платежкой на Единый налоговый платеж (ЕНП).

Учет и отчетность по НДФЛ: на каждого работника у налогового агента должен вестись регистр учета доходов, вычетов и НДФЛ. Ежеквартально в налоговую предоставляется расчет 6-НДФЛ. В годовой отчет должны быть включены справки о доходах по каждому физлицу форма 2-НДФЛ).

Обязанность по подаче декларации 3-НДФЛ лежит на категориях налогоплательщиков, которые определены:

- в статье 227 Налогового кодекса Российской Федерации;
- в статье 227.1 (касается иностранных граждан);
- в пункте 1 статьи 228.

Настольные налоговые проверки, регламентированные статьей 88 Налогового кодекса РФ, а также декларации 6-НДФЛ и 3-НДФЛ, проводятся в срок, не превышающий трех месяцев с момента подачи налоговой декларации. При этом возникает необходимость предоставления документов, подтверждающих понесенные затраты (налоговые вычеты). При положительном сальдо возврат НДФЛ осуществляется в течение месяца после завершения проверки. Если обязанность по уплате НДФЛ возложена на налогового агента, то проверяется корректность расчета по форме 6-НДФЛ.

Выводы. В результате можно отметить, что правовое регулирование НДФЛ претерпело существенные изменения в 2025 году, а именно выделить ряд изменений в отношении НДФЛ с 01.01.2025 года.

В 2025 году система налогообложения доходов физических лиц претерпела изменения – прогрессивная шкала теперь применяется к доходам, превышающим 2,4 миллиона рублей. Существует пять различных ставок для заработной платы: 13, 15, 18, 20 и 22 процента. В отношении доходов, полученных от реализации имущества, операций с ценными бумагами, дивидендов, страховых выплат и процентов по депозитам, действуют две процентные ставки: 13 и 15%.

Необлагаемый размер выходного пособия при увольнении определяют исходя из среднего заработка, рассчитанного по правилам для детских пособий (п. 16 ст. 2, п. 4 ст. 19 Закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ) [11].

Увеличен стандартный вычет на второго, на третьего и последующего ребенка, а также предельный размер дохода для вычетов на детей увеличен до 450 000 руб.

Появился вычет 18 000 руб. за год для сдавших нормы ГТО и прошедших диспансеризацию (ст. 218 НК РФ).

Начиная с 1 января 2024 года, появилась возможность оформить налоговый вычет через работодателя на взносы, внесенные в негосударственные пенсионные фонды в рамках программ долгосрочных сбережений. Максимальная сумма, с которой можно получить вычет, составляет 400 000 рублей в год (согласно статье 219.2 Налогового кодекса РФ, а также частям 3 и 7 статьи 3 Федерального закона № 58-ФЗ от 23 марта 2024 года) [12].

С 01.01.2026 работающие родители с двумя и более детьми и среднедушевым доходом ниже 1,5 региональных прожиточных минимумов смогут вернуть НДФЛ. Налог за предыдущий год будет пересчитан по ставке 6%, а разница между предыдущей суммой уплаченного налога и пересчитанной будет возвращена. За получением данного вычета необходимо обращаться в СФР.

Для жителей Донецкой Народной Республики важно распространение информации о нюансах законодательства, касающегося налога на доходы физических лиц. Особое внимание следует уделить новым поправкам, касающимся порядка расчета, уплаты и использования налоговых льгот. Расширение знаний в этой области крайне необходимо.

Список литературы

1. Крохина, Ю.А. Налоговое право : учебник для вузов / Ю.А. Крохина. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 503 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14742-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/559579> – (дата обращения: 03.09.2025).
2. Налоговое право: учебник для бакалавров / [Бурова А.С. и др.] ; под ред. И.А. Цинделиани ; Верховный суд Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования Российский гос. ун-т правосудия. – Изд. 3-е – Москва : Проспект, 2022. – 704 с. : табл. : 22 см.; ISBN 978-5-392-28824-3, 978-5-392-36422-0.

3. Пансков, В.Г. Налоги и налогообложение : учебник для вузов / В.Г. Пансков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 447 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20604-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/558457> – (дата обращения: 13.09.2025).
4. Изотова, О.И. Перспективы реформирования налога на доходы физических лиц как инструмента социальной политики государства: Дис. ...канд. экон. наук, 08.00.10, защищена в мае 2015 г. / Финуниверситет. – М., 2014. – 149 с. – URL: http://elib.fa.ru/avtoreferat/izotova_diss.pdf – (дата обращения: 02.09.2025).
5. Терехина, А.П. Правовой механизм налогообложения доходов физических лиц: формирование и реализация: Дис. ...канд. экон. наук, 12.00.04, защищена в мае 2012 г. / ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет» – М., 2012. – 161 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-mekhanizm-nalogooblozheniya-dokhodov-fizicheskikh-lits-formirovanie-i-realizatsiya> – (дата обращения: 02.09.2025).
6. Волохов, С.П. Налог на доходы физических лиц как инструмент социально-ориентированной социальной политики: Дис. ...канд. экон. наук, 08.00.10, защищена в ноябре 2012 г. / МГУУ Правительства Москвы – М., 2012 – 181 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/nalog-na-dokhody-fizicheskikh-lits-kak-instrument-sotsialno-orientirovannoi-nalogovoi-politi> – (дата обращения: 03.09.2025).
7. Балакай, О.Б., Особенности применения специальных налоговых режимов в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике / О.Б. Балакай, В.О. Галушка // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 1 – С. 9-19.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ : с изм. и доп., вступ. в силу с 21.01.2025. – Текст: электронный // СПС Консультант Плюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ – (дата обращения: 09.08.2025).
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ : с изм. и доп., вступ. в силу с 21.01.2025 // СПС Консультант Плюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ – (дата обращения: 09.08.2025).
10. Положение о Федеральной налоговой службе : утвержден Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 года № 506. – URL: <https://base.garant.ru/12137054/?ysclid=lnvma0zaz2911683645> – (дата обращения: 29.08.2025).
11. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : Федеральный закон

от 08.08.2024 г. № 259-ФЗ – Текст: электронный – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51021> – (дата обращения: 09.10.2025).

12. О внесении изменений в статьи 102 и 126-2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 58-ФЗ – Текст: электронный – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202403230011> – (дата обращения: 09.08.2025).

УДК 343.3/.7

**ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА:
МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ И СЛОЖНОСТИ
КВАЛИФИКАЦИИ**

Гром Е.А., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kac09@yandex.ru)

Мамона Т.М., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mamonat@list.ru)

В статье представлены результаты анализа научной литературы и судебной практики по проблемам квалификации ложного сообщения об акте терроризма в части установления в деянии лица хулиганских побуждений. Исследованием выявлены разные подходы правоохранительных органов к определению и доказыванию мотивационной составляющей преступления, что обусловлено, во-первых, неясностью толкования смыслообразующей функции хулиганских побуждений, а во-вторых, установленной законодателем связью внутренней потребности виновного к совершению преступления с внешним незначительным поводом или его отсутствием.

Ключевые слова: ложное сообщение, акт терроризма, хулиганские побуждения, мотив.

**A KNOWINGLY FALSE REPORT OF AN ACT OF TERRORISM: THE
MOTIVATIONAL COMPONENT AND THE DIFFICULTIES OF
QUALIFICATION**

Grom, E.A., Mamona, T.M.

The article presents the results of an analysis of scientific literature and judicial practice on the problems of qualifying a false report of an act of terrorism in terms of establishing a person's hooligan motives in their act. The study reveals different approaches of law enforcement agencies to defining and proving the motivational component of a crime, which is due, firstly, to the unclear interpretation of the meaning-forming function of hooligan motives, and secondly, to the connection established by the legislator between the internal need of the perpetrator and the external insignificant reason or its absence for committing a crime.

Keywords: false report, act of terrorism, hooliganism, motive.

Актуальность темы исследования обусловлена стабильно высокими показателями рассмотрения судами заведомо ложных сообщений об актах терроризма (далее – ложные сообщения) в условиях тенденции очевидного роста преступности террористической направленности и привлечения виновных к уголовной ответственности по статьям 205-205.5 УК РФ. Более того, именно этот состав занимает лидирующие позиции в рассматриваемой совокупности преступлений, что наглядно демонстрирует гистограмма с группировкой, представленная на рис. 1

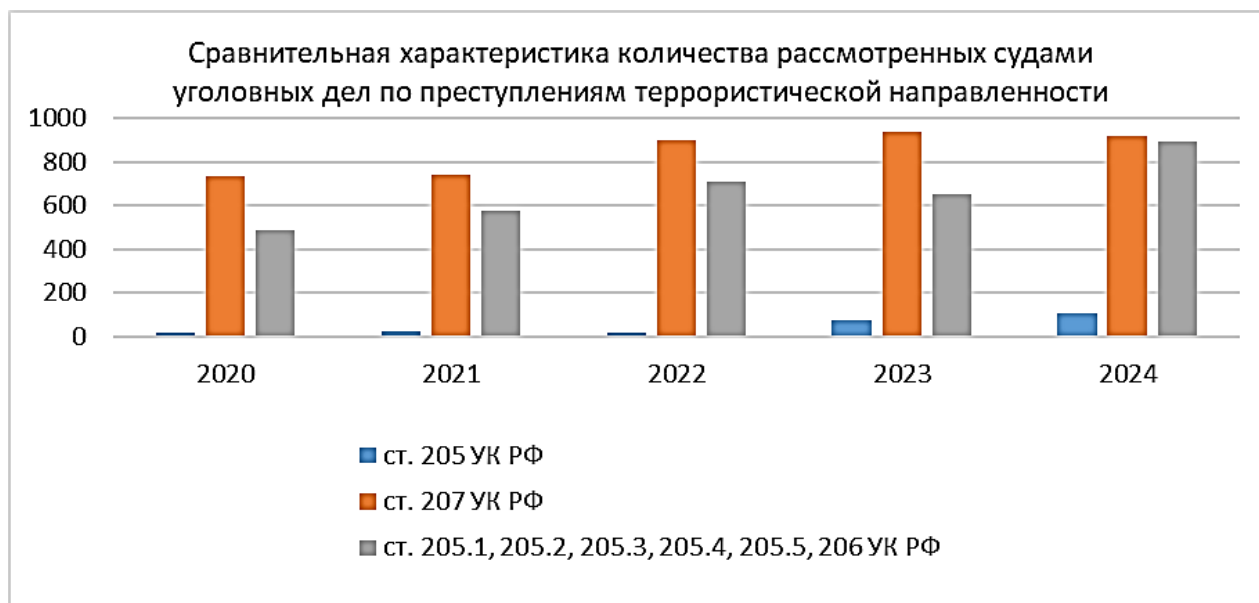

Рисунок 1. Сравнительная характеристика количества рассмотренных судами уголовных дел по преступлениям террористической направленности

Внесённые законодателем в 2017 году изменения в статьи 205 и 207 УК РФ, вызвали широкую дискуссию в научных кругах. В предмете обсуждения очевидно выделены три независимые линии: 1) целесообразность введения в ч.1 ст. 207 УК РФ признака «из хулиганских побуждений», исключающего правомерность применения указанной нормы при совершении преступления по другим мотивам; 2) оправданность анонсированного усиления ответственности и логика закрепления в санкции меры наказания в виде принудительных работ при отсутствии наказания в виде лишения свободы; 3) обоснованность квалификации преступления по ст. 207 УК РФ в случае, если сообщение носит характер угрозы совершения террористического акта, воспринимаемой адресатом как реальной, без целей, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Очевидно, результаты анализа и обобщения научных изысканий, эмпирических исследований и материалов судебной практики представляют теоретическую и практическую значимость, чем подтверждают актуальность рассматриваемой проблемы.

Анализ научных исследований. Интерес специалистов уголовно-правового профиля к проблеме квалификации преступления по ст. 207 УК РФ и его отграничения от смежных составов объясняется вышеизложенной актуальностью темы. Теоретические и прикладные вопросы на фоне внесённых

в 2017 году изменений в УК РФ изучают Н.Г. Андрюхин, А.Н. Игнатов, В.А. Канубриков, М.А. Яковлева, М.Н. Косарев, Н.М. Новик, Ю.С. Белик, В.И. Тюнин, Т.А. Огарь и другие исследователи. Авторы анализируют состав указанного преступления в связи с изменённой конструкцией статьи, а также юридические последствия нововведений. Однако однозначного решения проблемы ни на дискуссионной научной площадке, ни в законодательном поле не найдено.

Целью статьи является анализ и обобщение точек зрения представителей научного сообщества и правоохранительных органов по вопросу установления и доказывания в преступном деянии виновного лица признака «хулиганские побуждения».

Изложение основного материала. Безопасность личности, общества, государства по умолчанию является социальной ценностью. Без надлежащего обеспечения общественной безопасности нет социальной стабильности, устойчивости, эмоционального баланса, что в целом отражается на качестве жизни каждого человека и благополучии общества. Ложное сообщение об акте терроризма относится к преступлениям, посягающим на общественную безопасность. По мнению ряда исследователей, объективная сторона преступления выступает актом психологического терроризма [1, С. 45; 2] или атаки [3, С.102]. Особо острым становится вопрос в условиях социально-политической турбулентности, наблюдаемой в мире.

В основе субъективной стороны преступлений с формальным составом, к которым законодатель относит ложное сообщение по ст. 207 УК РФ, находится прямой умысел. Психическое отношение виновного к содеянному правоприменитель устанавливает лишь по отношению к факту его общественно опасного действия. Интеллектуальный момент умысла определяется осознанием субъектом заведомой ложности сообщаемых сведений о готовящемся взрыве, поджоге и т.д. Волевой момент умысла при совершении деяния выражает желание виновного сообщить ложные сведения.

До 2017 года отсутствие в ст. 207 УК РФ признаков «из хулиганских побуждений» либо «цели дестабилизации деятельности органов власти» позволяло правоприменителю применять норму независимо от побудительных мотивов и целей виновного при установлении иных обязательных признаков состава преступления. С внесением изменений в закон исследователи указывают на проблему квалификации данного преступления, совершенного, например, из корыстных побуждений, личной неприязни, мести, ревности и т.д. [1, С. 46; 4, С. 197; 5], отмечают трансформацию хулиганского мотива, окрашенного политическим или экстремистским подтекстом [3, С. 103] и резонно поднимают вопрос о юридических последствиях для виновного при совершении им деяния по иным, нежели хулиганским, мотивам.

Со вступлением изменений в УК РФ в законную силу в 2018 году суды, основываясь на новой редакции статьи 207 УК РФ, декриминализующей деяние, пошли по пути прекращения уголовных дел ввиду невменения подсудимым в

предъявленных обвинениях принципиального признака «из хулиганских побуждений».

Возникла парадоксальная ситуация, когда на фоне заявленного в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 31.12.2017 № 501-ФЗ усиления уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности, весомую часть уголовных дел пришлось прекратить в связи с отсутствием в деяниях виновных состава преступления.

Анализируя материалы следственной и судебной практики, С.В. Борисов и Н.Г. Андрюхин отмечают, что выводы должностных лиц о хулиганских побуждениях виновного лица не всегда обоснованы. Вероятно, сам факт заведомо ложного сообщения об акте терроризма воспринимается правоохранительными органами как такой, что априори обусловлен указанным мотивом [4, С. 198].

Такое положение отчасти объясняется непониманием теоретиков и практиков смысла, признаков, содержания указанного мотива. Как справедливо отмечает Н.Г. Иванов, хулиганские мотивы «всякий раз всплывают в официальных бумагах правоохранительных органов в случае необъяснимого поведения» [6, С. 44]. Рассматривая признаки хулиганства, автор отмечает неадекватность формулировки «явное неуважение к обществу» и аргументирует позицию следующим образом: «как будто, совершая иные преступления, субъект явно выражает к обществу уважение...» и добавляет «...вряд ли уважение или неуважение к обществу может быть побуждающей силой» [6, С. 7]. Анализируя труды учёных из разных областей знаний, исследователь доказывает, что в основе мотива лежит потребность, побуждающая субъекта к тому или иному поведению, в том числе преступному, для её удовлетворения. «В криминологии и уголовном праве наряду с потребностями выделяются в качестве мотива интересы, стремления, чувства, склонности, эмоции и т.д.» [6, С. 32]. Между тем, чаще всего эмоции выступают фоном побудительной реакции, способны усиливать ее, но не определять; такой способностью обладает лишь потребность [6, С. 34].

Пленум Верховного Суда РФ называет уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, умышленные действия, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода [7].

Следует отметить, что дефиниция «повод» толкуется как «случай, обстоятельство, факт, могущие быть основанием для чего-либо, причиной чего-либо; предлог» [8]. Применительно к статье 207 УК РФ это означает, что виновный передаёт заведомо ложное сообщение об акте терроризма без какого-либо повода или с использованием повода (обстоятельства, факта, предлога), который, по мнению правотворческого органа, является незначительным в контексте посягательства на общественную безопасность, что и будет характеризовать хулиганскую природу побуждения (мотива). В таком случае, возникают как минимум два вопроса: 1) на основании каких критериев следует устанавливать значительность/незначительность повода? 2) существуют ли в

объективной реальности «существенные» поводы и потребности личности, обуславливающие побуждение виновного к заведомо ложному сообщению об акте терроризма и при этом декриминализующие деяние, которое посягает на общественную безопасность, нарушает общественное спокойствие, дезорганизует работу учреждений и т. д.? Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, выведем за рамки этого исследования.

Если предположить, что любой повод и любая потребность, эмоция, интерес личности (виновного) по значимости уступают потребности общества в стабильности, спокойствии и безопасности, тогда закрепление в норме признака «из хулиганских побуждений» теряет смысл, ибо лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма независимо от мотивов и поводов, которыми виновный руководствовался. Если речь идет о беспричинном, ничем не оправданном и лишённом смысла поведении, вопрос требует рассмотрения с позиций вменяемости/невменяемости лица. Если всё-таки существует деление на значительные и незначительные поводы, позволяющие вывести побуждения лица за рамки хулиганских, их необходимо законодательно обозначить. В связи с вышеизложенным, представляется, что формулировку диспозиции статьи 207 УК РФ в предыдущей редакции следует признать более удачной.

Так или иначе, сегодня суды вынуждены рассматривать уголовные дела, оценивать доказательства в совокупности и выносить решение согласно букве закона. Из всего многообразия преступлений, рассмотренных судами в 2023-2025 годах по ст. 207 УК РФ, приведём примеры описания субъективной стороны тех деяний, которые по смыслу наиболее отражают неоднозначность и противоречивость исследуемой проблемы.

В описательно-мотивировочной части приговора по делу № 1-143/2024 от 19.06.2024 г. Кольский районный суд Мурманской области устанавливает, что виновный, являясь пассажиром воздушного судна, находящегося на территории объекта социальной инфраструктуры, имея преступный умысел, направленный на нарушение общественного спокойствия, парализацию нормального функционирования воздушного транспорта и создания паники среди граждан, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде дезорганизации пассажирских перевозок воздушным транспортом, а также отвлечения сил правоохранительных органов и специальных служб, призванных оказывать помощь в экстренных ситуациях, беспричинно, пренебрегая общепринятыми нормами и правилами поведения, выражая пренебрежение к находящимся на борту воздушного судна пассажирам и членам экипажа, из хулиганских побуждений, заявил, что у него в рюкзаке, расположенном на борту за сиденьями, находится «бомба».

Виновный заведомо знал, что заявление о нахождении в его ручной клади «бомбы», является ложным и несоответствующим действительности, осознавал, что данное сообщение будет воспринято как реальная опасность гибели большого количества людей, кроме того, намеренно сообщенная им ложная информация повлечет дезорганизацию нормальной деятельности предприятий

транспортной инфраструктуры, породит волнение и панику неопределенного круга лиц. Указанное сообщение услышано пассажирами и бортпроводником, которые угрозу взрыва восприняли реально [9].

Как следует из приведённого фрагмента текста, правоприменитель соотносит направленность умысла и хулиганские побуждения с объектом посягательства и его последствиями – нарушением общественного спокойствия, созданием паники, дезорганизацией работы воздушного транспорта.

Другой подход при исследовании и оценке материалов уголовного дела содержит описательно-мотивировочная часть приговора по делу № 1-27/2024 (1-233/2023) от 30.05.2024 г. Чапаевского городского суда Самарской области. Из показаний подсудимого следует, что виновный, чтобы прогнать скуку, решил «повеселиться», подшутить над своим другом и сотрудниками полиции, привлечь к себе внимание, создать какое-то «движение» вокруг себя. Он позвонил в службу спасения и сообщил диспетчеру, что только что его знакомый и неизвестный ему мужчина направились на станцию обезжелезивания, чтобы бросить туда гранаты. В книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях зафиксировано заявление звонившего, что «человек с Украины собирается что-то взорвать» ...

Оценив совокупность доказательств суд резюмирует, что подсудимый, действуя умышленно и целенаправленно, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий и желая их совершить, из хулиганских побуждений, пренебрегая общепризнанными нормами морали и правилами поведения, выражая явное неуважение к обществу, осуществил телефонный звонок на номер «911», и заведомо зная, что передаваемая им информация является ложной, сообщил заведомо ложные сведения о готовящемся на станции обезжелезивания взрыве [10].

В отличие от первого рассмотренного решения суд акцентируется на факте передачи ложного сообщения в службу 911, связывая хулиганские побуждения именно со звонком и пренебрежением нормами морали, правилами поведения и выражением неуважения к обществу.

В уголовном деле № 1-407/2023 от 29 ноября 2023 года из показаний обвиняемого следует, что его раздражали истории двух знакомых об участии в СВО, на почве чего у него возник умысел сообщить в правоохранительные органы о заложенной бомбе в гостиничном комплексе, где проживали собеседники, чтобы сотрудники полиции проверили их.

Оценивая содержание доказательств, Промышленный районный суд г. Оренбурга указывает, что подсудимый осознавал, что сообщает заведомо ложные сведения о готовящемся взрыве в помещении гостиницы, что данная информация содержит опасность (!) гибели людей..., что это сообщение вызовет панику, страх, беспокойство, нарушит общественную безопасность, неизбежно приведет к отвлечению сил правоохранительных органов и служб, призванных оказывать помощь в экстремальных ситуациях... и желал так действовать. Подсудимый действовал из хулиганских побуждений, а именно беспричинно, без какого-либо повода, с целью нарушения общественной

безопасности и нормального функционирования правоохранительных органов... желая противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [11].

В рассматриваемой ситуации спорным является вывод суда о беспричинности поведения подсудимого с учётом его показаний, свидетельствующих о возникновении личной неприязни к собеседникам из-за рассказов о СВО.

Далее, Обнинский городской суд Калужской области, исследовав материалы дела № 1-43/2023 от 15 марта 2023 года, обосновывая квалификацию по ч.2 ст. 207 УК РФ, отмечает, что подсудимый изготовил муляж взрывного устройства, который поместил на территории детского сада, после чего позвонил на пульт оператора ЕДДС г. Обнинска и умышленно, заведомо ложно, из хулиганских побуждений, осознавая, что сообщение будет воспринято, как реальная опасность гибели большого количества людей, сообщил оператору не соответствующие действительности сведения о том, что на территории детского сада обнаружен подозрительный предмет.

В приведенном примере наблюдаем лишь констатацию судом того, что виновный осуществил звонок из хулиганских побуждений. В подтверждение или опровержение правильности установления признака, в его показаниях находим информацию, что указанные действия (изготовление муляжа и ложное сообщение) охранник детсада совершил, «чтобы выделиться перед начальством, что он якобы проявил бдительность и заодно ему хотелось проверить, как быстро отреагируют специальные службы» [12].

В следующем приговоре Саяногорского городского суда Республики Хакасия по делу № 1-216/2024 от 27 августа 2024 года из показаний подсудимой следует, что звонок с передачей ложного сообщения осуществлён из чувства ревности, чтобы припугнуть подругу-соперницу и вынудить последнюю прекратить отношения с молодым человеком [13]. Между тем, суд, оценивая доказательства ожидаемо делает вывод о том, что виновная действовала из хулиганских побуждений.

Выводы. Представленные примеры содержания судебных решений содержат разные мотивы и поводы, образующие крепкий сплав из трудно делимых потребностей, интересов, чувств и эмоций виновных, совершивших преступления при определённых внешних обстоятельствах и условиях. Однако во всех случаях подсудимые осознают, что совершают преступление, а не административное правонарушение, осознают весь спектр последствий, как под кальку описываемых судами, и желают их наступления. Установление в диспозиции ст. 207 УК РФ признака «из хулиганских побуждений» не способствует эффективному отправлению правосудия. Органы досудебного расследования и судьи вынуждены приводить разные мотивы и поводы к единому знаменателю. Проиллюстрированные отличия в подходах органов досудебного следствия и судов к установлению и оценке хулиганских побуждений в действиях подсудимых, свидетельствуют о неразрешённости

вопроса и целесообразности возвращения ч. 1 ст. 207 УК РФ к предыдущей редакции.

Список литературы

1. Канубриков, В.А. Проблемы квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма / В.А. Канубриков, М.А. Яковлева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-zavedomo-lozhnogo-soobscheniya-ob-akte-terrorizma> – (дата обращения: 02.08.2025).
2. Игнатов, А.Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма / А.Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-terroristicheskom-haraktere-zavedomo-lozhnogo-soobscheniya-ob-akte-terrorizma> – (дата обращения: 05.08.2025).
3. Васильева, Н.Л. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как угроза национальной безопасности: современное состояние и методы противодействия / Н.Л. Васильева, И.Д. Мотрович // Философия права. – 2020. – № 4 (95). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavedomo-lozhnoe-soobschenie-ob-akte-terrorizma-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-sovremennoe-sostoyanie-i-metody> – (дата обращения: 02.08.2025).
4. Андрюхин, Н.Г. К вопросу о социальной обусловленности изменений и дополнений уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма / Н.Г. Андрюхин, С.В. Борисов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnoy-obuslovlennosti-izmeneniy-i-dopolneniy-ugolovno-pravovoy-normy-ob-otvetstvennosti-za-zavedomo-lozhnoe-soobschenie> – (дата обращения: 02.08.2025).
5. Тюнин, В.И. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: новеллы законодательства / В.И. Тюнин, Т.А. Огарь // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – №1 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavedomo-lozhnoe-soobschenie-ob-akte-terrorizma-novelly-zakonodatelstva> – (дата обращения: 01.08.2025).
6. Иванов, Н.Г. Мотив преступления как генетический признак субъекта : монография / Н.Г. Иванов. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 108 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/24997.
7. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление № 45 от 15.11.2007 : принято Пленумом Верховного Суда РФ : ред. от 26.11.2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ – (дата обращения: 02.08.2025).
8. Большой толковый словарь русского языка (общ. ред. С.А. Кузнецов) – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> – (дата обращения: 02.08.2025).

9. Приговор Кольского районного суда Мурманской области по делу № 1-143/2024 от 19.06.2024 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kolskii-raionnyi-sud-murmanskaia-oblast/> – (дата обращения: 03.08.2025).
10. Приговор Чапаевского городского суда Самарской области по делу № 1-27/2024 (1-233/2023;) от 30.05.2024 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-chapaevskii-gorodskoi-sud-samarskaia-oblast/> – (дата обращения: 03.08.2025).
11. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга по делу № 1-407/2023 от 29.11.2023 г. – URL: <https://судебныерешения.рф/79594972> – (дата обращения: 03.08.2025).
12. Приговор Обнинского городского суда Калужской области по делу № 1-43/2023 от 15.03.2023 г. – URL: <https://судебныерешения.рф/74638096/extended> – (дата обращения: 03.08.2025).
13. Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия по делу № 1-216/2024 от 27.08.2024 г. – URL: <https://судебныерешения.рф/85057625/extended> – (дата обращения: 05.08.2025).

УДК 347.65

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУПРУГА В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Дрёмова А.В., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: anvidremova@yandex.com)

Данная статья посвящена анализу правового статуса супруга в наследственных правоотношениях. Автор приходит к выводу, что правовой статус супруга в наследственных правоотношениях является одним из наиболее значимых и защищенных законом, ведь супруг, переживший другого супруга, обладает особыми правами и гарантиями, которые в последующем обеспечивают его материальное благополучие после смерти близкого человека, сами же эти права закреплены в гражданском законодательстве и направлены на защиту интересов семьи. Отмечено, что одним из ключевых аспектов защиты прав овдовевшего супруга является право на обязательную долю в наследстве, т.к. даже если умерший супруг оставил завещание, которое ущемляет интересы пережившего, последний вправе претендовать на определенную часть наследственного имущества.

Ключевые слова: наследство, завещание, брак, супруг, супруга, имущество.

THE LEGAL STATUS OF THE SPOUSE IN HEREDITARY LEGAL RELATIONS

Dremova, A.V.

This article is devoted to the analysis of the legal status of a spouse in hereditary legal relations. The author concludes, that the legal status of a spouse in hereditary legal relations is one of the most significant and protected by law, because a spouse who has outlived another spouse has special rights and guarantees that subsequently ensure his material well-being after the death of a loved one, these rights themselves are enshrined in civil legislation and are aimed at protecting the interests of the family. It is noted that one of the key aspects of protecting the rights of a widowed spouse is the right to a mandatory share in the inheritance, because even if the deceased spouse left a will that infringes on the interests of the survivor, the latter has the right to claim a certain part of the inheritance.

Keywords: inheritance, will, marriage, spouse, property.

Актуальность темы исследования. Взаимодействие между супругами, а равно

мужем и женой, как в плане имущественных, так и в личных отношениях, подпадает под действие норм семейного законодательства. В свою очередь, правила перехода имущества по наследству определяются наследственным правом. Таким образом, вопрос о роли супруга в процессе наследования находится на пересечении этих двух отраслей права, что в свою очередь, нередко приводит к юридическим сложностям в реальных ситуациях.

Непосредственно значимость данного исследования обусловлена особым положением супруга среди тех, кто имеет право на наследство, а для того, чтобы понять это положение, необходимо вначале рассмотреть общие принципы наследственного права. Так, вопрос о приоритетном праве супруга на наследование по закону, как правило, не вызывает разногласий и отражает один из основных принципов наследования. Однако, участие супруга в наследственных процессах сопряжено с определенными проблемами.

Так, одной из таких проблем является институт совместного завещания супругов, ведь этот институт относительно недавно введен в наследственное право и требует тщательного изучения для предотвращения ошибок в его применении на практике.

Другой же проблемой являются гарантии прав супруга при наследовании, а в частности, право пережившего супруга на наследство. Тем самым, несмотря на наличие в законодательстве специальных норм, регулирующих вопросы наследования пережившим супругом, нередко возникают споры при определении его доли в наследстве.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты правового статуса супруга в наследственных правоотношениях рассматривали такие ученые, как М.П. Мельникова, И.А. Комаревцева, Н.А. Лазарева, А.М. Эрделевский, В.И. Серебровский, В.В. Гуцин, Я.А. Другов и др.

Цель статьи состоит в комплексном анализе правового статуса супруга в наследственных правоотношениях.

Изложение основного материала. В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», «семья – это базовая основа российского общества. Очевидно, что брак – это основа любой семьи» [1].

Непосредственно в контексте общественных отношений, связанных с наследованием, необходимо рассматривать правовое положение супругов, т.е. лиц, состоящих в браке, как основных субъектов наследственных правоотношений.

Сам же правовой статус супруга определяется несколькими нормативно-правовыми актами, а именно:

- Конституцией Российской Федерации (п.1 ч.1 ст.72 устанавливает, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится «защита института брака как союза мужчины и женщины») [2];
- Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3];
- Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) [4], и иными

нормативными правовыми актами, в частности, п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 [5]; п. 9 Обзора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 [6].

Однако, стоит все же отметить, что в вопросах регулирования правового статуса супруга основным источником права является все же не Конституция РФ, а СК РФ. Так, брак, исходя из его положений, «зарегистрированный в установленном законом порядке в органах записи актов гражданского состояния с соблюдением необходимых условий и обстоятельств, порождающий взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов».

Тем не менее, существуют ситуации, когда прекращение брака может быть оспорено. Например, если решение суда о разводе было вынесено незадолго до смерти наследодателя, и есть основания полагать, что волеизъявление умершего на расторжение брака было недействительным (например, из-за недееспособности или заблуждения), заинтересованные лица могут обратиться в суд с требованием признать решение о разводе недействительным. В случае удовлетворения такого иска, бывший супруг восстанавливает статус супруга и, соответственно, право на наследование.

Стоит также учитывать, что даже при отсутствии зарегистрированного брака, лицо, находившееся на иждивении наследодателя, может иметь право на обязательную долю в наследстве. Однако, в данном случае речь идет не о наследовании в качестве супруга, а о защите прав нетрудоспособных иждивенцев, которые нуждались в материальной поддержке от умершего.

В практике встречаются случаи, когда супруги, проживая раздельно, не оформляют развод по различным причинам. В таких ситуациях, для подтверждения статуса супруга, необходимо предоставить свидетельство о браке, подтверждающее, что брак не был расторгнут в установленном законом порядке. Дополнительные доказательства, такие как совместные фотографии или свидетельские показания, могут быть полезны, но основным документом, подтверждающим статус супруга, остается свидетельство о браке.

Тем самым, для реализации наследственных прав супруга необходимо подтвердить наличие зарегистрированного брака, который не был расторгнут на момент смерти наследодателя. Иные формы отношений, не оформленные в установленном законом порядке, не порождают наследственных прав в качестве супруга, за исключением случаев, когда лицо находилось на иждивении умершего [7, С. 107].

В соответствии с нормами современного наследственного права переживший супруг может наследовать имущество как по завещанию, так и по закону. Что касается наследования по закону, то переживший супруг является наследником первой очереди (п. 1 ст. 1142 ГК РФ) [3].

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ п. 1 ст. 1142 ГК РФ, определяющий круг наследников первой очереди, направлен на реализацию принципа защиты интересов близких родственников умершего [3].

На сегодняшний день право наследования пережившего супруга наследодателя, принадлежащее ему в силу завещания или закона, не исключает

его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их общей совместной собственностью (ст. 1150 ГК РФ) [3].

При этом доля пережившего супруга определяется по правилам, предусмотренным ст. 256 ГК РФ [3].

Как уже было отмечено ранее, действующее российское семейное право признает браком исключительно союз, оформленный в установленном порядке и подтвержденный свидетельством. Однополые браки, заключенные россиянами за рубежом, где это допустимо, не имеют юридической силы в России. Соответственно, такие пары не обладают наследственными правами, поскольку подобные союзы не узаконены в пределах Российской Федерации.

В соответствии с действующим гражданским законодательством РФ, бывший супруг не является наследником по закону.

Однако Гражданский кодекс РФ не запрещает гражданину указать своего бывшего супруга в завещании в качестве наследника.

Важно отметить, что наследственные права супругов сохраняются в полном объеме, даже если они фактически прекратили семейные отношения и проживают раздельно. В таких случаях супруги имеют право наследовать имущество друг друга на общих основаниях [8, С.150].

В настоящее время супруги занимают приоритетное положение среди наследников, обладая правом на получение активов как по закону, так и по завещанию.

Важно подчеркнуть, что действующее российское законодательство принимает во внимание имущественные права супружеских пар, обеспечивая им не только право на наследование, но и гарантируя защиту доли совместно приобретенного имущества.

В контексте Российской Федерации, наследственные отношения между мужем и женой охватывают общественные связи, возникающие в сфере владения, управления и использования общих активов, и регулируются нормами наследственного права.

Наследственное право, являясь частью гражданского права, представляет собой самостоятельную его отрасль. Необходимо отметить, что нормы семейного права не оказывают влияния на процесс наследования совместно нажитого имущества между супругами.

В подтверждение этого СК РФ предусмотрено, что нормы ГК РФ могут применяться дополнительно в случаях, когда имущественные отношения между членами семьи не регулируются нормами СК РФ (п. 4 ст. 49) [4].

Причина использования такого юридического подхода заключается в том, что в действительности разграничение семейных отношений в сфере передачи имущества и гражданско-правовых отношений очень сложное.

Соответственно, наследственные отношения мужа и жены в Российской Федерации регулируются, главным образом, положениями наследственного права:

– во-первых, о праве наследования пережившим супругом говорит статья 1142 ГК РФ, «наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и

родители наследодателя» [3];

– во-вторых, права супруга при наследовании предусмотрены в части 1 статьи 1150 ГК РФ, «принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью; доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьей 256 «Общая собственность супругов» части первой ГК РФ, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными данным Кодексом» [3].

Иной порядок наследования может быть предусмотрен совместным завещанием супругов или наследственным договором. Более точная доля наследника определяется в соответствии с ч.4. ст. 256 ГК РФ, согласно которой одна вторая от общего имущества наследуется супругом, если брачным договором не предусмотрено иное [3].

Таким образом, в Российской Федерации закон обеспечивает равенство супругов в случае наследования общего имущества. Закон прямо не указывает на различие правового статуса полов. Супруг всегда имеет право на половину всего, нажитого во время брака, если иное не оговорено в брачном договоре [9, С. 126].

Нажитое супругами во время брака имущество является их совместной собственностью, за исключением случаев, когда в брачном договоре прописаны другие положения либо супруги заключили соглашение о разделе имущества (п. 1 ст. 33, п. 1 ст. 34, п. п. 1, 2 ст. 38 СК РФ [4]; п. 1 ст. 256 ГК РФ [3]).

По общему правилу к общему имуществу супругов относятся (п. 2 ст. 34 СК РФ [4]):

– доходы каждого из супругов от трудовой, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, а также пенсии, пособия и другие денежные выплаты, которые получены супругами и не имеют специального целевого назначения, например, суммы материальной помощи;

– движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения и в другие коммерческие организации, которые приобретены за счет общих доходов супругов;

– любое другое имущество, которое супруги нажили в период брака. При этом не имеет значения, на имя кого из супругов оно приобретено, на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

При этом, в частности, имущество, приобретенное супругом (супругой) до вступления в брак, полученное одним из супругов во время брака по наследству или в качестве дара, а также вещи индивидуального пользования, кроме драгоценностей и других предметов роскоши, по общему правилу не являются совместно нажитым имуществом. Такое имущество входит в состав наследства и наследуется в общем порядке (ст. 36 СК РФ; ст. 256, ч. 1 ст. 1112 ГК РФ).

Переживший супруг сохраняет право на часть общего имущества, которое нажито во время брака с наследодателем. Доля умершего супруга в таком имуществе входит в состав наследства и переходит к наследникам. По общему

правилу, при определении долей в общем имуществе супругов их доли признаются равными. Иное может быть предусмотрено брачным договором, совместным завещанием супругов, наследственным договором или решением суда (п. 4 ст. 256, ст. 1150 ГК РФ; п. 1 ст. 39 СК РФ).

Например, если у супругов есть квартира в совместной собственности, в наследственную массу включается только доля, составляющая 1/2 квартиры умершего супруга. Оставшаяся 1/2 доли в праве собственности на квартиру сохраняется за пережившим супругом. При этом переживший супруг вправе подать заявление об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном во время брака. Тогда все это имущество войдет в состав наследства (п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 [5]; п. 9 Обзора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 [6]).

В общем случае для принятия в наследство совместно нажитого имущества после смерти одного из супругов рекомендуем придерживаться следующего алгоритма.

Непосредственно проблемы правового статуса супругов в наследственных правоотношениях рассматривали следующие ученые.

Таблица 1.

Ученый	Труд
И.Г. Крысанова-Кирсанова и В.А. Гук	«в научной статье «Особенности правового статуса участников наследственных правоотношений» (2023) рассматривают проблемы правового статуса супругов при наследовании и защиты их наследственных прав» [10].
В.Б. Паничкин	«в статье о наследовании пережившим супругом при фактическом прекращении семейных отношений предлагает включить в российское право более жёсткие нормы, препятствующие наследованию супругами, расторгающими брак» [11].
В.И. Серебровский	«рассматривал наследование как правопреемство наследников в отношении имущества умершего собственника (наследодателя)» [12, С. 98].
Д.И. Мейер	«давал более широкое определение права наследования, которое включало законодательное определение судьбы юридических отношений, переживающих его субъекта, и установление лица, которое вправе вступить в эти отношения» [13, С. 125].

Непосредственно проблемы правового статуса супруга в наследственном праве – это комплекс вопросов, возникающих в связи с определением его доли в наследственной массе, прав на обязательную долю, а также взаимосвязи наследственных прав с режимом общей совместной собственности супругов.

Зачастую коллизии возникают из-за недостаточной четкости законодательных норм, различий в судебной практике и нюансов, связанных с конкретными обстоятельствами дела, такими как брачный договор, наличие нетрудоспособности или иждивения.

Одним из ключевых вопросов является определение объема наследственной массы, подлежащей разделу между наследниками. Не всегда очевидно, какое имущество подлежит включению в наследственную массу как личная собственность наследодателя, а какое является общей совместной собственностью супругов и, следовательно, сначала должно быть выделено из наследственной массы.

Неправильное определение состава наследственной массы может привести к ущемлению прав как супруга, так и других наследников.

Пути решения указанных проблем лежат в плоскости совершенствования законодательства и унификации судебной практики. Необходимо более четко определить критерии отнесения имущества к общей совместной собственности супругов, а также установить четкие правила определения доли супруга в наследственной массе. Важным является разъяснение правовых норм на уровне высших судебных инстанций, что позволит избежать разночтений и обеспечит единообразное применение законодательства на всей территории страны.

Кроме того, необходимо повышение правовой грамотности населения в вопросах наследственного права. Информирование граждан о возможностях заключения брачных договоров, завещаний и других правовых инструментов, позволяющих регулировать имущественные отношения между супругами и наследниками, будет способствовать снижению количества наследственных споров и защите прав всех заинтересованных сторон.

Альтернативным вариантом решения проблемы является развитие системы медиации для разрешения наследственных споров во внесудебном порядке.

Выводы. Таким образом, правовой статус супруга в наследственном праве требует дальнейшего совершенствования и унификации. Необходимо разработать четкие и понятные правила, которые бы учитывали все особенности брачно-семейных отношений и обеспечивали справедливое распределение наследственной массы между всеми наследниками.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> – (дата обращения: 18.04.2025).
2. Конституция Российской Федерации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения: 20.04.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – URL: <https://legislationrf.ru>

- u/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482694&dst=0&rnd=EHuxXlUeAnj5wrJy#jkwXlUYrelYv7Kj2 – (дата обращения: 20.04.2025).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). – URL: <https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482834&dst=0&rnd=EHuxXlUeAnj5wrJy#ZrAyXlU4KvIxDpuC1> – (дата обращения: 20.04.2025).
 5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». – URL: <https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=372403&dst=1000000001&cacheid=754E0435173824D8E00AE8FD87D7DAC6&mode=splus&rnd=EHuxXlUeAnj5wrJy#MZQyXlUIJPagE6io1> – (дата обращения: 21.04.2025).
 6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) (ред. от 25.04.2025). – URL: <https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=504258&cacheid=32C1A016CC4BE9139C760FCBA5075545&mode=splus&rnd=EHuxXlUeAnj5wrJy#wpmyXlUQBmQ2PVLf1> – (дата обращения: 21.04.2025).
 7. Беспалов, Ю.Ф. Дела о наследовании. Некоторые спорные вопросы правоприменения / Ю.Ф. Беспалов. – Москва : Проспект, 2017. – 847 с.
 8. Бегичев, А.В. Наследственное право России / А.В. Бегичев. – Москва : Логос, 2017. – 168 с.
 9. Ляпунов, С.Г. Наследование / С.Г. Ляпунов. – Москва : Экзамен, 2017. – 448 с.
 10. Крысанова-Кирсанова, И.Г. Особенности правового статуса участников наследственных правоотношений / И.Г. Крысанова-Кирсанова, В.А. Гук // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 5. – С. 132-134.
 11. Паничкин, В.Б. Проблема классификации субъектов наследования (на примере недостойных наследников) содержание / В.Б. Паничкин. – Текст: электронный // wiselawyer.ru: [сайт]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/91314-problema-klassifikacii-subektov-nasledovaniya-primere-nedostojnykh-naslednikov> – (дата обращения: 25.05.2025).
 12. Серебровский, В.И. Избранные труды (Очерки советского наследственного права) / В.И. Серебровский. – Москва, 1997. – 354 с.
 13. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : СТАТУТ, 2021. – 846 с.

УДК 343.9

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА (ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Коваленко Э.Д., кандидат юридических наук, главный инспектор Инспекции штаба МВД по Донецкой Народной Республике, полковник внутренней службы (г. Донецк)

(e-mail: edvard.pakhomoff.40@mail.ru)

В статье проведен анализ виктимологической характеристики личности мошенника. Важное значение в виктимологическом исследовании мошенничества приобретает учет роли личности преступника, поскольку именно его действия направляют поведение жертвы этого преступления. Во многих случаях именно личными качествами и умением преступника непосредственно предопределяется результативность его воздействия на жертву и, соответственно, характер причиненного жертве ущерба. Исследование личности мошенника позволило сделать вывод: чем выше «виктимологическая квалификация» потенциальной жертвы, тем более профессиональным должен быть преступник чтобы преуспеть, и наоборот, «наивный» человек может пострадать даже от действий самых неудачных «дилетантов мошеннической профессии».

Ключевые слова: мошенничество, личность мошенника, жертва мошенничества, виктимологическая характеристика.

CHARACTERISTICS OF THE FRAUDSTER'S PERSONALITY (VICTIMOLOGICAL ASPECT)

Kovalenko, E.D.

The article analyzes the victimological characteristics of the fraudster's personality. It is important in the victimological study of fraud to take into account the role of the criminal's personality, since it is his actions that direct the behavior of the victim of this crime. In many cases, it is the personal qualities and skills of the perpetrator that directly determine the effectiveness of his impact on the victim and, accordingly, the nature of the damage caused to the victim. The study of the fraudster's personality allowed us to conclude that the higher the «victimological qualification» of a potential victim, the more professional the criminal must be in order to succeed, and vice versa, a «naive» person can suffer even from the actions of the most unsuccessful «amateurs of the fraudulent profession».

Keywords: fraud, identity of the fraudster, victim of fraud, victimological characteristics.

Актуальность темы исследования. С древних времен и до наших дней обман и насилие считаются самыми распространенными способами совершения преступления. Сегодня, учитывая современную картину преступности в мире, можно утверждать, что обман все больше перевешивает насилие, и, хотя указанные тенденции начали вырисовываться еще в позапрошлом веке, но лишь в начале третьего тысячелетия их проявления стали наиболее яркими.

Одной из важных предпосылок виктимологического исследования мошенничества является непосредственное участие жертвы в незаконном получении имущественных благ преступником, то есть так называемая «посредническая» деятельность жертвы мошенничества. А значит, зная типичные виды поведения жертв мошенничества, личностные характеристики, схожие черты, однородные факторы, способствующие виктимизации, можно существенно, по мнению автора, уменьшить риск пострадать от этого преступления, а иногда и вовсе его нейтрализовать. Уголовно-правовое и виктимологическое исследование мошенничества поможет также выяснить причины негативного поведения его жертв, которое, способствуя виктимизации, является и одной из причин повышенной латентности мошенничества [1, С. 86].

Анализ научных исследований. Исследования уголовно-правовых и криминологических аспектов мошенничества, характеристики личности мошенника освещены в трудах Ю.М. Антоняна, Л.В. Багрий-Шахматова, В.В. Вандышева, В.В. Василевича, А.Ф. Зелинского, Ю.Ф. Иванова, В.П. Коновалова, С.С. Косенко, В.Н. Кудрявцева, Н.В. Кулаковой, Д.В. Ривмана, А.Л. Ситковского, В.А. Тулякова, Л.В. Франка и некоторых других ученых.

Целью исследования является анализ виктимологической характеристики личности мошенника.

Изложение основного материала. Виктимология как учение о жертве преступления сформировалась в середине прошлого столетия в трудах Г. Гентига, Б. Мендельсона, Г. Элленбергера. В последние десятилетия эта отрасль криминологической науки активно разрабатывается как иностранными, так и отечественными учеными. Постепенно формируется ее понятийно-категориальный аппарат. Наряду с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминологической терминологией в виктимологии активно используются собственные категории. Более того, понятия «виктимность», «виктимизация», «виктимогенные факторы» и другие получили широкое применение в областях науки, которые связаны с изучением преступности, преступления и тому подобное. Однако, при этом до сих пор сохраняется неоднозначность толкования одних и тех же терминов. Каждый из исследователей, занимающихся теоретическими и практическими проблемами виктимологии, пытается по-своему выразить сущность того или иного понятия. На этой почве среди виктимологов возникло множество длительных научных споров и дискуссий, которые и по сей день ведутся на страницах юридических изданий. Поэтому, прежде чем приступить к детальному виктимологическому исследованию личности мошенника, необходимо, по нашему мнению, определиться с основными понятиями и категориями, которыми оперирует

современная виктимологическая наука, их содержанием и местом в структуре понятийно-категориального аппарата криминологической науки в целом.

Согласно Л.В. Франка к предмету виктимологии следует включать: «потерпевшее от преступления лицо и его поведение, находящееся в той или иной связи с совершенным преступлением; отношения потерпевшего (правовые, экономические, духовные, родственные, интимные и т.п.) с преступником до момента совершения преступления и с другими лицами из той среды, в которой совершены преступные деяния или создалась криминогенная ситуация» [2, С. 17]. Несколько позже С.С. Остроумов и Л.В. Франк дополнили указанный перечень, включив в него роль потерпевшего в генезе преступления, пути и способы возмещения вреда, причиненного потерпевшему в результате преступного посягательства [3, С. 75].

В советской криминологии первые шаги в направлении создания собственного понятийно-категориального аппарата виктимологии сделал известный советский виктимолог Л.В. Франк. Исследования продолжили и другие советские ученые, в частности Д.В. Ривман, В.И. Полубинский, В.Я. Рыбальская, В.С. Минская и другие. Они разработали такие главные виктимологические понятия как «жертва», «виктимность», «виктимизация», «виктимная (виктимогенная) ситуация», «негативное поведение жертвы» (или «вина» жертвы) и тому подобное.

Важное значение в виктимологическом исследовании мошенничества приобретает учет роли личности преступника, поскольку именно его действия направляют поведение жертвы этого преступления. Во многих случаях именно личными качествами и умением преступника непосредственно предопределяется результативность его воздействия на жертву и, соответственно, характер причиненного жертве ущерба. И хотя в литературе встречаются мнения, что мошенничество может совершить любой [4, С. 24], это вовсе не свидетельствует о равнодушии виктимологии к личности мошенника. На самом деле, успешно совершить мошенничество удастся не всем, поэтому исследование тех элементов личности преступника, которые способствуют или, наоборот, препятствуют превращению лица в жертву, является актуальной виктимологической проблемой.

Значительно отличаются между собой «портреты» субъектов «игорного» мошенничества и мнимых «женихов»; тех, которые совершают обман под видом гадания и знахарства, и «работающих» под видом служащих государственных органов и учреждений; так называемых «ломщиков» и продавцов поддельного антиквариата, драгоценностей и тому подобное. Кроме того, даже узкоспециализированные группы характеризуются различным образовательным, квалификационным, профессиональным преступным уровнем своих представителей, разнообразием их личностных характеристик.

Несмотря на это, в средствах массовой информации, научной публицистике очень часто можно встретить описание типичного портрета мошенника. Указывается, например, что многие мошенники – неплохие психологи, часто хорошие актеры, как правило, обладают способностью изображать из себя кого-либо с очень развитой фантазией, помогающей перевоплощаться в некий образ [5, С. 106-107]. Тем не менее, было бы неправильно выдвигать на передний план такие особенности личности мошенника как склонность к фантазии, актерству и т.п., поскольку далеко не у всех

мошенников отмеченные черты проявляются столь ярко. Самый ловкий мошенник – это, прежде всего, корыстолюбец, а уж потом – мистификатор. Не из-за склонности к перевоплощению и фантазии совершаются мошенничества, а вследствие склонности к легкой наживе, паразитизму. Однако, при этом надо учитывать и то, что именно специфические черты личности мошенника, отличающие его от других корыстных преступников, являются важным условием успешного совершения мошеннического обмана.

Достижение преступных целей требует от мошенника умения завладеть доверием, симпатией своих жертв, их вниманием и воображением. Поэтому неслучайно более-менее квалифицированные мошенники – коммуникабельные, активные, разговорчивые люди, энергичные и решительные. Но мошенники низкой квалификации («бытовые»), как правило, таких черт не имеют. Ими могут быть и деградированные алкоголики, и наркоманы, и пассивные, замкнутые личности, и любой «среднестатистический» гражданин, который в определенной ситуации, оказавшись в финансовом затруднении, может использовать обман для улучшения своего имущественного положения. И в этом случае вероятность причинения вреда будет зависеть уже не столько от личности мошенника, сколько от свойств жертвы, ее знаний, умений, опыта, поскольку в таких случаях распознать мошенника объективно можно достаточно легко.

Общеизвестна классификация преступников по степени их общественной опасности на: случайных, ситуационных, неустойчивых, злостных, особо опасных [6, С. 52-54]. В аспекте же виктимологического исследования личности мошенника, считаем целесообразным рассматривать отдельно мошенников «профессиональных» и «бытовых» («случайных»). Хотя в уголовно-правовом аспекте они существенно не отличаются, но криминологические (и, соответственно, виктимологические) их характеристики являются разными. Если для первых мошенническая деятельность является основной, то вторые прибегают к обману время от времени вследствие давления назревшей необходимости или используя благоприятную для мошенничества ситуацию. Если первые используют в своей деятельности специально разработанные и тщательно продуманные схемы, собственные мошеннические навыки, то вторые полагаются в основном на свои личные качества, благоприятную ситуацию и уязвимость, «незащищенность» жертвы.

Опытным мошенникам присуща, как правило, устойчивая ориентация на неправомерные способы получения средств существования. Такие ориентиры в значительной степени определяют стиль жизни этого типа преступников. Профессиональные мошенники, как правило, не имеют постоянного места жительства, работы, среды общения. Если же совершение мошенничества требует наличия знакомства, они пытаются привлечь к кругу своих знакомых как можно больше людей, постоянно находящихся (прямо или косвенно) в поиске своих будущих жертв: среди временных, случайных знакомых или целенаправленно среди совсем незнакомых людей.

Профессиональные мошенники – самые опасные среди представителей этой преступной профессии. Это предопределяется, во-первых, значительным количеством людей, которым они способны причинить вред, во-вторых, большими

размерами причиняемого вреда, и, в-третьих, высоким уровнем их преступного профессионализма, который позволяет не только успешно осуществлять преступную деятельность, но и долгое время оставаться вне пределов досягаемости правоохранительной системы, чем в свою очередь способствовать распространению проявлений безнаказанности за совершенные преступления. Последнее является очень опасным явлением, и не только потому, что вызывает среди самих жертв и в обществе в целом ощущение несправедливости, беспомощности, но и из-за того, что, играя роль «примера для подражания», может вызвать желание других людей, в том числе и жертв мошенничества, попробовать свои «криминальные» способности. Дело может доходить даже до значительных деструктивных трансформаций с крайне негативными последствиями для государства и общества (вспомним только аферы с трастами, «финансовыми пирамидами», акциями, фальшивыми авизо и тому подобное). Нередко при совершении преступления профессиональные мошенники также провоцируют проявление антисоциального, неправомерного поведения со стороны потенциальных жертв.

Отдельной группой выделяются психопатические мошенники. Известно, что говорить правду – естественное состояние человека [7, С. 23]. Любой обман в большей или меньшей степени вызывает определенные негативные эмоции у человека, который его осуществляет: опасения разоблачения, ощущение вины и тому подобное. Они могут проявляться внешне, влияя на продуктивность обманных действий, давая лишние основания жертве усомниться в правдивости сообщенной информации. Специфическая же черта психопатической личности – почти полное отсутствие опасений относительно разоблачения в преступлении: ни ощущение вины из-за лжи, ни страх разоблачения не заставят психопата допускать ошибки в своих обманных действиях. Неспособность испытывать чувства вины или стыда – определяющая черта психопата. Следовательно, выявление обмана со стороны мошенника-психопата существенно осложняется, чем и повышается опасность последнего. Если же обман включает эмоцию, а мошенник не является психопатической личностью или не очень опытный обманщик, жертва имеет больше шансов распознать обман, избежав мошенничества.

Негативные эмоции, связанные с обманом, преступник может уменьшать за счет выбора безличных или вовсе анонимных жертв, а также – не разделяя социальных ценностей своих жертв. Обманщик может ссылкой на «наивность», непригодность к жизни жертв перекладывать вину за совершаемый обман на них самих, стараясь эмоционально, психологически дистанцироваться от своей будущей жертвы, ее состояния, переживаний. Установление же эмоционального контакта с потенциальной жертвой может способствовать возникновению у мошенника сочувствия, жалости, что нередко препятствует достижению преступной цели, вплоть до отказа от доведения преступления до конца.

Вместе с тем нередко случаются случаи, когда опытные мошенники могут инсценировать внешние проявления эмоций, что вместе с другой информацией, которая поступает от мошенника, образует его фальсифицированный образ в сознании жертвы. В этой связи для любого мошенника актуальной является проблема поддержания собственного «образа» путем фиксации в воображении окружающих определенной

информации в отношении себя, которая, как правило, не соответствует действительности. Успешное осуществление такого перевоплощения является достаточно сложной задачей и требует от преступника высокого уровня рефлексии, то есть способности тонко чувствовать, как он (его личностные качества, эмоциональные реакции и т.д.) в действительности воспринимается и оценивается жертвой. Таким образом, мошенник, оперативно корректируя свои действия, может рефлексивно управлять поведением жертвы.

Проанализированные выше особенности мошеннической деятельности требуют от представителей этой преступной профессии не только достаточно широких знаний в различных сферах социальной жизни, но и понимание особенностей человеческой психологии, как индивидуальной, так и коллективной. Профессиональный мошенник должен обладать также тренированной памятью, достаточно высоким уровнем общей эрудированности, смекалки, «человеческой хитростью», действенной системой психологической защиты, умением контролировать свои действия и эмоции. Мошенник готовится к преступлению, обдумывая его существенные моменты (подделывает документы, фальсифицирует предметы, искусственно создает обстановку доверия и тому подобное). Даже непрофессиональные «бытовые» преступники пытаются планировать пути достижения преступной цели, устранение возможных преград. То есть, при мошенничестве в подавляющем большинстве случаев исключается любая импульсивность действий преступника.

Движущей силой поведения мошенника становится, как правило, корыстный мотив, хотя одни исследователи считают, что он является обязательным признаком мошенничества, а другие – не обязательным. Корысть – это, прежде всего, стремление к завладению чужим имуществом, возможностью распорядиться им. В отдельных случаях для мошенников наряду с получением материальной выгоды от преступления, личностного значения приобретают те эмоциональные переживания, которые связаны с самим процессом преступной деятельности. Иногда такие ощущения могут играть одну из ведущих мотивирующих ролей.

К числу таких относительно распространенных стимулов преступного поведения можно отнести так называемые «игровые» мотивы. Е. Берн, например, справедливо отмечает, что среди обычных преступников можно выделить два разных типа: те, которые занимаются преступлениями ради выгоды, и те, которых преступление интересует в основном как игра, между которыми существует большая группа людей, которые действуют как с одной, так и с иной целью. Представители «игрового» типа отмечают постоянную потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включении в эмоционально возбуждающие ситуации, стремлением участвовать в разного рода контактах и тому подобное. «Игровая» мотивация «часто проявляется в мошенничестве, где присутствует интеллектуальное противоборство, состязание в ловкости, сообразительности, умении адекватно оценивать ситуацию, максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения» [8, С. 125-126]. Известной является распространенность азартных игр в среде преступников, прежде всего, корыстных, не говоря уже о том, что такие игры являются доминирующей

деятельностью картежных мошенников. Заметим, что иногда подобные увлечения могут иметь характер так называемого «гемблинга», когда игра становится самоцелью, а не средством получения материальной выгоды, когда объект захвата или игровая деятельность становится определяющей, блокирующей любую другую деятельность [9]. И это может касаться не только игр азартных, но и «жизненных».

Деятельность «бытовых» мошенников, как правило, характеризуется «обеспечительной» мотивацией, поскольку именно потребность собственного материального обеспечения является доминирующей у таких преступников. Представители этого типа мошенников совершают преступления эпизодически, и это является для них скорее способом решения конкретной насущной финансовой проблемы, чем основной деятельностью. «Бытовые» мошенники, в большинстве, не отличаются специализацией, заметным уровнем преступного профессионализма и совершают мошенничество часто лишь потому, что обстановка является более благоприятной именно для этого преступления, а не иного (например, кражи, грабежа и тому подобное). При этом такие мошенники считают мошеннический обман более легким и безопасным, чем другие способы завладения чужим имуществом. В случае же неудачного совершения мошенничества они могут прибегать к другим (в том числе, насильственным) способам получения желаемого.

Целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание также на преступников так называемого «самоутверждающегося» типа, «личностным смыслом поведения которых является, прежде всего, утверждение себя, своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном (самоутверждение) уровне» [8, С. 84]. Самоутверждающая мотивация среди мошенников является достаточно распространенной, поскольку среди прочего каждый акт обмана, мошенничества представляет собой утверждение собственной власти. Жертва в таких случаях в определенной мере лишается своего человеческого достоинства, так сказать, сводится к нулю, в то время как обманщик, хотя и временно, но приобретает, по его мнению, значительный статус. Еще К. Юнг отмечал, что обман является незаконной эксплуатацией других, угнетением. Но при признании важности самоутверждающих мотивов, считаем, необходимо подчеркнуть, что сами они довольно редко являются определяющими в поведении мошенника и, как правило, действуют наряду с другими мотивами и, прежде всего, корыстным.

Выводы. Учитывая полученные результаты, отмечается важная роль ситуации при совершении мошенничества. Ее специфика заключается в том, что субъективное отражение ситуации в сознании жертвы, как правило, не соответствует объективному ее содержанию (реальному значению событий), что позволяет мошеннику манипулировать действиями жертвы, вмешиваясь в ее субъективный образ ситуации. При этом степень «изобретательности» жертвы в ситуации совершения мошенничества варьируется, начиная от использования мошенником «удобного случая», полностью созданного жертвой, к случаям, когда в удачно расставленные «капканы» мошенника может попасть практически любой человек, независимо от его активности в создании (развитии) ситуации.

Заметную роль в выяснении причин виктимного поведения жертвы мошенничества играет теория «канализирующих факторов», которая позволяет

объяснить, почему мошенник, используя неуравновешенность мотивационного состояния жертвы, манипулируя «канализирующими факторами» (обстоятельствами ситуации), может легко достигать своей цели.

Исследование личности мошенника позволило сделать вывод: чем выше «виктимологическая квалификация» потенциальной жертвы, тем более профессиональным должен быть преступник, чтобы преуспеть, и наоборот, «наивный» человек может пострадать даже от действий самых неудачных «дилетантов мошеннической профессии».

Анализ взаимодействия жертвы и преступника свидетельствует, что мошенничество характеризуется высоким уровнем конфликтности, но конфликтности своеобразной, которая жертвой, как правило, не осознается. Важное место в таких взаимодействиях отводится рефлексии, рефлексивному управлению. При этом больше всего преимуществ у рефлексии именно на стороне мошенников.

Список литературы

1. Коваленко, Э.Д. Характеристика жертвы мошенничества (виктимологический аспект) / Э.Д. Коваленко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 2 (4). – С. 86-94.
2. Франк, Л.В. Виктимология и виктимность: (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью) : Учеб. пособие. для студентов юрид. фак. / Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Юрид. фак. - Душанбе, 1972. – 111 с.
3. Остроумов, С.С. О виктимологии и виктимности / С.С. Остроумов, Л.В. Франк // Советское государство и право. – 1976. – № 4. – С. 74-79.
4. Альбрехт, У. Мошенничество: Луч света на темные стороны бизнеса / У. Альбрехт, Дж. Вернц, Т. Уильямс. – СПб.: Питер Пресс, 1996. – 416 с.
5. Малышев, В.С. Карьера жертвы. Популярно о виктимологии. – Донецк : Юрпресс, 2002. – 400 с.
6. Сахаров, А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва : Госюриздат, 1961. – 279 с.
7. Юдкин-Рипун, Н.И. Слово и тело: заметки по методике умственного труда. – 2002. – 100 с. / И.Н. Юдкин-Рипун. – К.: Ин-т искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского, 2002. – 100 с. – На рус. яз. - ISBN 966-02-2484-2 : 3000.00.
8. Антонян, Ю.М. Личность корыстного преступника / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – 158 с.
9. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. – Москва : Городец, сор. 2016. – 385 с.

УДК 343.36

ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Мельников Е.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований ВШГА МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)
(e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru)

В отечественной науке и на официальном уровне периодически встает вопрос об институциональном разграничении преступлений и преступных деяний. В статье рассмотрены различные подходы к определению институциональных границ уголовного права. Обозначен спектр вопросов, которые необходимо разрешить при установлении таких границ. Показано, что изменение институциональных границ уголовного права одновременно ставит вопрос о необходимости дифференциации процессуальной формы. В статье рассмотрены отдельные доктринальные вопросы соотношения уголовного права и процесса.

Ключевые слова: уголовный проступок, преступление, процессуальная форма, судопроизводство, правонарушение, преступное деяние, юридическая ответственность.

ISSUES OF INSTITUTIONAL BOUNDARIES OF CRIMINAL LAW AND DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORM

Melnikov, E.A.

In Russian science and at the official level, the question of the institutional differentiation of crimes and criminal acts periodically arises. The article discusses various approaches to defining the institutional boundaries of criminal law. The range of issues that need to be resolved when establishing such boundaries is outlined. It is shown that the change in the institutional boundaries of criminal law simultaneously raises the question of the need to differentiate the procedural form. The article discusses certain doctrinal issues of the relationship between criminal law and the process.

Keywords: criminal offense, crime, procedural form, legal proceedings, offense, criminal act, legal responsibility.

Актуальность темы исследования. Функциональные границы уголовного права не столь очевидны, особенно в системах, где наряду с

преступлениями есть и административные правонарушения, отдельные из которых близки по общественной опасности к преступлениям (такой подход реализован не только в России и ряде постсоветских стран, но и, например, в законодательстве Германии). Однако подобное деление правонарушений на преступление и административные правонарушения не является универсальным. В большинстве стран подобное деление не существует. Кроме того, во многих странах существует дифференциация между преступными деяниями и преступлениями, которая подразумевает дифференциацию общественно опасных деяний в самом уголовном кодексе в зависимости от их тяжести.

В отечественной доктрине и на официальном уровне периодически поднимаются вопросы о соотношении преступлений и административных правонарушений, а также о возможности внедрения в российское законодательство нового вида правонарушений, которые по степени общественной опасности заняли бы промежуточное положение между преступлениями и административными правонарушениями. В некоторых случаях такой вид правонарушений в доктрине предлагается называть «уголовными проступками», однако взгляды на данный институт у авторов подобных предложений значительно отличаются друг от друга.

Внедрение подобного института ставит вопрос и о возможной дифференциации процессуальной формы. Порядок привлечения к ответственности за совершение подобных проступков может быть различным. Лицо может быть привлечено к ответственности за совершение такого проступка, как по процедуре, установленной для административных правонарушений (такая конструкция обсуждалась в советской доктрине), так и в порядке уголовного судопроизводства.

В связи с этим также возникает вопрос, означает ли перевод деяния в разряд административных правонарушений, его декриминализация, что лицо может впредь привлекаться к ответственности по упрощенной процедуре, предусмотренной для административных правонарушений, без предоставления соответствующих гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (например, права на защитника), даже в тех случаях, когда наказание будет связано с административным арестом на срок от 15 до 30 суток или значительным штрафом.

Начиная с советского периода подобные вопросы периодически возникают в доктрине и на официальном уровне. Их обсуждение всегда вызывает оживленные споры. Вопросы об институциональных границах уголовного права, дифференциации процессуальной формы имеют прикладное значение для осуществления правосудия в соответствии с принципом справедливости.

Анализ научных исследований.

Рассматриваемый круг вопросов был предметом исследования Н.С. Алексеева, А.С. Барабаша, П.С. Дагеля, В.Г. Даева, И.И. Карпеца, А.С. Кобликова, В.М. Лебедева, В.З. Лукашевича, И.Л. Петрухина, А. Сахарова, М.С. Строговича, Т.В. Трубниковой, П.С. Элькинд, Ю.К. Якимовича и других ученых. Стоит отметить, что здесь не указаны работы, которые были посвящены

обсуждению конкретных отдельных инициатив по внедрению в отечественное законодательство института уголовного проступка, а также исследования, касающиеся совершенствования отечественной модели уголовного судопроизводства, например, в части унификации формы предварительного расследования, перехода к модели прокурорского дознания и т.д. Автором были рассмотрены и использованы исследования, носящие более общий теоретический характер.

Цель статьи – показать, что институциональные границы уголовного права могут быть шире или уже, однако ключевым вопросом будет оставаться вопрос о соответствующей процессуальной форме.

Изложение основного материала.

Зачастую уголовный процесс и право сопоставляются как форма и содержание [1, С. 37; 2, С. 45], а также как средство и цель [3, С. 15].

Процесс с некоторыми оговорками является способом реализации охранительных норм материального права. При этом охранительные нормы являются гарантией исполнения регулятивных норм. Основанием для возникновения ответственности всегда служит нарушение охранительных норм материального права, даже когда оно происходит в ходе процессуальных действий. В свою очередь, установление и осуществление ответственности неизбежно связано с реализацией процессуальной деятельности. Таким образом, ответственность всегда является результатом правоприменительной деятельности. По отношению к процессу ответственность всегда выступает в качестве предмета процессуальной деятельности, определяя содержание этой деятельности. При этом сама ответственность является институтом материального права [4, С. 74].

Таким образом, уголовное судопроизводство является производным от уголовного права. При безусловной взаимосвязи процесса и права нельзя не признать их частичную самостоятельность. Частичная самостоятельность уголовного права, в частности, проявляется в том, что уголовный закон может реализовываться и вне уголовного процесса, когда гражданами добровольно выполняются его предписания [5, С. 38].

Частичная самостоятельность уголовного процесса проявляется в том, что он наряду с основным своим материальным предназначением – реализацией уголовно-правовых отношений – направлен на достижение и иных целей (защиту прав личности, возмещение вреда и др.) [6, С. 98-101].

Именно поэтому вопрос об институциональных границах уголовного права нельзя рассматривать отдельно от вопроса дифференциации процессуальной формы. Реализация уголовно-правовых отношений ответственности должна происходить по надлежащей процедуре.

Российское уголовное право оперирует лишь категориями преступлений и не проводит дифференциации между преступным деянием и преступлением, как, например, это сделано в законодательстве Франции.

Так, в статье 111.1 УК Франции все преступления классифицированы в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения. При этом

ряд проступков и нарушений при их сопоставлении аналогичны деяниям, которые отнесены российским законодателем к административным правонарушениям. Таким образом, вопрос о классификации правонарушений находится в компетенции законодателя и может разрешаться по-разному. Ключевой особенностью модели, реализованной во Франции, является то, что привлечение к ответственности вне зависимости от квалификации деяния как преступления или, например, проступка будет осуществляться в порядке предусмотренном УПК. Однако в зависимости от того, как будет квалифицировано деяние прокурором, будет определяться и порядок привлечения к ответственности. Так, например, прокурор может квалифицировать деяние не как преступление, а как проступок, вследствие чего необходимость проведения предварительного следствия, осуществляемого следственным судьей, будет отсутствовать.

Несмотря на то, что УК РФ оперирует лишь категориями преступлений и в нем не реализована идея дифференциации между преступным деянием и преступлением, в УПК РФ также частично реализована идея дифференциации процессуальной формы в зависимости от категории (тяжести) преступления и других обстоятельств. Так, в УПК РФ предусмотрены следующие формы предварительного расследования: предварительное следствие, дознание и дознание в сокращенной форме.

Отечественное законодательство предусматривает, что за любое даже нетяжкое преступление назначается наказание, которое является уголовным. Вместе с этим отдельные административные правонарушения близки по общественной опасности к преступлениям, однако лица, их совершившие привлекаются к ответственности в порядке, предусмотренном КоАП РФ, а не УПК РФ. Так, за административное правонарушение может быть предусмотрен штраф, кратно больше штрафа, предусмотренного Уголовным кодексом. Его назначение происходит по упрощенной процедуре и не влечет негативных последствий уголовно-правового характера. Существующие диспропорции в объеме преступлений, содержащихся в особенной части УК РФ, ведут к перегруженности процесса и неизбежно приводят к появлению упрощенных (ускоренных процедур либо к отказам в возбуждении уголовных дел). В то же время ряд составов Кодекса об административных правонарушениях очевидно находится в уголовно-правовой сфере, однако реализация права государства на наказание происходит по упрощенной процедуре, предусмотренной КоАП РФ, без соответствующих гарантий, которые предусмотрены в уголовном судопроизводстве.

В свое время на это обратил внимание Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в деле Менешева (Menesheva) против Российской Федерации.

Несмотря на то, что Российская Федерация вышла из Совета Европы и прекратила действие Европейской конвенции по правам человека, а также связанных с ней протоколов с 16 марта 2022 г., в сравнительно-правом аспекте данное решение представляет интерес. Деление на административные правонарушения и преступления характерно не только для законодательства

Российской Федерации, но и некоторых Европейских стран (например, Германии). В данном решении изложены общетеоретические положения, не вызывающие нареканий и не носящие политический характер, которые в целом характеризуют взгляд ЕСПЧ на институт административных правонарушений.

В данном решении ЕСПЧ указал, что к производству по делам об административных правонарушениях также применима ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в случаях, когда это производство касается спора о правах при предъявлении гражданину уголовного обвинения.

При этом для квалификации правонарушения как «уголовного» необходимо учитывать следующие обстоятельства: квалификацию правонарушения в национальном законодательстве, суть правонарушения, а также суровость возможного наказания. ЕСПЧ также указал, что в ряде случаев некоторые административные правонарушения по своей сути являются уголовными, но слишком незначительны для того, чтобы на них распространялось регулирование, предусмотренное нормами уголовного права и уголовного процесса. Карательное наказание в виде лишения свободы также характерно для сферы уголовного права. Именно данная логика позволяет распространять ст. 6 Конвенции о праве на справедливое судебное разбирательство лица, которому предъявлено уголовное обвинение, на случаи производства по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, определение законодателем деяния как административного правонарушения не означает, что оно автоматически исключается из уголовно-правовой сферы. Нахождение этого деяния в уголовно-правовой сфере определяется не только квалификацией в соответствии с законодательством, но и совокупностью иных критериев, в том числе видом и размером наказания.

В этом плане показательна дискуссия, которая возникала в советский период в связи с введением Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» протокольной формы дознания по делам о хулиганстве. Соответствующие изменения были закреплены в УПК РСФСР Указом Президиума ВС РСФСР от 24 августа 1966 года «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (ст. 414–419). В дальнейшем возможность проведения протокольного дознания была распространена на дела о мелком хищении государственного или общественного имущества.

По этой категории дел допускалось направление органами дознания материалов дела непосредственно в суд без производства предварительного расследования (ст. 415 УПК РСФСР). Дознание по делам этой категории проводилось лишь в случаях необходимости, если в пятидневный срок было невозможно выяснить существенные обстоятельства совершения преступления, а также при возвращении судом материалов для выяснения существенных дополнительных обстоятельств, которые не могли быть установлены в судебном заседании (ст. 416 УПК РСФСР). Указом Президиума ВС РСФСР

от 24 января 1985 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» предельный срок проведения дознания в протокольной форме был увеличен с 5 до 10 дней. Проведение предварительного расследования по данной категории дел могло быть также инициировано по указанию прокурора (п. «а» ч. 2 ст. 211 УПК РСФСР).

С некоторыми оговорками можно констатировать, что производство дознания в протокольной форме было близко по ряду дел к производству об административных правонарушениях.

Некоторые процессуалисты считали эту деятельность непроцессуальной [7, С. 501] либо чрезмерно упрощенной и подлежащей ликвидации или усовершенствованию [8, С. 173].

Мы не можем согласиться с тезисом о непроцессуальном характере такой деятельности, поскольку нормы уголовного права не могут быть реализованы вне процессуальной формы, если мы не имеем дело с чрезвычайным неконституционным процессом.

Непризнание упрощенной формы дознания со стороны М.С. Строговича и ряда других процессуалистов, скорее, было вызвано нетерпимостью упрощенных процедур и приверженностью к единой процессуальной форме.

В действительности же в данном случае на практике был реализован подход к дифференциации процессуальной формы. Упрощенная процессуальная форма была предусмотрена для нетяжких преступлений (ч. 1 ст. 96 УК РСФСР – до одного года лишения свободы, ч. 1 ст. 208 УК РСФСР – до шести месяцев лишения свободы), характер которых подразумевал, что они могли быть совершены в условиях очевидности.

Кроме этого, более чем по 100 составам преступлений небольшой тяжести уголовное законодательство РСФСР предусматривало применение мер административной ответственности (ст. 50 УК РСФСР). При этом протокольная форма дознания по этим преступлениям предусмотрена не была.

Практически всеми специалистами признается производность уголовного процесса от уголовного права. Процессуальная форма определяется характером материально-правовых отношений. При этом институт ответственности является институтом материального права. Поэтому в советской доктрине ожидаемо возникла дискуссия относительно сущности таких преступлений, за которые может быть назначено административное наказание, а также о процедуре привлечения к ответственности за их совершение.

В свете данной проблемы некоторыми исследователями предлагалось предусмотреть в уголовном законодательстве следующее положение: «в тех случаях, когда деяние, предусмотренное в уголовном законе как преступление, не влечет за собой уголовной ответственности по закону, оно не признается преступлением, а лицо, его совершавшее, преступником» [9, С. 7].

Это предложение выглядит не совсем доктринально обоснованным, так как очевидно, что разграничение административных правонарушений и преступлений в действующем регулировании является прерогативной

законодателя, а не органов правосудия. Представляется, что от этого подхода не стоит отступать. Вместе с этим подобные конструкции законодателем в настоящее время все же допускаются. Например, определение категории преступления (ст. 15 УК РФ) всегда считалось прерогативой законодателя, однако в настоящее время закон при определенных обстоятельствах предоставляет право суду изменить на одну ступень категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

В связи с наличием возможности назначения административного наказания за преступления в советской доктрине велась дискуссия о введении института уголовного проступка – виновного, общественно опасного деяния, признаки которого указаны в законе, не достигающего степени общественной опасности преступления. При этом предлагались либо декриминализация соответствующих составов преступлений [10, С. 25-26], либо создание отдельного института уголовного проступка с сохранением возможности применения за его совершение наказания в виде лишения свободы [11, С. 125; 12]. В обоих случаях предполагалось, что производство по уголовным проступкам будет осуществляться по процедуре, установленной для административных правонарушений [13, С. 74]. Вместе с этим возможность назначения наказания в виде лишения свободы в отсутствие приговора суда была поддержана далеко не всеми [14, С. 86].

Идея уголовного проступка на институциональном уровне в советский период в законодательстве реализована не была. Однако де факто в законодательстве была реализована идея дифференциации преступлений и преступных деяний, за которые могло быть назначено административное наказание. Большинство специалистов предлагало привлекать лиц, совершивших преступные деяния, в порядке, предусмотренном КоАП. Однако Н.С. Алексеев и В.З. Лукашевич предвосхитили обозначенную выше позицию ЕСПЧ, указав, что нельзя назначать наказание в виде лишения свободы в отсутствие приговора суда, т.е. без предоставления обвиняемому гарантий, предусмотренных уголовным судопроизводством.

В 2021 году Верховным Судом Российской Федерации был внесен законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [15]. Основным идеологом данного законопроекта был В.М. Лебедев (на момент внесения законопроекта – Председатель Верховного Суда РФ).

Концепция законопроекта предполагала сохранение уголовного проступка как института уголовного права. Под уголовным проступком предлагалось понимать совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое уголовным кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением ряда составов преступлений особенной части УК РФ, перечисленных в законопроекте.

При совершении уголовного проступка подсудимый освобождался бы судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-

правового характера (судебный штраф, общественные работы или ограниченно оплачиваемые работы), если он возместил ущерб, причиненный в результате совершения уголовного проступка. Применение мер уголовно-правового характера не вело бы к возникновению у лица судимости. Упрощение уголовно-процессуальной формы по данной категории дел законопроект не предусматривал.

В пояснительной записке к законопроекту было указано, что единственным отличием уголовных наказаний за преступления, которые предлагалось отнести к уголовному проступку, от административных наказаний является судимость, которая возлагает порядка 80 установленных законом запретов и ограничений на осужденных (например, в профессиональной деятельности, в избирательной, гражданско-правовой и иных сферах).

В июне 2024 года указанный законопроект был возвращен субъекту законодательной инициативы, в связи с чем появление института уголовного проступка в отечественном законодательстве в ближайшей перспективе маловероятно.

Выводы. Автор не придерживается мнения о необходимости внедрения института уголовного проступка в отечественное законодательство. В статье было показано, что институциональные границы уголовного права законодателем могут сдвигаться. Ключевым при этом остается вопрос о процессуальной форме, которая определяется характером материально-правовых отношений. Автор показал, что в отечественной науке и на официальном уровне вопрос об институциональном разграничении преступлений и преступных деяний поднимается не в первый раз. Это обусловлено тем, что возникает потребность установить за ряд деяний, находящихся в уголовной сфере, юридическую ответственность, которая, например, не влекла бы судимость, а предусматривала лишь краткосрочное лишение свободы, но привлечение к этой ответственности осуществлялось бы по правилам уголовного судопроизводства.

Представляется, что подходы к административным правонарушениям, уголовным проступкам и преступлениям в российской доктрине еще окончательно не сформировались. При этом обсуждение данной проблемы продолжается, что, на наш взгляд, в будущем приведет к изменениям материальных границ уголовного права и соответствующим изменениям процессуальной формы. Однако в настоящее время представляется затруднительным определить вектор развития отечественного законодательства.

Список литературы

1. Элькинд, П.С. Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования / П.С. Элькинд // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 34-45.

2. Даев, В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом / В.Г. Даев // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 45-52.
3. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. – 156 с.
4. Ветрова, Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г.Н. Ветрова // Суд и применение закона. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР. – 1982. – С. 73-79.
5. Якимович, Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова; Под ред. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 300 с.
6. Барабаш, А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш. – СПб.: Юридический центр. – 2005. – 254 с.
7. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука. – 1970. – Т. 2. – 560 с.
8. Кобликов, А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного процесса / А.С. Кобликов. – М.: Юрид.лит., 1979. – 199 с.
9. Кобликов, А.С. Осуществление правосудия только судом – конституционный принцип уголовного судопроизводства / А.С. Кобликов // Советская юстиция. – 1980. – № 23. – С. 6-8.
10. Петрухин, И.Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1978. – № 12. – С. 18-26.
11. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.
12. Сахаров, А. Разграничение преступлений и иных правонарушений / А. Сахаров // Социалистическая законность. – 1974. – № 7. – С. 32-35.
13. Дагель, П.С. Условия установления уголовной наказуемости / П.С. Дагель // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67-74.
14. Алексеев, Н.С. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве / Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич. – Ленинград : Изд. Ленинградского ун-та, 1970. – 199 с.
15. Паспорт законопроекта № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> – (дата обращения: 22.07.2025).

УДК 343.21; 343.97

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мироненко Н.С., аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

В статье проводится анализ правовых и организационных мер повышения эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений. Определенное значение для эффективности норм уголовного права в предупреждении преступности имеет согласованность санкций за совершение определенного вида преступлений с санкциями за другие преступления. Уголовный закон должен содержать четкие указания на правила индивидуализации ответственности и возможных границ судебного рассмотрения при их реализации. Это диктуется наличием в обществе определенной иерархии социальных ценностей, которая должна происходить и в строгости мер, принимаемых за нарушение указанных ценностей. Пределы санкции должны отражать тяжесть деяния, запрещаемого уголовным законом, должны быть такими, чтобы позволять суду максимально индивидуализировать наказание.

Ключевые слова: преступность, предупреждение преступлений, нормы уголовного права, меры повышения эффективности.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MEASURES TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL LAW NORMS IN CRIME PREVENTION

Mironenko, N.S.

The article analyzes legal and organizational measures to improve the effectiveness of criminal law norms in crime prevention. The consistency of sanctions for a certain type of crime with sanctions for other crimes is of particular importance for the effectiveness of criminal law norms in crime prevention. The criminal law should contain clear instructions on the rules of individualization of responsibility and possible boundaries of judicial review in their implementation. This is dictated by the existence of a certain hierarchy of social values in society, which must also take place in the strictness of measures taken for violating these values. The limits of the sanction should reflect the severity of the act prohibited by criminal law, and should be such as to allow the court to maximize the individualization of punishment.

Keywords: crime, crime prevention, criminal law norms, efficiency measures.

Актуальность темы исследования. В системе мер, применяемых для предупреждения преступлений, важная роль принадлежит нормам уголовного права. Нет сомнения, что уголовный закон влияет на сознание людей, а потому является важным предупредительным фактором. Предусмотренное формой уголовного закона наказание осуществляет обще превентивное воздействие, предотвращает совершение новых преступлений как ранее судимыми, так и другими лицами. Недостаточность в юридической науке теоретических и прикладных разработок повышение эффективности в предупреждении преступлений нормами уголовного права ограничивает возможность усовершенствования уголовного законодательства и эффективность правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Изложенное обусловило актуальность темы статьи, ее теоретическую и практическую значимость. Основу работы составляет анализ норм уголовного права под углом зрения их превентивного эффекта, влияния изменений в уголовном законодательстве на эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений.

Анализ научных исследований. Вопросы, связанные с разработкой проблем предупреждения преступности, исследовались в трудах отечественных ученых: Г.А. Аванесова, Л.В. Багрий-Шахматова, В.В. Борисова, Е.В. Благова, Я.М. Брайнина, М.А. Гельфера, А.А. Герцензона, В.А. Глушкова, В.К. Грищука, Н.И. Загородникова, А.П. Закалюка, Ю.Ф. Иванова, Е.И. Каиржанова, А.Ф. Кистяковского, А.Н. Костенко, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, И.С. Ноя, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, И.Р. Шикулы, А.И. Чучаева и других.

Цель исследования. Целью исследования является анализ и определение мер повышения эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений.

Изложение основного материала. Нормы уголовного права, запрещая совершать общественно опасные деяния, в то же время требуют определенного правомерного поведения. Действующий уголовный закон уже самим фактом своего существования влияет на поведение людей. Для большинства граждан требования уголовного закона вполне соответствуют их представлениям о надлежащем, правомерном поведении. Большинство людей выполняют запреты уголовного закона, боясь ответственности и наказания. Тем самым осуществляется регулятивная функция уголовно-правовых норм предупреждения преступлений. По своему содержанию меры, принимаемые в правовой сфере, характеризуются постоянным совершенствованием и развитием законодательства, упорядочиванием новых социально-экономических и других отношений, возникающих в обществе [1, С. 249].

Следует отметить, что при принятии той или иной нормы необходимо учитывать, что уголовное право определяет отношения между индивидом и обществом, к которому он принадлежит. Оно отражает как культурные ценности, так и существующие в обществе проблемы. В любом обществе «правовая система соответствует сложившейся в нем системе ценностей. Уголовное право является четко очерченной системой прав и обязанностей, которая предназначена для универсального применения, и которая устанавливает способы принудительного

осуществления своих норм. С другой стороны, гибкость в применении и принудительном осуществлении права предполагает такую концепцию справедливости, в соответствии с которой индивид, вовлеченный в систему права, склонен приписывать ей то, что, по его представлениям, считается желательным с целью не допустить несправедливость. Поэтому уголовное право должно сочетать систему норм как отражение ценностей культуры с индивидуальными особенностями людей, участвующих в процессе принятия решений, применении норм и осуществлении справедливости» [2].

Определенное значение для эффективности норм уголовного права в предупреждении преступности имеет согласованность санкции за совершение определенного вида преступлений с санкциями за другие преступления. Уголовный закон должен содержать четкие указания на правила индивидуализации ответственности и возможных границ судейского рассмотрения при их реализации. Это диктуется наличием в обществе определенной иерархии социальных ценностей, которая должна происходить и в строгости мер, принимаемых за нарушение указанных ценностей. Пределы санкций должны отражать тяжесть деяния, запрещаемого уголовным законом, должны быть такими, чтобы позволять суду максимально индивидуализировать наказание. Достижению этой цели способствует построение санкций в действующем законодательстве по типу относительно определенных составов абсолютного большинства.

Организованная преступность, олицетворяющая высшую форму развития преступности, сейчас имеет ярко выраженный транснациональный характер. Она продолжает завоевывать и монополизировать все большие сферы общественной жизни практически каждого государства, обеспечивая себя постоянно высокой прибылью [3, С. 3].

Выделение в отдельную группу «коррумпированной преступности» как вида преступности [4, С. 321] неотвратимо порождает для теории и практики задачи, касающиеся влияния на это социальное зло в плане ограничения его масштабов, негативных последствий, изучения причин, выработки мер предупреждения [5, С. 306].

Эффект действия уголовного права на правосознание граждан обусловлен не только установлением санкций за общественно опасное поведение, но и его реальным применением, поскольку люди судят о справедливости уголовного права, уголовной политики прежде всего по назначенному конкретному нарушителю наказанию за конкретное деяние. При назначении наказания должны учитываться не только степень общественной опасности деяния, но и личность правонарушителя.

Как справедливо отмечают И.М. Гальперин и А.Р. Ратинов: «Социальная справедливость наказания во многом зависит от правильного соотношения границ государственного принуждения, характера и степени общественной опасности деяния с особыми свойствами правонарушителей» [6, С. 72]. Действительно, уголовный закон, запрещающий совершение определенных действий, не может предусмотреть индивидуальных различий лиц, их совершающих. Однако формальное применение закона без учета свойств лица не будет справедливым. Суд должен в каждом отдельном случае соотнести наказание с индивидуальностью преступника. Поэтому

обязанностью суда при определении меры уголовной ответственности является учет личности виновного.

Реализация курса на ускорение социально-экономического развития страны, осуществление принципа социальной справедливости неразрывно связаны с повышением роли человеческого фактора. В условиях сегодняшнего состояния нашего общества повышение роли человеческого фактора связано с пересмотром ряда традиционных взглядов на место и значимость человека в системе общественных отношений. Несомненно, данная тенденция должна найти отражение и в сфере уголовного права. Необходимость усиления индивидуального подхода в уголовном праве связана с изменением законодательства и практики его применения как в направлении повышения внимания к проблемам лица, совершившего преступление, так и к вопросам охраны прав потерпевшего, всего общества от преступных посягательств. Например, если сравнить права лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и права потерпевшего, то, бесспорно, у потерпевшего значительно меньше прав. Поэтому «права потерпевшего, ограниченные или утраченные вследствие совершения преступления, должны рассматриваться как общий объект уголовно-правовых отношений. Направленность уголовно-правовых отношений на укрепление и охрану прав и свобод лица, законных интересов общества и государства определяет правовую природу этих отношений» [7].

Наказание имеет смысл лишь постольку, поскольку оно «служит цели внесения порядка в общественную жизнь, а единственное оправдание наказания – это его общественная полезность» [8, С. 237].

Значение деятельности по предупреждению преступлений в современном обществе необходимо рассматривать через функцию государства, которая демонстрирует уровень защиты граждан, а не движение по следам совершенных преступлений. Принципиально новый взгляд на общественную ценность предупреждения преступности заключается в том, что оно рассматривается как средство обеспечения прав и свобод человека в сфере функционирования исполнительной власти государства [9, С. 123].

Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступности во многом обусловлена логичностью, согласованностью и назначением норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ими в основном урегулированы вопросы, связанные с обязанностью органа дознания, следователя, прокурора и суда выявлять и устранять причины и условия совершения преступлений [10, С. 53].

Конечно, преступность как явление социальное имеет естественные и глубокие социальные корни, устранить которые одними правовыми и организационными средствами и мерами нельзя. Однако не следует недооценивать и правовые рычаги в сфере борьбы с преступностью. По нашему мнению, в настоящее время силы, направленные против преступности и преступников, используются еще нерационально.

Результативность уголовно-правовой политики частично обусловлена и правильным применением наказания за совершенные преступления.

Перевод регулирующих возможностей права в действительность – основная задача применения и реализации права. Эта задача обуславливает актуальность

исследования предпосылок, условий и средств, которые способствовали бы применению и реализации правовых норм, обеспечению законности в процессе действий права. Одним из таких средств выступает конкретизация юридических норм, осуществляемых как в процессе правоприменения, так и в связи с ним. Конкретизация норм уголовного права представляет собой закономерную деятельность, направленную на повышение точности и определенности правового регулирования.

Общественно опасные деяния лица должны быть правильно квалифицированы следственными и судебными органами в точном соответствии с конкретной правовой нормой, содержащей признаки определенного состава преступления.

Анализируя нормы уголовного права и состояние преступности, не трудно сделать вывод, что криминологическая эффективность их очень низкая. Поэтому возникла острая необходимость повышения криминологической эффективности норм уголовного права.

Повышение криминологической эффективности норм уголовного права, по нашему мнению, возможно достичь следующими двумя параллельными путями: 1) проведение криминологической экспертизы всех норм уголовного права, которые принимаются; 2) проведение социологического опроса населения по наиболее важным и актуальным нормам уголовного права, которые принимаются.

Планирование проведения в жизнь системы мероприятий по предупреждению преступлений и других правонарушений становится ныне неотъемлемой частью планов социально-экономического развития производственного коллектива, населенного пункта, района, города, региона. Неотложной задачей криминологов является создание типовых разделов этих планов, в которых в органическое целое связывались бы все направления профилактической деятельности, весь комплекс мер по предупреждению правонарушений, воплощалось бы все лучшее, что создано теорией и практикой и прошло испытание временем. Очевидно, такие типовые разделы могут рассматриваться как методические рекомендации при составлении конкретного плана социально-экономического развития, поскольку меры, предусматриваемые в нем по предупреждению правонарушений, должны учитывать специфику данного предприятия (региона), вытекать из глубокого анализа состояния правопорядка. «Профилактический» раздел – органическая часть плана, тесно связанная с другими его разделами, с планируемыми экономическими и социальными задачами. В этих разделах должно предусматриваться материальное и организационное обеспечение системы мер по предупреждению антиобщественного поведения.

Обязательной предпосылкой планирования всех видов предупредительной деятельности на более или менее длительный период является разработка надежных методов прогнозирования преступности. Криминологические прогнозы, в свою очередь, невозможны без постоянного глубокого изучения преступности, выявления ее закономерностей и тенденций развития, причин изменений в ее структуре и динамике. Достоверность среднесрочных и долгосрочных прогнозов изменений в динамике преступности может быть обеспечена лишь при условии максимального использования прогнозов развития социальных явлений, имеющих криминогенный и антикриминогенный характер.

Система предупреждения преступлений имеет целью ослабление и нейтрализацию действия всех криминогенных явлений, постепенное их устранение из жизни общества и обеспечение таким образом последовательного сокращения преступности. Среди криминологов сложилось мнение, что экономические, идеологические, культурно-воспитательные, организационные и другие общесоциальные меры непосредственно не направлены на предупреждение преступлений, а лишь способствуют решению этой задачи. Но такие меры непосредственно направлены на формирование нового человека, совершенствование образа жизни, а следовательно, и на предупреждение антиобщественного, в частности преступного, поведения. Нейтрализации и устранения основных криминогенных явлений можно достичь, главным образом, в результате осуществления этих мер, а не мер специального предупреждения преступности.

На наш взгляд, вопрос о задачах общего предупреждения преступности следует ставить иначе: общесоциальным мерам можно добавить большую профилактическую направленность, эффективнее использовать их в целях предупреждения преступности. Важная задача криминологов – разработать соответствующие предложения в этом направлении. Весьма актуальны, например, вопросы организации целенаправленного воспитания детей (в частности, в дошкольных учреждениях) и подростков в духе неукоснительного соблюдения ими всех социальных норм, создания системы контроля за их выполнением каждым гражданином и принятия иных мер обеспечения дисциплинированности граждан. Трудно переоценить значение научного изучения действующей системы предупреждения преступности, всех ее звеньев на разных уровнях и разработки рекомендаций по ее усовершенствованию. Нужно изучить также общественное мнение о действующей системе предупреждения преступности. Значительный интерес представляет опыт предупредительной деятельности в зарубежных странах.

Дальнейшее совершенствование системы предупреждения преступности требует объединения усилий криминологов, исследующих различные проблемы. Важно обеспечить принципиальное единство основных концептуальных положений и понятийного аппарата, согласованность программ исследований, сопоставимость их результатов, возможную унификацию их методов и «инструментария». Вместе с тем разработать предложения по усовершенствованию и повышению эффективности системы предупреждения преступности только силами юристов вряд ли возможно. Для того, чтобы обеспечить плодотворные результаты исследований, необходимо использовать все возможности, которые открываются на стыке различных наук. Одна из таких проблем – предупреждение антиобщественного поведения. Многие ее аспекты юристы, видимо, не только не могут, но и не должны изучать самостоятельно.

Не решает вопрос и привлечение к проведению криминологических исследований отдельных специалистов.

Назрела необходимость в организации комплексного научного изучения упомянутой проблемы совместно как криминологами, психологами, философами, социологами, педагогами, демографами, экономистами, представителями других отраслей науки, так и самостоятельно соответствующими специалистами по

вопросам, относящимся к их компетенции. Разработка общей программы таких исследований – задача большого государственного значения.

Предупреждение совершения преступлений является одной из целей уголовного наказания, названной общим предупреждением, или общей превенцией. Смысл последней заключается в том, чтобы угрозой наказания влиять на неустойчивых граждан, предотвращая тем самым возможность совершения ими преступлений. Вместе с этим факт существования определенной системы правовых норм, предусматривающих неблагоприятные последствия для правонарушителей, как таковой, не может обеспечить в полной мере предупреждение преступлений. Здесь необходимо реальное применение как закона, так и наказания. Следовательно, в эту систему должны входить и деятельность по применению правовых норм, и реализация наказания.

Эффективность различных видов уголовного наказания – составляющая проблемы совершенствования уголовного законодательства. В юридической литературе единодушно подчеркивается необходимость усиления индивидуализации наказания, внедрения в практику теории постепенной замены лишения свободы другими мерами наказания. Эта идея, на наш взгляд, может успешно воплощаться в жизнь путем широкого применения тех видов уголовных наказаний, которые не связаны с лишением свободы, а также упорядочения сроков лишения свободы.

Изучая вопросы эффективности норм уголовного права, нельзя обойти проблему рецидивной преступности, которая является не просто суммой конкретных фактов, а таковым их переплетением, таковыми взаимосвязями, когда очевидно, что это достаточно опасное зло: зло экономическое, политическое и моральное.

Организация и правовое обеспечение деятельности в предупреждении преступности в современных условиях должны в большей степени, чем раньше, учитывать экономическую, демографическую, социально-культурную и другую неоднородность страны. Предупредительная направленность современной уголовной политики заключается в том, что в сферу ее деятельности включаются все новые общественные отношения, требующие уголовно-правовой охраны. Это в первую очередь касается уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с незаконным обогащением. Например, наблюдается тенденция, когда преступление становится просто способом добиться экономического успеха, а экономические факторы стали главным фактором роста преступности.

К каждому лицу, виновному в совершении преступления, нужно применять такое наказание, которое минимально необходимо для его исправления, предупреждения совершения им новых преступлений, для воздействия на других неустойчивых людей, а также для удовлетворения чувства справедливости.

Здесь следует отметить, что существует опыт разработки правовых норм прямого профилактического направления. В 70-е годы прошлого века в СССР были введены в действие Положения об опорных пунктах охраны порядка, Положения о советах профилактики в трудовых коллективах, Положения о профилактической службе органов внутренних дел. Реализация этих норм оказала положительное влияние на результаты работы в предупреждении преступности.

В 80-е годы прошлого века А.П. Закалюком для профилактической службы Министерства внутренних дел СССР были разработаны прикладные методики прогнозирования и индивидуальной профилактики преступного поведения, которые на практике показали хорошие результаты в предупреждении преступлений [11, С. 163]. По нашему мнению, сегодня целесообразно вернуться к предыдущему положительному опыту и воссоздать профилактическую службу органов внутренних дел и разработать Положение о ней, чтобы можно было использовать в предупреждении преступности уже опробованные методики, которые хорошо зарекомендовали себя на практике.

На основании изложенного выше можно сделать вывод о том, что предупредительное значение норм уголовного права определяется, прежде всего, рядом объективных причин, вызванных необходимостью принятия новой нормы уголовного права или изменения существующей. Нормы уголовного права, как и нормы других отраслей права, неизбежно теряют актуальность, перестают соответствовать своему назначению в связи с непрерывным развитием общественной жизни. Предпосылкой усовершенствования норм уголовного права является изменение характера и состояния преступности в конкретных исторических условиях.

Предупреждение преступлений как деятельность по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению, осуществляется на разных уровнях, разными субъектами профилактики. Это дает основание для классификации видов предупреждения преступлений по субъектам.

В классификации по субъектам этой деятельности среди названий, бытующих в юридической литературе, а также среди практических работников правоохранительных органов, мы встречаем такие, как: «оперативная профилактика», «розыскная профилактика», «правоохранительная профилактика», «следственная профилактика» и тому подобное.

Разделение предупреждения преступлений по его субъектам вполне оправдано. Однако считаем, что пользоваться в ходе предупреждения терминами «розыскное», «правоохранительное», «следственное» и т.д. не совсем логично. Правильнее, по нашему мнению, сначала называть термин «предупреждение преступлений», а затем указывать субъекта этой деятельности: предупреждение преступлений аппаратами уголовного розыска, следственными подразделениями, подразделениями охраны общественного порядка, органами исполнения уголовных наказаний и тому подобное.

Для организации и осуществления предупреждения преступлений органами внутренних дел представляет интерес разделение его на виды в соответствии с классификацией преступлений, предусмотренной Особенной частью УК РФ. Исходя из этого, следует выделить следующие виды предупреждения преступлений: против жизни и здоровья; против собственности; против свободы, чести и достоинства личности; против основ конституционного строя и безопасности государства; против правосудия и тому подобное.

Разделение предупреждения преступлений на виды, основанное на едином понимании этой деятельности, способствует направлению усилий общества на выявление и устранение причин и условий любого элемента преступности, и особенно

когда необходимо сосредоточение усилий для искоренения отдельных ее элементов или рациональное использование для этих целей соответствующих сил и средств.

Выводы. К основным условиям повышения эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений, по нашему мнению, стоит отнести:

- 1) обязательное прогнозирование последствий принятия норм уголовного права;
- 2) изучение существующей правоприменительной практики;
- 3) разработка механизма реального контроля над доходами, а тем более выяснение происхождения некоторых состояний и изъятие «награбленного у народа»;
- 4) устранение диспропорций в структуре Уголовного кодекса, необоснованного отступления от типового построения статей его Особенной части;
- 5) устранение неоправданной концентрации в диспозициях норм, которые в них закрепляются, ряда деяний, каждое из которых в принципе могло бы составлять содержание отдельной нормы;
- 6) организационное обеспечение процесса внесения изменений и дополнений в УК РФ;
- 7) принятие нормы уголовного права в соответствии со сложившейся политической, экономической обстановкой в стране и тому подобное.

Определенное значение для эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений имеет согласованность санкций за совершение определенного вида преступлений с санкциями за другие преступления. Это диктуется наличием в обществе определенной иерархии социальных ценностей, которая должна происходить и в строгости мер, принимаемых за нарушение указанных ценностей. Пределы санкции должны отражать тяжесть деяния, запрещаемого уголовным законом.

Анализируя нормы уголовного права не трудно сделать вывод, что криминологическая эффективность их очень низкая. Поэтому возникла острая необходимость повышения криминологической эффективности норм уголовного права.

Повышение криминологической эффективности норм уголовного права, по нашему мнению, возможно достичь следующими двумя параллельными путями: 1) проведением криминологической экспертизы всех норм уголовного права, которые принимаются; 2) проведением социологического опроса населения по наиболее важным и актуальным нормам уголовного права, которые принимаются.

Список литературы

1. Алексеев, А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2012. – 481 с.
2. Криминология: учебник для вузов по спец. «Правоведение» / [В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Н.Ф. Кузнецова и др.]; отв. ред. В.К. Звирбуль. – М.: Юрид. лит, 1979. – 420 с.
3. Меркушин, В.В. Борьба с транснациональной организованной преступностью / В.В. Меркушин. – Минск : Амалфея, 2013. – 207 с.

4. Карпец, И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – Москва : Рос. право, 1992. – 432 с.
5. Багрий-Шахматов, Л.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы коррупции, теневой экономики и борьбы с ними : учебное пособие / Л.В. Багрий-Шахматов. – Одесса : Латстар, 2001. – 529 с.
6. Гальперин, И.М. Социальная справедливость и наказание / И.М. Гальперин, А.Р. Ратинов // Сов. государство и право. – 1986. – № 10. – С. 72-76.
7. Ашаффенбург, Г. Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов: (К вопросу о реформе уголовного законодательства) : Перевод с немецкого / Г. Ашаффенбург; Пер. под ред. и с предисл: Я.Л. Сакер. – Одесса : В. Распопов, 1906. – 256 с.
8. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2 / Отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 672 с.
9. Мироненко, Н.С. Субъекты предупреждения преступлений / Н.С. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 2 (4). – С. 120–127.
10. Булавкин, А.А. Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений / А.А. Булавкин, С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 1(3). – С. 49–59.
11. Закалюк, А.П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения / А.П. Закалюк. – М.: Юрид. лит., 1986. – 191 с.

УДК 343.1

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК РЫЧАГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВНОВЕСНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

Олькова О.А., кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (г. Казань)
(e-mail: helga713@yandex.ru)

Буторкин С.Л., аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: butorchin@rambler.ru)

В статье представлена методика оптимизации принципа состязательности в российском уголовном судопроизводстве с помощью использования концепции равновесного бисекториального приговора.

Ключевые слова: уголовный процесс, состязательность, равновозможный приговор, бисекториальный приговор, сторона защиты, сторона обвинения, обвинительный уклон, оправдательный уклон, наказание, уголовная ответственность, суд, судья, уголовно-процессуальные правонарушения.

ADVERSARIAL SYSTEM AS A LEVERAGE FOR EQUILIBRIUM LEGAL RELATIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ol'kov, S.G., Ol'kova, O.A., Butorkin, S.L.

The article presents the methodology of optimisation of the adversarial principle in Russian criminal proceedings by using the concept of equilibrium bispectral verdict.

Keywords: criminal procedure, adversarial, equiprobable sentence, bisectorial sentence, defence side, prosecution side, accusatory bias, acquittal bias, punishment, criminal liability, court, judge, criminal procedural offences.

В статье 15 УПК Российской Федерации закреплён один из ключевых принципов уголовного судопроизводства – принцип состязательности сторон. Современная структура данной статьи включает четыре части. В первой части подчеркивается, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. В части второй данной статьи идёт указание на то, что

функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

То есть закон здесь выделяет три группы субъектов:

- 1) выполняющих функции обвинения;
- 2) выполняющих функции защиты;
- 3) осуществляющих разрешение дела.

При этом в ч.3 ст. 15 УПК РФ специально подчеркивается фундаментальное положение о том, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, а в ч.4 ст. 15 УПК РФ закрепляется подпринцип российского уголовного судопроизводства, закрепляющий равенство сторон защиты и обвинения, поскольку ч. 4 ст. 15 УПК РФ гласит: «Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом».

В пункте четвертом Постановления Пленума Верховного Суда РФ №55 от 29.11.2016 г. «О судебном приговоре» закреплено важное положение, относящееся к реализации принципа состязательности, указывающее, что в соответствии с подпунктом «е» пункта 3 статьи 14 Пакта о гражданских и политических правах и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него. С учетом этих положений и в силу части 21 статьи 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения).

В пункте шестом того же Постановления Пленума Верховного Суда РФ подчеркивается, что в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пунктов 3, 4 части 1 статьи 305, пункта 2 статьи 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого.

Таким образом, как в действующем УПК РФ, так и судебной практике строго проводится линия на обеспечение **равновесного уголовного судопроизводства** посредством реализации в законодательстве и судебной практике принципа состязательности, выдерживающего равенство сторон защиты и обвинения.

Обратим внимание на тот факт, что понятие «равновесное уголовное судопроизводство» или «равновесный уголовный процесс» не являются закрепленными в уголовно-процессуальном законодательстве, хотя, по существу, именно они и раскрываются как в ст. 15 УПК РФ, так и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре». Кроме того, употребляя термин «равновесный уголовный процесс» («равновесное уголовное судопроизводство») мы неявно предполагаем и возможность неравновесного уголовного судопроизводства, которое может выражаться в двух формах – либо **оправдательном уклоне**, либо **обвинительном уклоне** уголовного судопроизводства, что уже предполагает возможность появления в уголовно-процессуальных правоотношениях различных уголовно-процессуальных правонарушений или шире нарушений уголовно-процессуального закона, среди которых, в частности, возможны и **существенные нарушения уголовно-процессуального закона**, о которых идет речь в статье 389.17 УПК РФ. Такие существенные нарушения уголовно-процессуального закона могут быть основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке.

Нетрудно предположить, что существенные и прочие нарушения уголовно-процессуального закона легко могут быть привязаны к интересам сторон защиты или обвинения в уголовно-процессуальных правовых отношениях, где субъекты используют свои субъективные права, исполняют их юридические обязанности и соблюдают установленные запреты. При этом отдельные субъекты со стороны обвинения и суд имеют дополнительные полномочия по применению норм уголовно-процессуального закона, в связи с чем в теории уголовного процесса существует градация субъектов уголовно-процессуальных правоотношений на субъектов обеспечивающих законность в уголовном процессе и субъектов соблюдения законности в уголовном процессе [1], что также имеет смысл при исследовании эффективности действия принципа состязательности сторон в современном российском уголовном судопроизводстве.

Особое внимание здесь также стоит обратить на использование выделенных неконкретизированных санкций [1], в качестве инструмента влияния на профессиональных участников уголовно-процессуальных отношений, что может приводить к нарушению равновесных уголовно-процессуальных правоотношений. Выделенная неконкретизированная санкция отличается от конкретизированных тем, что не привязана к конкретному правонарушению, и, более, того, может быть вообще не связанной с каким-либо перечнем составов правонарушений, а, следовательно, лицо, уполномоченное наказывать профессионального участника уголовно-процессуальных правоотношений, может самостоятельно придумать состав правонарушения, и наложить, например, дисциплинарное взыскание, что создает широкие возможности для оказания давления на процессуальную самостоятельность отдельных профессиональных участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Для раскрытия понятия «равновесное уголовное судопроизводство» построим математическую модель. Обозначим интересы стороны защиты буквой x_i и интересы стороны обвинения буквой x_j , откуда равновесие в системе «сторона защиты – сторона обвинения» будет иметь место, только в случае, когда $x_0 = x_j - x_i = 0$. То есть лишь тогда, когда $x_j = x_i$. Во всех других случаях, когда $x_j \neq x_i$ система интересов сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве находится в неравновесном состоянии. Когда имеет место ситуация $x_j > x_i$, тогда речь идет о преобладании интересов стороны обвинения над интересами стороны защиты, и, наоборот, когда $x_j < x_i$ – имеет место преобладание интересов стороны защиты над интересами стороны обвинения.

В ситуации, когда интересы обвинения в значительной мере стоят над интересами стороны защиты, вполне уместно говорить о наличии обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве по данному конкретному уголовному делу. В ситуации, когда интересы защиты в значительной мере стоят над интересами стороны обвинения, уместно говорить о наличии оправдательного уклона в уголовном судопроизводстве по данному конкретному уголовному делу.

Очевидно, что в реальной жизни, в ходе нормального уголовного судопроизводства по *множеству* конкретных уголовных дел имеет место колебание напряжения (разности интересов стороны защиты и стороны обвинения) около положения равновесия, что в полной мере соответствует нормальному вероятностному закону распределения деяний субъектов правовых отношений: $f(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\sigma} e^{-\frac{1}{2}\left(\frac{x-\mu}{\sigma}\right)^2}$, где x – напряжение в системе уголовно-процессуальных правоотношений (разность интересов сторон в уголовном судопроизводстве), μ – математическое ожидание (среднее значение) – в нашем случае $\mu = 0$ – равновесному значению; σ – среднее квадратическое отклонение ($\sigma = \sqrt{\sigma^2}$, где σ^2 – дисперсия); $f(x)$ – плотность вероятности появления событий.

Естественно, в данном случае выполняется известное правило трёх сигм, показывающее для нашего случая, что отклонения в пределах первой сигмы влево и вправо от состояния равновесия составляют 68,26%, отклонения в пределах второй сигмы составляют 95,45%, и в пределах трёх сигм уже 99,73%. Выход за пределы трёх сигм маловероятен и составляет $1 - 0,9973 = \frac{27}{10000}$.

В статье «Математические начала теории судебных приговоров» проф. С.Г. Ольковым были введены два важных уголовно-процессуальных понятия: 1) равновозможный приговор [2]; 2) биссекториальный приговор [2], которые используются в теории уголовного процесса, но не нашли пока закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, что создает широкие возможности для обвинительного и оправдательного уклона в уголовном судопроизводстве, что легко измеримо и доказуемо.

При вынесении равновозможного приговора суд (судья) выбирает величину основного уголовного наказания из множества координат на плоскости или в пространстве возможных уголовных наказаний, и **степень неопределенности** его решения максимальна, поскольку мы делим единицу (принятое решение) на площадь теоретически возможных наказаний или объем таких наказаний, если используем более одной независимой переменной в модели юридической ответственности. Кроме прочего, при вынесении равновозможного приговора судья с высокой долей вероятности, близкой к единице, попадет либо в область интересов стороны защиты, либо область интересов стороны обвинения, чем будет нарушен принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

При использовании концепции биссекториального приговора в системе уголовно-процессуальных правоотношений резко снижается неопределенность итогового судебного решения – приговора, поскольку единицу мы делим на длину биссектрисы в прямоугольнике данного вида уголовного наказания, и очевидно, что единица, деленная на площадь прямоугольника, будет в десятки раз больше единицы, деленной на длину линии биссектрисы. При биссекториальном приговоре предсказуемость решения судьи кратно повышается, и его решение становится понятным участникам процесса. При этом в уголовно-процессуальных отношениях по конкретному уголовному делу строго выдерживается равенство сторон защиты и обвинения, а, следовательно, строго соблюдается принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 УПК РФ.

Рассмотрим сказанное на примере. Пусть проходит судебное разбирательство по уголовному делу в отношении подсудимого, которому инкриминирована ч.3 ст.213 УК РФ (хулиганство). Согласно санкции ч. 3 ст. 213 УК РФ подсудимому может быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет. То есть **размах** уголовного наказания в данном случае составляет: $R = 96 - 60 = 36$ месяцев.

Величина уголовного наказания подсудимому определяется исходя из двух переменных – 1) общественной опасности содеянного (общественной опасности преступного деяния), то есть величины имущественного, физического и морального ущерба, причиненного подсудимым потерпевшему; – 2) общественной опасности личности подсудимого. Отягчающие (ст, 63 УК РФ) и смягчающие (ст.61 УК РФ) наказание обстоятельства привязываются либо, собственно, к преступному деянию, либо к личности, его совершившей.

Если агрегировать общественную опасность деяния и личности, его совершившей, в одну переменную, то величина уголовного наказания будет прямо пропорциональна величине агрегированной общественной опасности содеянного подсудимым, что удобно представить на плоскости уголовной ответственности $x0p$, где x – величина агрегированной общественной опасности в баллах, p – величина уголовного наказания в единицах его измерения, в нашем случае – месяцах лишения свободы.

Если принять один балл агрегированной общественной опасности преступного деяния и личности его совершившей равным одному месяцу

лишения свободы, то на плоскости xOp будет получен квадрат со сторонами равными соответственно 36 баллов по абсциссе и 36 месяцев лишения свободы по ординате в прямоугольной системе координат правой ориентации. Площадь квадрата составит: $S = 36 \cdot 36 = 1296$ пар координат. Это и есть множество теоретически возможных наказаний подсудимому, которые может выбрать судья при равновозможном приговоре. Неопределенность решения судьи составляет здесь: $P = \frac{1}{S} = \frac{1}{1296} = 7,7 \cdot 10^{-4}$. Определенность решения судьи составит: $\bar{P} = 1 - \frac{1}{1296} = 0,999$.

При этом, если провести в квадрате биссектрису, которая соответствует функции: $y = x$, то мы получим два прямоугольных треугольника. Первый треугольник висит над биссектрисой, которая выступает его гипотенузой, и это область интересов стороны обвинения. Второй прямоугольный треугольник с площадью в точности равной площади первого расположен под линией биссектрисы и опять-таки гипотенуза этого треугольника в точности равна биссектрисе квадрата. То есть согласованность интересов сторон защиты и обвинения, обеспечиваемая судом, всегда лежит только на линии биссектрисы, и таким образом мы постепенно приближаемся к пониманию сути биссектриального приговора.

Если измерить длину биссектрисы квадрата, то мы получим число возможных приговоров, которое существенно меньше, чем число возможных приговоров при равновозможном принципе их формирования. Для нашего случая длина линии биссектрисы составит: $C = \sqrt{36^2 + 36^2} \approx 51$.

Неопределенность приговора в данном случае равна: $P = \frac{1}{C} = \frac{1}{51} = 0,0196$, а определенность $\bar{P} = 1 - \frac{1}{51} = 0,98$.

Предсказуемость решения судьи выросла при переходе от равновозможного к биссектриальному приговору в $\frac{\frac{1}{51}}{\frac{1}{1296}} = 25,4$ раза, и это довольно хороший показатель.

Очевидно, что для обеспечения равновесного уголовного судопроизводства, в максимальной мере отвечающего принципу состязательности, необходим переход от концепции равновозможного приговора, принятого в настоящее время на вооружение в действующей российском уголовном судопроизводстве, к концепции биссектриального приговора, позволяющего в максимально возможной мере реализовать принцип состязательности сторон, и показать это наглядно, как участникам уголовного судопроизводства, так и прочим интересующимся правозащитной деятельностью физическим и юридическим лицам.

С использованием концепции биссектриального приговора судам будет гораздо проще выполнить требование к приговору, на которое указано в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда «О судебном приговоре», которое гласит, что суды обязаны строго выполнять требования статьи 307 УПК РФ о

необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера.

Подводя итог исследованию, проведенному в данной научной статье, можно сделать следующие **выводы**: во-первых, равновозможные приговоры обладают точно измеримой высокой степенью неопределенности; во-вторых, равновозможные приговоры с высокой степенью вероятности, близкой к единице, существенно отклоняются от принципа состязательности сторон и отражают наличие в уголовно-процессуальных правоотношениях определенного обвинительного или оправдательного уклона; в-третьих, идеальным решением, связанным с повышением определенности судебного приговора и снижением вероятности обвинительного и оправдательного уклонов в уголовно-процессуальных правоотношениях, является переход от равновозможного приговора к приговору биссекториальному; в-четвертых, при переходе от равновозможного приговора к приговору биссекториальному в уголовно-процессуальных правоотношениях сторон защиты и обвинения строго выдерживается принцип состязательности сторон и колебания напряжения в системе сторон защиты и обвинения невелики в области определения точки равновесия интересов сторон. Если суд пришел к выводу о необходимости назначения подсудимому наказания в виде лишения свободы, а санкция статьи уголовного закона наряду с лишением свободы предусматривает и другие виды наказания, то суд должен указать мотивы, по которым ему не может быть назначена иная мера наказания. В тех случаях, когда суд, в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 58 УК РФ, назначает осужденному к лишению свободы отбывание наказания в исправительной колонии общего режима вместо колонии-поселения, в приговоре должны быть приведены обстоятельства совершения преступления и данные о личности виновного, учитываемые судом при принятии такого решения.

Список литературы

1. Ольков, С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения / С.Г. Ольков. – Тюмень : Высшая школа МВД РФ, – 1996. – С. 212, 225.
2. Ольков, С.Г. Математические начала теории судебных приговоров / С.Г. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2016. – № 3. – С. 4-24.
3. Ольков, С.Г. Приговор по уравнению с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание / С.Г. Ольков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015 – № 1 (18). – С. 365-376.
4. Ольков, С.Г. Лица без постоянного источника доходов как фактор раскрытых краж и общей преступности в России (2003-2014 годы) / С.Г. Ольков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016 – № 4 (27). – С. 94-103.

УДК 343.1

МАТЕМАТИКА МНОГОМЕРНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ФОРМОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ОПТИМАЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

Статья включает три блока: 1) рассмотрение специфических математических функций многомерных оценочных пространств; 2) рассмотрение возможности применения методов линейной и нелинейной оптимизации при вынесении судебных приговоров; 3) демонстрацию применения метода условной оптимизации (нелинейного программирования, в частности, метода неопределенных множителей Лагранжа) в формировании внутреннего убеждения судей для вынесения максимально справедливых приговоров.

Ключевые слова: уголовный процесс, математика, оценочное пространство, функция справедливости, суд, судья, приговор, справедливость, обоснованность, законность, линия допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН), оптимальность, линейное программирование, нелинейное программирование, лагранжиан, обвинительный приговор, наказание, лишения свободы.

THE MATHEMATICS OF MULTIDIMENSIONAL EVALUATION SPACES AND THE FORMATION OF THE JUDGE'S INNER CONVICTION IN MAKING THE OPTIMAL VERDICT

Ol'kov, S.G.

The article includes three blocks: 1) consideration of specific mathematical functions of multidimensional evaluation spaces; 2) consideration of the possibility of using linear and nonlinear optimization methods in sentencing; 3) demonstration of the use of conditional optimization (nonlinear programming, in particular, the Lagrange multiplier method) in forming the internal conviction of judges for the most just sentences.

Keywords: criminal procedure, mathematics, evaluative space, justice function, court, judge, sentence, justice, validity, legality, line of permissible combinations of criminal penalties, optimality, linear programming, nonlinear programming, Lagrangian, conviction, punishment, imprisonment.

В российском и белорусском уголовных кодексах точно определено понятие справедливости уголовного наказания, а в уголовно-процессуальных кодексах упомянутых государств ключевым свойством приговора – итогового судебного решения по уголовному делу указана справедливость. При этом среди принципов уголовного судопроизводства, перечисленных в главе второй УПК РФ, выделяется принцип «свободы оценки доказательств», который гласит: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ч.1 ст. 17 УПК РФ), а во второй части данной статьи подчеркивается, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, хотя последнее не вполне соответствует действительности, поскольку существует понятие преюдиции (от лат. *Praejudicialis* – «относящийся к предыдущему судебному решению»). В УПК России имеется статья 90 – «Преюдиция», которая гласит: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки».

Очевидно, что решение судьи (суда) должно быть оптимальным, то есть лучшим из всей совокупности возможных решений по данному уголовному делу. Оптимальные управленческие решения, разновидностью которых является и судебный приговор, могут приниматься на минимум или максимум какого-то показателя или на заданное число. Например, руководитель фирмы может стремиться минимизировать издержки производства, или максимизировать прибыль компании. Судья (суд) в каждом конкретном случае, по каждому уголовному делу должен максимизировать функцию справедливости, что в полной мере соответствует требованиям статьи 297 УПК РФ, в которой говорится о таких свойствах приговора, как законность, обоснованность и справедливость, а сущность принципа справедливости раскрыта в ст. 6 УК РФ, которая гласит: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Очевидно, что речь идет об обстоятельствах, характеризующих, как объективную, так и субъективную сторону совершенного преступления, а также самого субъекта такового.

В переводе с процессуального языка на математический запишем: $p = f(x, y)$, где p – величина уголовного наказания (цена преступления) в единицах измерения вида применяемого наказания (ст. 44 УК РФ), x – количество общественной опасности преступления (преступного деяния), y – количество общественной опасности, содержащейся в личности физического лица, совершившего преступление (субъекта преступления). Ясно, что при этом

должны быть учтены обстоятельства, на которые указывают статьи 61 и 63 УК РФ, где идет речь о смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах. Такие смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства целесообразно привязывать либо к общественной опасности преступного деяния или личности, его совершившей, но при желании можно эти обстоятельства выделить в самостоятельные переменные и получить функцию справедливости не от двух, а от четырех независимых переменных, хотя это вряд ли целесообразно, поскольку в последующем при оптимизации приговора нам придется брать частные производные не от двух, а от четырёх переменных, которые будут показывать предельную справедливость, приходящуюся на один балл общественной опасности преступного деяния, предельную справедливость, приходящуюся на один балл общественной опасности личности, совершившей преступление, предельную справедливость, приходящуюся на один балл отягчающих наказание обстоятельств и предельную справедливость на один балл обстоятельств смягчающих величину уголовного наказания. При этом предельная справедливость в последнем случае будет иметь знак плюс в уравнении ограничения.

В итоге, составляя систему линейных алгебраических уравнений при оптимизации приговора, мы получим систему не из трёх, а из пяти линейных уравнений, решение которой даст нам оптимальное количество баллов по каждой переменной, включенной в функцию справедливости. Эти баллы нужно будет подставить в принятую на вооружение функцию справедливости, и получить итоговую величину уголовного наказания подсудимому.

Конкретный вид функции справедливости вполне очевиден из сути уголовного закона. Ясно, что с ростом, как общественной опасности преступного деяния (x), его объективной стороны, так и личности его совершившей (y), субъективной стороны содеянного, величина уголовного наказания должна возрастать. При этом, с учетом закона нормального распределения деяний субъектов правовых отношений, рост функции справедливости должен быть нелинейным – деяния из второй и третьей сигмы должны подавляться с возрастающей жесткостью, а отклонения от нормы в пределах первой сигмы не должны караться жестко. Следовательно, наиболее подходящими для функций справедливости являются математические функции вида функций Кобба-Дугласа, например, в качестве таковой может быть выбрана функция: $p = xy$, где величина уголовного наказания определяется простым произведением баллов общественной опасности преступного деяния на баллы общественной опасности личности, совершившей преступление. При этом обстоятельства, смягчающие и отягчающие величину уголовного наказания, должны быть привязаны либо к общественной опасности преступного деяния, либо личности, его совершившей.

Кроме функции справедливости для оптимизации приговора необходимо ввести уравнение ограничения, часть которого нам уже дана в уголовном кодексе в санкциях уголовно-правовых запретов. Уравнение ограничения являет собой *линию допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН)* вида: $m =$

$p_x x + p_y y$ или в явном виде: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x$, где m – максимальная величина уголовного наказания применяемого судьей (судом) вида по данному уголовному делу, заданная в уголовном законе, p_x – цена одного балла общественной опасности преступного деяния в единицах измерения применяемого вида уголовного наказания (основного или дополнительного), p_y – цена одного балла общественной личности в единицах измерения применяемого вида уголовного наказания (основного или дополнительного).

Далее записывается **общее уравнение для максимизации справедливости** с введением множителя Лагранжа (лагранжиана): $P = xy + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, где к функции справедливости прибавляется множитель Лагранжа, умноженный на уравнение ограничения, из которого для максимизации функции справедливости нужно взять предельную справедливость по переменным: 1) по переменной x ; 2) по переменной y ; 3) по лагранжиану (λ). Далее записать систему алгебраических линейных уравнений (СЛАУ), приравняв предельную справедливость к нулю, чтобы получить искомый экстремум.

Сразу отметим, что предельная справедливость представляется частными производными от функции $P = xy + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, что запишем: $\frac{\partial P}{\partial x} = y = MJ_x$, $\frac{\partial P}{\partial y} = x = MJ_y$, где MJ_x – предельная справедливость на один балл общественной опасности преступного деяния, MJ_y – предельная справедливость на один балл общественной опасности личности, совершившей преступление, откуда запишем систему алгебраических линейных уравнений:

$$\begin{cases} 0x + 1y - \lambda p_x = 0 \\ 1x + 0y - \lambda p_y = 0 \\ p_x x + p_y y - 0\lambda = m \end{cases}$$

Решив данную систему любым удобным способом, получим: 1) оптимальное количество баллов общественной опасности преступного деяния (x_0); 2) оптимальное количество баллов общественной опасности личности, совершившей преступление (y_0); 3) значение предельной справедливости, приходящейся на единицу применяемого вида уголовного наказания (λ), например, на один месяц лишения свободы или принудительных работ.

Если нами всё выполнено правильно, то должен выполняться второй закон Госсена – основной закон оптимизации: $\frac{MJ_x}{p_x} = \frac{MJ_y}{p_y} = \lambda$. То есть предельная справедливость общественной опасности преступного деяния и общественной опасности личности, его совершившей, приведенные на цены одного балла соответственно общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, должны равняться предельной справедливости единицы применяемого вида уголовного наказания.

После проверки на соответствие второму закону Госсена переходим к назначению уголовного наказания по принятой функции справедливости –

выносим максимально возможный справедливый приговор по данному уголовному делу по формуле: $p_0 = x_0 y_0$. При этом нам не важно, в каком государстве живет и работает судья, применяющий данную методику [2, С. 136-146]. Уже сегодня любой судья в любой стране мира без всяких противоречий с внутренним законодательством государства может применять эту методику для вынесения справедливого приговора и она, без всякого сомнения, будет лучшей.

Наибольшую сложность при решении задачи назначения максимально справедливого наказания представляет определение цен одного балла общественной опасности преступного деяния и одного балла общественной опасности личности, совершившей преступление, но это и наиболее важная задача, поскольку именно здесь определяется положение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации, а от положения *ЛДКУН* зависит и координата точки касания *ЛДКУН* с максимально высокой кривой постоянных наказания (*КПН*) снятой с функции справедливости. Карта кривых постоянных наказания есть ни что иное, как линии уровня, снятые с функции справедливости: $p = xy$, ибо *КПН* – это $y = \frac{p_a}{x}$, где $p_a = \text{const} > 0$, и геометрически оптимизация выглядит, как отыскание точки касания какой-то *КПН* и конкретной *ЛДКУН*, то есть $\frac{p_a}{x} = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y}x$, но количество *ЛДКУН*, как и *КПН* есть бесконечное множество.

Пусть, например, $m = 24$ месяца лишения свободы. Примем цену одного балла ООД равной двум, а одного балла ООЛ равной трём, откуда уравнение ограничения примет вид: $y = \frac{24}{3} - \frac{2}{3}x$. С другой стороны, если цена одного балла ООД равна двум, а одного балла ООЛ равна 0,5, то получим уравнение ограничения: $y = \frac{24}{0,5} - \frac{2}{0,5}x$, откуда будем иметь разные системы линейных уравнений, в которые входят цены.

Как видно цены одного балла ООД и одного балла ООЛ влияют, во-первых, на тангенс угла наклона *ЛДКУН*, а, во-вторых, на величину свободного члена в уравнении ограничения (*ЛДКУН*), а, следовательно, и таких уравнений *ЛДКУН* имеем бесконечное множество при условии свободного выбора цен, включенных в уравнение *ЛДКУН*.

Выбор оптимальных цен может строиться с помощью метода линейного программирования¹, когда выбираются соответствующие угловые решения. В этом случае должна быть задана целевая функция и ограничения. Целевая функция должна быть задана на максимум. Как целевая функция, так и уравнения ограничений задаются строго линейными функциями. Особо следует обратить внимание на переменные! – В данном случае переменными выступают цены: p_x и p_y , а общественная опасность деяния (x) и общественная опасность

¹ Раздел математического программирования, изучающий методы решения задач на отыскание экстремумов (максимумов или минимумов) линейных функций многих переменных при наличии линейных ограничений, наложенных на переменные.

личности (y) в модель не включаются. Задача линейного программирования **решается на максимум**, а не на минимум, поскольку её решение на минимум всегда даст нуль по заданной области определения.

Целевая функция задается уравнением: $t = p_x + p_y$, откуда на плоскости p_x $0p_y$ легко выразить цены, как одного балла ООД, так и одного балла ООЛ. Один балл ООЛ линейно выражается через один балл ООД уравнением: $p_y = t - p_x$ и один балл ООД линейно выражается через один балл ООЛ уравнением: $p_x = t - p_y$.

С учетом того, что область определения функции справедливости по ООД всегда кратно больше области определения той же функции по ООЛ, цена одного балла ООЛ, вероятно, должна быть выше цены одного балла ООД. Например, в американском руководстве по назначению уголовных наказаний область определения ООД составляет 43 дискретных единицы, а область определения ООЛ только шесть (6). То есть область ООД в 7,16 раза длиннее области определения ООЛ. Мы можем рассмотреть прямоугольный треугольник с катетами: $a = 43$ и $b = 6$, гипотенуза которого: $c = \sqrt{43^2 + 6^2} = 43,416$.

Применительно к американской системе оценок один балл ООЛ выражается через один балл ООД с коэффициентом пропорциональности 7,16 ($p_y = \frac{43}{6} = 7,16$), а один балл ООД выражается через один балл ООЛ с коэффициентом пропорциональности: $p_x = \frac{6}{43} \approx 0,1395$ при исследовании наказаний, связанных с лишением свободы, когда лишение свободы вычисляется в месяцах, откуда с учетом формулы $p_x = t - p_y$, уместно записать: $p_x = t - 7,16p_y$ или $p_y = t - 0,14p_x$.

Рассмотрим модель линейного программирования, задав цены 1 балла ООД и одного балла ООЛ равными единице для наказания в виде лишения свободы применительно к ч.1 ст. 158 УК РФ, где $t = 24$ месяца лишения свободы. Математическая модель задачи будет следующей: 1) целевая функция примет вид: $F = p_x + p_y$; 2) уравнение ограничения: $p_x + p_y \leq 24$.

Решая задачу на максимум, получим: $p_x = 12$ и $p_y = 12$. Зададим коэффициент при p_x равным 0,5 и коэффициент при p_y равным двум. Решая на максимум, получим $p_x = 0$, а $p_y = 24$. На минимум задача не решается. То есть здесь я просто показал возможность подбора цен с помощью метода линейного программирования, хотя это вовсе не обязательно, и здесь уместно использовать более подходящие методики.

Специфические математические функции многомерных оценочных пространств.

Рассмотрим классическую функцию вида $y = f(x)$, где y – функция (следствие) в соответствующих единицах измерения, а x – аргумент функции (причина) в соответствующих единицах измерения. Эта функция задается на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации или любой другой удобной для исследователя системе координат будь то аффинной,

полярной, цилиндрической или иной. Функция может быть линейной или нелинейной. В линейной функции отсутствует ускорение, и она имеет вид: $y = \alpha + \beta x$, где x и y – переменные, а альфа и бета – параметры. Альфа – свободный член, показывающий значение функции при $x = 0$, а бета – это скорость изменения функции: $\beta = \frac{dy}{dx}$, и она показывает, насколько в абсолютном выражении изменяется зависимая переменная игрек при изменении независимой переменной икс на единицу измерения. На графике линейная функция описывается какой-то однозначной прямой.

В нелинейных функциях наряду со скоростью появляется ускорение, то есть в систему наряду с первой производной (скоростью) вводятся производные более высоких порядков. Например, в функции вида $y = x^2$ наряду с первой производной: $y' = 2x$ появляется и вторая производная: $y'' = 2$, характеризующая ускорение в данной системе.

В эконометрике, как разделе математической статистики линейную функцию мы запишем: $\hat{y} = \alpha + \beta x + \varepsilon$ или $\hat{y} = (\alpha + \varepsilon) + \beta x$, где игрек с крышкой – это оценка зависимой переменной, а ε – случайный член. Наилучшую оценку параметров такого регрессионного оценочного уравнения мы обычно получаем с помощью метода наименьших квадратов, который минимизирует величину квадрата отклонений во множестве возможных оценочных уравнений исследуемой зависимости.

Стоит сказать, что переход к более длинным функциям вида $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ ничего принципиально не меняет – у нас по-прежнему определяется только одна зависимая переменная, и при любой комбинации значений независимых переменных мы получим на выходе одно и только одно значение зависимой переменной.

Ничего подобного нет в том случае, когда мы работаем с многомерными оценочными пространствами!!! Здесь единственная независимая переменная определяет бесконечное множество оценок, то есть следует записать: $\{y\} = f(x)$, где $\{y\}$ – бесконечное множество оценок. Например, перед нами деяние субъекта правовых или морально-нравственных отношений (x), которое оценивается энным количеством физических лиц из разных социально-культурных пространств, откуда на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации мы получим вероятностное распределение оценок данного деяния, а в общем виде бесконечное множество вероятностных распределений, соответствующих каждому возможному значению независимой переменной, как справа, так и слева от начала координат. При этом распределение исчезнет, и уйдет в точку на плоскости только в том случае, когда деянию соответствует единственная точная оценка.

Например, рассмотрим работу с таблицей умножения, расположив сомножители по координатным осям абсцисс и ординат, а ответ, положив на аппликату. Перед нами оценочное пространство вида: $\{y\} = f(x_1, x_2)$ или в определенном виде: $\{y\} = x_1 \cdot x_2$. Ясно, что в компетентном оценочном экспертном пространстве мы получим зависимость: $y = x_1 \cdot x_2$, где

вероятностные распределения по зависимой переменной игрок по каждой паре иксов сольётся в точку, и мы получим идеальную поверхность оценок в трёхмерном оценочном пространстве.

А теперь давайте оценим деяние субъекта правовых отношений, выразившееся в краже – тайном хищении чужого имущества. Будет ли оценка судей в виде величины уголовного наказания строго однозначной по данной конкретной краже, совершенной конкретным подсудимым? Как легко заметить из судебной практики – ничего подобного не наблюдается, и мы получим вероятностное распределение возможных (потенциальных) оценок. То есть, если мы проведем эксперимент, и дадим фабулу одного и того же уголовного дела произвольному количеству судей, задав при этом диапазон возможных наказаний, то получим разброс мнений, который будет тем больше, чем более детализированную оценку мы потребуем от судей, скажем, будем детализировать величину уголовного наказания не в годах, а в сутках или часах. Ситуация ещё более усложнится, если вместо судей мы будем использовать в качестве оценщиков простых обывателей, скажем, присяжных заседателей. Да что говорить, давайте посмотрим, как кражи оценивают законодатели разных стран. Так, за простую кражу (без дополнительных квалифицирующих обстоятельств) в России подсудимый может получить наказание до двух лет лишения свободы (24 месяца), а в Индии до трёх (36 месяцев). В подобных случаях мы можем измерить площадь рассогласования мнений оценщиков с помощью метода шнурования (метод Гаусса) или использовать интегралы по замкнутому контуру. Если оценку нужно будет проводить не по одному, а двум и более признакам, то придется переходить к кратным интегралам такого рода. Но можно воспользоваться и какой-нибудь простой технологией, пример которой приведу ниже.

Пусть перед нами две группы законодателей из двух разных государств, и нас интересует вопрос, в каком порядке они ранжируют виды хищений? В итоге опроса получаем таблицу.

Таблица №1. Ранжирование законодателями стран А и В хищений.

Оценка законодателями страны А (x_i)	Вид хищения	Оценка законодателями страны В (y_i)
1	Кража	1
5	Грабёж	5
6	Разбой	6
2	Мошенничество	2
3	Присвоение	3
4	Растрата	4

Спрашивается, насколько хорошо согласованы мнения законодателей?

Для решения данной задачи удобно использовать меры связи, не регламентирующие нормальность выборок, в частности, можно использовать непараметрические коэффициенты Кендалла и Спирмена. Воспользуемся коэффициентом корреляции Спирмена, который вычисляется по формуле: $\rho_{x,y} = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2-1)}$, где d_i^2 - квадраты разности рангов, n – абсолютное число наблюдений.

Для нашей задачи использование формулы: $\rho_{x,y} = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2-1)} = 1 - 0 = 1$, поскольку мнения законодателей полностью согласованны относительно ранжирования хищений.

Положим теперь, что законодатели в стране А поставили растрату на третье место, а присвоение на четвертое, и тогда мнения законодателей из разных стран слегка разошлись, откуда нужно заполнить рабочую таблицу.

Таблица №2. Рабочая (вспомогательная таблица).

$d_i = x_i - y_i$	0	0	0	0	1	-1	
d_i^2	0	0	0	0	1	1	$\sum 2$

$$\rho_{x,y} = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2-1)} = 1 - \frac{6 \cdot 2}{6(6^2-1)} = 0,94.$$

Судя по коэффициенту корреляции связь между переменными, во-первых, сильная, а, во-вторых, положительная, но уже не полная (не функциональная).

Дополнительно нужно проверить статистическую значимость полученного коэффициента. Здесь проверяется нулевая гипотеза: H_0 , которая утверждает, что коэффициент корреляции не является статистически значимым на принятом уровне значимости, например, на уровне 1%, 5%, 10%. Число степеней свободы в нашем случае четыре ($D_f = n - 2 = 6 - 2 = 4$). Далее из таблицы критических значений Стьюдента берем критическое значение $t_{кр.}$ для данного числа степеней свободы для принятого доверительного уровня, например, 0,05: $t_{кр.,0,05;4} = 2,78$. В данном случае мы допускаем вероятность 5% ошибки. Остается только рассчитать эмпирическое значение $t_{эм.} = |\rho_{x,y}| \cdot \sqrt{\frac{n-2}{1-\rho_{x,y}^2}} = 0,94 \cdot \sqrt{\frac{6-2}{1-0,94^2}} = 5,51$. Поскольку $t_{эм.} > t_{кр.,0,05;4}$, постольку гипотеза H_0 отклоняется, и принимается альтернативная гипотеза H_1 , которая утверждает, что коэффициент корреляции является статистически значимым на пятипроцентном уровне значимости.

Вернемся снова к простым математическим функциям, где аргументу функции соответствует одно и только одно значение функции. Даже круг или эллипс – это не функция в классическом понимании функции, поскольку почти для каждого аргумента функции (за исключением концевых точек) у нас

появится не одно, а два значения функции, но в математике есть понятие случайной функции, которое весьма полезно для исследования многомерных оценочных пространств. Здесь каждому аргументу функции соответствует не одно значение функции, а совокупность реализаций бесконечного множества случайных функций, которое по каждому срезу даст нам какое-то вероятностное распределение, и здесь включаются в работу обычные статистические инструменты – ковариация и корреляция, дисперсия и стандартное отклонение, математическое ожидание, коэффициенты вариации, осцилляции, проводится спектральный анализ, используются ряды Фурье и т.д., а нас в первую очередь интересует сжатие вероятностных распределений оценок по каждому значению аргумента оценочной функции, то есть стремление к истине и единственной верной оценке. То есть от функции вида $\{y\} = f(x)$ мы хотели бы в каждом случае перейти к обычной функции вида: $y = f(x)$ или функции вида: $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. В этом, собственно, и состоит великий смысл истинно научной деятельности.

Важно заметить, каким бы ни было распределение оценок по каждому значению оцениваемой независимой переменной, например, оно может быть нормальным с какими то параметрами математического ожидания и стандартного отклонения, нормальным с асимметрией или ненормальным, истинная оценка является единственной, и все истинные оценки лежат на линии: $y = x$, откуда все оценки, лежащие выше и ниже линии $y = x$ на плоскости xOy , будут более или менее ложными. То есть, если рассматривать вертикальные линии параллельные оси ординат, на которых расположены оценки данных событий, испытаний или деяний, то только оценка вида $y = x$ является истинной. Очевидно, что функция истинных оценок $y = x$ рассекает каждое распределение оценок в единственной координате $I(x_i, y_i)$ и именно к таким оценкам должны стремиться судьи при вынесении судебных приговоров.

Линии и поверхности уровня имеют важное аналитическое значение в теории инвэйдерной экономики, микроэкономике, макроэкономике и точной юриспруденции, поскольку с помощью них осуществляется принятие оптимальных управленческих решений вплоть до вынесения справедливых приговоров. Так, линии уровня – это изокванты в теории фирмы, кривые безразличия в теории потребительского поведения, кривые постоянных наказаний в теории юридической ответственности. Точка касания кривой постоянных наказаний с линией допустимых комбинаций уголовных наказаний определяет баллы общественной опасности преступного деяния и баллы общественной опасности личности, его совершившей, подставив которые в уравнение функции справедливости, судья получает максимально возможное справедливое уголовное наказания относительно данного подсудимого. В точке касания кривой безразличия и линии бюджетного ограничения потребителя достигается оптимум в выборе товаров из двух товарного набора, когда достигается максимально возможная полезность для данного потребителя товаров и услуг; в точке касания изокванты и изокосты достигается оптимальное соотношение ресурсов – труда и капитала, которое обеспечивает оптимальный

выпуск продукции при существующих бюджетных ограничениях. При этом надо различать поверхности и линии уровня. Выше мы пока говорили только о линиях уровня, которые являются частным случаем поверхностей уровня.

Рассмотрим это различие применительно к функциям справедливости. Если функция справедливости задана уравнением вида: $p = p(x, y, z)$, то мы будем иметь дело с поверхностями уровня, а если функция справедливости задана только от двух независимых переменных, как это обычно и происходит: $p = p(x, y)$, то имеем дело с линиями уровня на плоскости Oxy , а не с поверхностями уровня в трёхмерном пространстве.

Положим, что в пространстве $Oxyz$ расположена область D , в которой задана функция $p = p(x, y, z)$, откуда в заданной области D задано *скалярное поле уголовных наказаний*. Глядя на дискретные точки области определения функции, в которых функция $p = p(x, y, z)$ принимает постоянные значения C , следует записать: $p(x, y, z) = C$, и эти точки образуют как раз поверхность уровня. Ясно, что таких поверхностей существует бесконечное множество, и с помощью этих поверхностей можно искать оптимальные решения. Положим, что функция $p = p(x, y, z)$ имеет вид: $p = xuz$, откуда конкретная поверхность уровня в трёхмерном пространстве примет вид $xuz = C$.

В том случае, когда функция справедливости задана уравнением вида $p = p(x, y)$, вместо множества поверхностей уровня в трёхмерном пространстве появляются простые линии уровня на плоскости Oxy вида: $p(x, y) = C$, где C – произвольная постоянная. Ясно, что значения величин наказания будут откладываться по аппликате – оси Op , а линии уровня будут ложиться на плоскость Oxy , то есть будут проекциями, снятыми с поверхности наказаний (поверхности справедливости), на конкретной их высоте: $p = C$, откуда одно и то же уголовное наказание может быть получено при разных сочетаниях общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, подобно тому, как в экономике фирмы один и тот же уровень выпуска продукции может обеспечиваться разными сочетаниями затрат труда и капитала, что определяется предельной нормой замещения ресурсов (MRS).

При изучении поверхности уголовных наказаний вида $p = p(x, y)$ или $p = p(x, y, z)$ важными аналитическими характеристиками выступают производная по направлению и градиент. Здесь важно отметить свойства градиента: 1) производная в данной точке по направлению вектора S имеет наибольшее значение, если направление вектора S совпадает с направлением градиента, это наибольшее значение равно $|\text{grad } p|$, что следует из равенства: $|\text{grad } p| \cos \varphi = \frac{\partial p}{\partial s}$. Очевидно, что максимальное значение $\frac{\partial p}{\partial s}$ возникнет при значении угла φ равного нулю, и именно здесь $\frac{\partial p}{\partial s} = |\text{grad } p|$. 2) Производная по направлению вектора перпендикулярного к вектору $\text{grad } p$ равна нулю, что следует из выражения: $|\text{grad } p| \cos \varphi = \frac{\partial p}{\partial s}$. Ясно, что при $\varphi = \frac{\pi}{2}$, $\cos \varphi = 0$. Стоит напомнить и определение градиента. В каждой точке области D , где задана функция $p = p(x, y, z)$ легко определить вектор, проекциями которого на

координатные оси являются значения частных производных: $\frac{\partial p}{\partial x}$, $\frac{\partial p}{\partial y}$, $\frac{\partial p}{\partial z}$ этой функции, откуда $\text{grad } p = \frac{\partial p}{\partial x} \mathbf{i} + \frac{\partial p}{\partial y} \mathbf{j} + \frac{\partial p}{\partial z} \mathbf{k}$. Этот вектор в базисе и называется градиентом функции $p = p(x, y, z)$, и утверждают, что в области D определено **векторное поле градиентов**. В отличие от градиента функции производная по направлению функции $p = p(x, y, z)$ есть предел отношения $\frac{\Delta p}{\Delta S}$ при $\Delta S \rightarrow 0$ в точке (x, y, z) и обозначается: $\frac{\partial p}{\partial S} = \frac{\partial p}{\partial x} \cos \alpha + \frac{\partial p}{\partial y} \cos \beta + \frac{\partial p}{\partial z} \cos \gamma$. Следовательно, когда мы знаем частные производные, тогда нетрудно найти производную по любому направлению S в исследуемом пространстве переменных, а сами частные производные – частный случай производной по направлению.

Применение методов линейной и нелинейной оптимизации при вынесении судебных приговоров.

Открытие мной **линии допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН)** дает широкие возможности для оптимизации приговоров в уголовном судопроизводстве различных государств, поскольку для каждого состава преступления из любого уголовного кодекса любого государства Планеты Земля мы можем получить бесконечное множество линий допустимых комбинаций уголовных наказаний, и использовать их в анализе судебных решений. **Во-первых**, мы можем применить для оптимизации обвинительных приговоров такой классический метод **нелинейного программирования**, как метод **множителей Лагранжа**. Здесь мы максимизируем нелинейную функцию: $P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, где $p = f(x, y)$ – функция справедливости, p – величина уголовного наказания избранного вида в его единицах измерения, x – величина общественной опасности деяния в баллах, y – величина общественной опасности личности в баллах, λ – лагранжиан (множитель Лагранжа)², $m = p_x x + p_y y$ – **ЛДКУН**. **Во-вторых**, можем применить классический метод линейного программирования (метод Канторовича)³ для оптимизации обвинительных приговоров, где в анализе будут использоваться только линейные уравнения, а на выходе будет получено нужное **уголовное решение**, которое может быть полезным для выполнения такого требования к приговору, как обоснованность (ст. 297 УПК РФ).

Что такое ЛДКУН? – **Линия допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН)** – это геометрическое место всех координат $(x; y)$, где x – общественная опасность преступного деяния (величина физического, имущественного и морального ущерба), y – общественная опасность личности, его совершившей (наличие рецидива, а также соответствующих характеристик подсудимого, его целей, мотивов, особенностей поведения во время совершения

² Назван в честь французского ученого Жозефа Луи Лагранжа.

³ Назван в честь его первооткрывателя – советского ученого Леонида Витальевича Канторовича, лауреата нобелевской премии по экономике 1975 года.

преступления и т.д.), на плоскости Oxy в виде линейного уравнения: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y}x$, где p_y – цена одного балла общественной опасности личности, p_x – цена одного балла общественной опасности преступного деяния; m – величина максимального уголовного наказания, применяемого вида, каковое может назначить суд (судья) при квалификации преступного деяния по принятой части статьи Особенной части Уголовного кодекса в отношении конкретного подсудимого с учетом ограничений, установленных максимальной величиной наказания для данной части статьи Особенной части Уголовного кодекса для заданного вида уголовного наказания, определенного в Общей части Уголовного кодекса.

Множество **ЛДКУН** является бесконечным, поскольку в уравнении ограничения – уравнении ЛДКУН: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y}x$ заданной является только величина m , а все остальные величины могут меняться, откуда мы получаем бесконечное множество линейных функций, имеющих отрицательный наклон. Пусть, например, деяние подсудимого квалифицировано по ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия), и ему может быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы от семи до двенадцати лет или, что то же самое в месяцах – от 84 месяцев до 144 месяцев лишения свободы. Размах наказаний, которые может назначить суд: $R = 144 - 84 = 60$ месяцев лишения свободы, откуда **ЛДКУН** примет вид: $y = \frac{60}{p_y} - \frac{p_x}{p_y}x$. То есть, в конце концов, суд, назначающий наказание, может добавить к минимальной границе, которая составляет 84 месяца еще какую-то величину от нуля до 60 месяцев включительно, но положение **ЛДКУН** на плоскости xOy может быть любым в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации **за исключением возможности изменения тангенса угла наклона линии с отрицательного на положительный**, поскольку знак перед коэффициентом пропорциональности здесь всегда отрицательный, но свободный член уравнения может сдвигаться, как вверх, так и вниз по ординате, а тангенс угла наклона также может быть больше или меньше единицы по модулю и не равен нулю. Положим для примера $p_y = 3$ месяца лишения свободы (то есть цена одного балла общественной опасности личности стоит 3 месяца лишения свободы), а цена одного балла общественной опасности деяния равняется двум месяцам лишения свободы: $p_x = 2$, откуда ЛДКУН примет вид: $y = \frac{60}{3} - \frac{2}{3}x$. Теперь поменяем цены, записав $p_y = \frac{1}{2}$ месяца лишения свободы, а $p_x = \frac{2}{3}$ месяца лишения свободы, и ЛДКУН примет вид: $y = \frac{60}{0,5} - \frac{0,66}{0,5}x$. То есть изменение цены одного балла ООД и одного балла ООЛ меняет положение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний на плоскости.

Естественно, если цену одного балла ООД и одного балла ООЛ будет задавать, например, Пленум Верховного Суда России или законодатель, то положение *ЛДКУН* будет стабильным для каждого конкретного вида преступлений, но это *не исключит анализ ЛДКУН при вынесении приговора*. Есть и еще один путь – установление цены одного балла ООД и ООЛ равными единице вида наказания, но это крайне неудобно при наличии разветвленных систем уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ). Например, в России имеются такие наказания, как лишение свободы на определенный срок, исправительные работы, принудительные работы, штраф, обязательные работы, арест и т.д.

При вынесении обвинительных судебных приговоров **главным методом их оптимизации по справедливости является метод условной оптимизации с применением лагранжиана**, то есть метод нелинейной оптимизации или нелинейного программирования, а использование метода линейного программирования, хотя и возможно, но вряд ли полезно. Используя различные ЛДКУН можно находить подходящие угловые решения, и находить координаты баллов ООД и ООЛ, которые затем подставлять в функцию справедливости, но сама функция справедливости не работает в алгоритме получения баллов ООД и ООЛ, а это недопустимо. Пусть, например, нужно отыскать величину оптимального наказания подсудимому, совершившему умышленное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ). Можно подобрать различные ЛДКУН, комбинации которых дадут угловые решения в первом квадранте ДСК правой ориентации, и мы получим количество баллов ООЛ и ООД, которое затем подставим в принятую на вооружение функцию справедливости, но такой подход мало чем отличается от подхода связанного с вынесением равновозможного приговора.

Поиск цены одного балла ООД и ООЛ с помощью метода линейного программирования также мало полезен, поскольку в этом случае нам придется брать в качестве переменных цены баллов ООД и ООЛ, а не сами баллы ООД и ООЛ, и выставлять целевую функцию на максимум, поскольку выставление её на минимум будет давать всегда нуль.

Таким образом, мы рассмотрели специфические математические функций многомерных оценочных пространств, возможности применения методов линейной и нелинейной оптимизации при вынесении судебных приговоров и продемонстрировали применение метода условной оптимизации (нелинейного программирования) в формировании внутреннего убеждения судей для вынесения максимально справедливых приговоров.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» // Российская газета, № 277, 2016.
2. Ольков, С.Г. Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств / С.Г. Ольков // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – №2 (4). – С. 136-146.

3. Ольков, С.Г. Теория моральных и правовых многомерных оценочных пространств / С.Г. Ольков // Право и политика, №2, 2006. – С.18-28.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное. – М., «Юрид. лит.», 1973. – 736 с.

УДК 340.113; 81'373.611:81'42:34

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Усова О.О., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: ksenia_filol@mail.ru)

Губская В.С., ассистент кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: victoria.gubskaya@mail.ru)

В статье анализируются экспрессивно-оценочные неологизмы в юридическом медиадискурсе английского и русского языков. Рассматриваются основные механизмы их образования и прагматические функции в медийной интерпретации правовых событий. Сопоставительный анализ выявляет универсальные и национально-специфические особенности юридической коммуникации. Показано, что такие неологизмы формируют общественное мнение, влияют на восприятие правовых институтов и усиливают эмоциональное воздействие медиатекстов.

Ключевые слова: юридический медиадискурс, неологизмы, оценка, экспрессивность, словообразование.

EXPRESSIVE-EVALUATIVE NEOLOGISMS IN LEGAL MEDIA DISCOURSE OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Usova, O.O., Gubskaya, V.S.

The article analyzes expressive-evaluative neologisms in the legal media discourse of English and Russian languages. The main mechanisms of their formation and pragmatic functions in the media interpretation of legal events are considered. The comparative analysis reveals universal and national-specific features of legal communication. It is shown that such neologisms form public opinion, influence the perception of legal institutions and increase the emotional impact of media texts.

Keywords: legal media discourse, neologisms, evaluation, expressiveness, word formation.

Актуальность темы исследования. Современный юридический медиадискурс отличается высокой динамичностью и тесной связью с общественно-политической сферой, при этом средства массовой информации,

освещая правовые вопросы, не ограничиваются официальной терминологией, стремясь придать событиям экспрессивно-оценочную окраску и сделать их более понятными и эмоционально значимыми для широкой аудитории. В этом контексте особое место занимают неологизмы, которые выполняют не только номинативную, но и воздействующую функцию, формируя общественное мнение и интерпретацию правовых реалий.

Актуальность их изучения определяется ускоренным появлением и распространением новых единиц в условиях цифровизации и глобализации, междисциплинарным интересом на стыке юридического, медийного и лингвистического дискурсов, а также социокультурной значимостью, связанной с оценкой правовых реформ, судебных процессов и деятельности государственных институтов. Сравнительный анализ английского и русского медиадискурса позволяет выявить как универсальные механизмы экспрессивной номинации, так и национально-культурные особенности юридической коммуникации, что способствует более глубокому пониманию формирования общественного мнения и динамики современного медиаязыка.

Анализ научных исследований. Проведённое исследование в своей теоретической основе опирается на труды отечественных и зарубежных учёных, занимающихся проблемами неологии, медиалингвистики, юридической лингвистики и межкультурной коммуникации. Вопросы, связанные с природой неологизмов, их экспрессивно-оценочным потенциалом и функционированием в различных типах дискурса, рассматривались в работах Е.А. Земской, Н.З. Котеловой, Т.В. Поповой, М.А. Кормилицыной, а также в исследованиях зарубежных лингвистов Ж. Дюбуа, Л. Бауэра, Дж. А. Ричи.

Проблематика медиадискурса и его риторико-стилистических особенностей освещена в трудах В.И. Шейгал, М.Н. Володиной, Д. Маккуэйла и Т. ван Дейка, уделявших особое внимание роли языка СМИ в формировании общественного мнения. Вопросы юридического дискурса и его языковой специфики подробно исследовались в работах С.В. Бахваловой, Н.Д. Голева, М. Вулфа и П. Тирни.

Цель исследования. Цель заключается в выявлении особенностей формирования и функционирования экспрессивно-оценочных неологизмов в англоязычном и русскоязычном юридическом медиадискурсе, а также в сопоставлении их стратегий словообразования, семантических полей и прагматических эффектов.

При проведении исследования применяются методы и принципы лингвистического анализа: описательный метод, семантический анализ, дискурсивный анализ, количественный подсчет. Данное исследование неологизмов с экспрессивно-оценочным значением в сравнительном аспекте проведено на материале двух разноструктурных языков в синхронном плане.

Материал исследования составляют 1000 лексических единиц: 500 единиц из англоязычного медиадискурса и 500 единиц из русскоязычного. Для английского языка источниками послужили онлайн-версии ведущих периодических изданий и специализированных правовых площадок, активно

использующих экспрессивно-оценочные новообразования: The Guardian, The New York Times, Reuters, The Washington Post, а также аналитические и правовые ресурсы, такие как Lawfare Blog и Legal Information Institute при Cornell Law School. Для русского языка корпус был сформирован на основе онлайн-версий крупных изданий, систематически освещающих юридические процессы и дела с ярко выраженной оценочной окраской: Российская газета, Коммерсантъ, Новая газета, Известия, а также специализированных правовых порталов (Право.ru, РБК).

Изложение основного материала. Оценка является неотъемлемой частью семантики языка, отражая ценностные ориентации говорящего и его отношение к предмету высказывания [1, С. 102]. Вопрос о способах выражения оценки достаточно изучен в современной лингвистике. Однако исследователи отмечают её возросшую роль в медийном дискурсе, который трактуется как текст в событийном аспекте, погруженный в социокультурный контекст [1, С. 136–137]; как «поле коммуникативных практик, речевая деятельность в определенном социальном пространстве, а также тексты, возникающие вследствие такой речевой деятельности» [11, С. 123]. Медiateкст представляет собой особую форму текстового образования, интегрирующую элементы информационного, аналитического и художественного дискурса, что обусловлено его коммуникативной направленностью [5, С. 78].

Наряду с оценочностью важную роль в медиадискурсе играет экспрессивность, обеспечивающая эмоциональное воздействие на адресата. По мнению В.И. Шаховского, экспрессивность является «способом усиления воздействия, который актуализируется в языке благодаря совмещению рационального и эмоционального начал» [16, С. 54]. Экспрессивные средства языка в медиатексте выполняют функцию не только интенсификации оценки, но и манипуляции общественным сознанием, что подчёркивается в исследованиях В.И. Карасика, рассматривающего медиадискурс как особое пространство реализации экспрессивных стратегий [7, С. 89]. Лингвисты отмечают, что экспрессивность тесно переплетается с оценочностью, образуя сложный механизм смыслового и эмоционального воздействия на реципиента [8, С. 76].

Особенно ярко это проявляется в юридическом медиадискурсе, где экспрессивно-оценочные неологизмы служат инструментом интерпретации правовых реалий.

Англоязычный юридический медиадискурс демонстрирует широкий спектр способов образования экспрессивно-оценочных неологизмов, которые становятся важным инструментом фрейминга и интерпретации социально значимых событий. Проведённое исследование английских экспрессивно-оценочных неологизмов и их классификация по словообразовательным и семантическим принципам позволили выделить основные механизмы их формирования – блендинг, использование либфиксов, эпонию, композиты, акронимы, а также семантическое переосмысление.

Блендинг (150 ЛЕ, 30%) – это слияние двух основ с утратой части фонемного материала и созданием компактного слова, которое совмещает в себе

семантику обеих исходных компонентов [15, С. 442]. Подобные образования особенно востребованы в медиадискурсе благодаря их лаконичности, экспрессивности и способности быстро закрепляться в массовом сознании. Характерным примером является *lawfare* (*law* + *warfare*) – обозначение использования права как оружия в политической борьбе [27]. В англоязычных СМИ этот термин используется для описания судебных процессов, инициированных не ради правосудия, а в качестве стратегии давления на оппонентов.

Аналогично функционирует *legitocracy* (*legitimacy* + *bureaucracy*) – ироничная характеристика бюрократической системы, прикрывающейся законностью. Ещё один пример – *infotainment* (*information* + *entertainment*), где подчёркивается слияние информационного и развлекательного начала; в юридическом контексте этот термин может использоваться для критики медийных репортажей о судебных процессах, превращающих их в шоу.

В политико-правовом дискурсе часто встречается и *Brexit* (*Brexit* + *musket*), экспрессивно обозначающий активных сторонников выхода Великобритании из ЕС; подобные образования обладают оттенком иронии и эмоциональной окрашенностью. Схожим образом *mediatocracy* (*media* + *bureaucracy/democracy*) служит критикой «власти СМИ», которые оказывают давление на судебные и правовые процессы.

Блендинги в юридическом медиадискурсе позволяют создавать компактные ярлыки, совмещающие сразу несколько смыслов и обладающие высокой экспрессивной нагрузкой: они одновременно информируют, маркируют и оценивают явление, облегчая его интерпретацию для широкой аудитории.

Либфиксы (90 ЛЕ, 18%) – это производные форманты, возникшие из известных прецедентных слов или имен собственных, утратившие связь с исходным контекстом, но ставшие продуктивными для словообразования в новых условиях [18, С. 125]. Такие форманты часто несут ярко выраженную оценочную или ироническую нагрузку и широко применяются в медиадискурсе для маркировки событий, политических фигур и общественных явлений.

Наиболее известен либфикс *-gate*, восходящий к *Watergate*, который закрепился как универсальный маркер скандала. Он используется для обозначения коррупционных, политических или медийных конфликтов и активно применяется в заголовках и аналитических материалах: *Emailgate* – скандал с утечкой электронных писем; *Bridgegate* – коррупционный скандал с закрытием мостов; *Russiagate* – расследование вмешательства России в выборы США [23]. Благодаря своей узнаваемости и лаконичности, *-gate* быстро фиксирует негативную коннотацию события и позволяет читателю мгновенно интерпретировать его как скандал.

Аналогичный механизм наблюдается с либфиксом *-nomics*, произошедшим от слова *economics* и популяризированным через *Reaganomics*, обозначавшим экономическую политику президента Рейгана. В современном дискурсе данный формант используется для критической или иронической характеристики экономических стратегий и политических решений: *Trumpnomics* –

экономическая политика Дональда Трампа, *Obamanomics* – экономическая политика Б. Обамы.

Среди других продуктивных либфиксов можно отметить:

- zilla (от *Godzilla*) – усиление или преувеличение отрицательных характеристик: *Politizilla* – гиперболизация политического давления или контроля.

- scape (от *landscape*) – создание оценочной картины событий: *Cablescape* – образ утечек дипломатических документов.

- pocalypse (от *apocalypse*) – драматизация событий: *Brexapocalypse* – ироничная характеристика предполагаемого экономического хаоса после *Brexit*.

Либфиксы выполняют функцию быстрого семантического маркирования, конденсируя оценку и эмоциональную окраску в краткой формуле, которая мгновенно воспринимается аудиторией. В юридическом медиадискурсе они позволяют заголовкам и комментариям сочетать информативность, экспрессию и иронию, облегчая интерпретацию сложных событий и усиливая их эмоциональное воздействие.

Эпонимия и деривация (конверсия от личных имён) (70 ЛЕ, 14%) – это процесс словообразования, при котором собственное имя (фамилия или полное имя) превращается в нарицательное существительное, глагол, прилагательное или даже абстрактное понятие [14, С. 200]. В юридическом и политическом медиадискурсе этот механизм активно используется для обозначения политических стратегий, судебных практик или персонализированной критики, придавая словам экспрессивно-оценочную окраску и облегчая их восприятие.

Классическим примером является *to bork* – глагол, обозначающий ‘политически дискредитировать кандидата’, в частности через организованную кампанию против его номинации на высокую должность (происходит от фамилии судьи Роберта Борка, подвергшегося публичной атаке в процессе назначения) [23]. Этот глагол не только фиксирует конкретное историческое событие, но и стал универсальным обозначением стратегии дискредитации.

Аналогично функционируют *Clintonize* – глагол или прилагательное, обозначающее вовлечение в политический скандал или манипуляцию общественным мнением по аналогии с политическими событиями, связанными с Б. Клинтоном, и *McCarthyism* – нарицательное существительное, обозначающее обвинения без доказательств, кампанию травли или ‘охоту на ведьм’, связанное с практикой сенатора Дж. Маккарти.

В современном медиадискурсе наблюдаются и другие примеры:

Bushified – ироническое обозначение действий или политики, характеризующихся излишней бюрократизацией или стратегической непрозрачностью, в духе администрации Дж. Буша.

Reaganomics – экономическая политика Рейгана, термин закреплён как нарицательное для описания либеральных экономических реформ, часто с оценочной или критической коннотацией.

Obamafy – иронический глагол для обозначения адаптации или модификации процессов в стиле Б. Обамы, обычно в политическом или бюрократическом контексте.

Trumped – глагольная форма, означающая «поведение или решение в стиле Трампа», часто с отрицательной или иронической окраской, включая контекст судебных и политических процессов.

Эпонимические дериваты выполняют несколько функций: они персонализируют и конкретизируют события, создают эмоционально окрашенные оценки, часто стилизованные под критику или иронию, а также облегчают интерпретацию сложных политико-правовых процессов для широкой аудитории. Благодаря лаконичности и образности такие формы легко закрепляются в медиа и социальных сетях, становясь частью активной дискурсивной практики.

Композиты и окказионализмы (110 ЛЕ, 22%) – это сложные слова или фразеологические единицы, образованные путём соединения двух или более основ, часто с включением оценочных или иронических компонентов [18, С.150]. Они позволяют передавать сложное значение компактно, создают образность и часто несут экспрессивно-оценочную нагрузку. В юридическом медиадискурсе такие формы активно используются для маркировки судебных процедур, правовых институтов и поведения участников процесса. Например, *kangaroo court* – букв. ‘кенгуровый суд’, устойчивый пейоратив, обозначающий несправедливый или формальный суд с заранее предreshённым исходом [26]. Термин используется как ярлык для дискредитации судов или процессов, которые воспринимаются как некомпетентные или предвзятые. *Trial by media* ‘суд через СМИ’, описывает ситуацию, когда общественное мнение формируется до или вместо официального судебного разбирательства, оказывая давление на участников процесса. Этот окказионализм фиксирует феномен медиатизации правосудия [30]. *Court of public opinion* ‘суд общественного мнения’, термин, близкий по смыслу к *trial by media*, подчеркивает роль массового мнения в оценке правовых и политических действий [26].

В современной публицистике появляются более новые и специфические композиции: *keyboard lawyer* – ироничное сочетание, буквально ‘клавиатурный юрист’, обозначает человека, активно критикующего или дающего юридические советы через интернет, без фактического участия в судебных процессах. *Twitter tribunal* ‘суд Твиттера’, используется для описания быстрого и зачастую предвзятого вынесения суждений пользователями социальных сетей, влияющих на репутацию обвиняемых или общественное восприятие дела. *Media circus* ‘медийный цирк’, передаёт образ преувеличенной, театрализованной огласки судебного или политического события. *Press trial* – букв. ‘суд прессы’, используется в журналистских текстах для обозначения процесса, когда СМИ фактически берут на себя роль суда.

Экспрессивно-оценочные неологизмы в юридическом медиадискурсе выполняют несколько ключевых функций. Метафорические выражения типа *kangaroo court* или *Twitter tribunal* служат инструментом стигматизации и

делеги́тимации, подрывая доверие к правовым институтам и участникам процесса. Такие единицы обеспечивают конденсацию значения, позволяя в компактной форме передать сложные оценки судебных или политико-правовых явлений. Их экспрессивность и образность создают яркие когнитивные и эмоциональные образы, облегчая восприятие и запоминание информации массовым адресатом. Кроме того, они обладают высоким медиаэффектом: благодаря краткости и выразительности легко интегрируются в заголовки и социальные сети, способствуя быстрой циркуляции и «вирусности» текста.

Таким образом, композиты и окказионализмы в юридическом медиадискурсе позволяют эффективно соединять информативность и оценку, делая сложные юридические и политические процессы доступными и эмоционально насыщенными для широкой аудитории.

Акронимы и инициализмы (50 ЛЕ, 10%) – это сокращения, образованные из начальных букв слов или сочетаний слов, которые в юридическом и медиадискурсе приобретают самостоятельное лексическое и оценочное значение [18, С. 258]. В отличие от обычных сокращений, такие формы выполняют не только номинативную функцию, но и экспрессивно-оценочную, позволяя быстро обозначить сложное явление или стратегию с явной критической или иронической окраской.

Наиболее известным примером является *SLAPP (Strategic Lawsuit Against Public Participation)* – термин, обозначающий судебные иски, направленные на подавление общественной критики или давления на активистов и журналистов через судебные процедуры [29]. В англоязычных СМИ и правовой публицистике этот акроним часто используется как нарицательное, фиксирующее стратегию давления и делегитимацию критиков.

FOIA (Freedom of Information Act) – закон о свободе информации. В медиадискурсе иронично используется как «юридическое оружие» журналистов для получения информации и давления на власти, особенно когда активисты или СМИ подают запросы массово и стратегически.

RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) – первоначально направлен для борьбы с организованной преступностью, но в политической публицистике часто применяется метафорически для обозначения обвинений в «корруптированных схемах» среди политиков или чиновников.

DACA (Deferred Action for Childhood Arrivals) – в медиа и аналитике встречается в контексте юридических и политических дебатов, где аббревиатура выступает как метка определённой политики, несущей социально-политическую оценку.

PATRIOT Act – часто используется как символ расширения полномочий государства и ограничений гражданских свобод, выступая одновременно как правовой термин и риторический маркер.

NSA (National Security Agency) – сокращение не только для обозначения учреждения, но и для оценки и критики методов слежки и вторжения в частную жизнь граждан.

Акронимы и инициализмы в юридическом медиадискурсе выполняют несколько функций. Они обеспечивают конденсацию информации, позволяя короткой формой передать сложное явление или закон с оценочной и критической нагрузкой. Одновременно акронимы служат средствами оценочной маркировки, обозначая негативные, иронические или критические аспекты и облегчая интерпретацию событий аудиторией. Их краткость и узнаваемость способствуют мобилизации внимания, эффективному использованию в заголовках, твитах и комментариях, что усиливает «вирусность» текста. Кроме того, акронимы выступают инструментом риторической стратегии, позволяя политикам, журналистам и правозащитникам подчёркивать значимость или критику действий и институтов.

Таким образом, акронимы и инициализмы становятся самостоятельными лексическими единицами в юридическом медиадискурсе, обеспечивая одновременно номинацию, оценку и экспрессию, а также позволяя создавать лаконичные, яркие и эмоционально окрашенные тексты.

Семантическое переосмысление (30 ЛЕ, 6%) – это процесс вторичного использования уже существующих слов или устойчивых выражений в новом, часто оценочном или метафорическом значении [12, С. 58]. В юридическом медиадискурсе данный механизм активно используется для переноса смыслов с исторических, культурных или бытовых контекстов на современные судебные, политические и правовые события, создавая эмоционально и оценочно насыщенные термины.

Классическим примером является *kangaroo court*. Первоначально этот термин обозначал ‘нерегулярный суд на фронтире’ в США XIX века, где процессы проходили с нарушением процедур и предвзято. В современном англоязычном медиадискурсе он закрепился как пейоративный ярлык несправедливого или формального суда, подчеркивая легитимность, или, точнее, её отсутствие, судебного процесса [26].

Другой яркий пример – *witch-hunt*. Изначально это выражение использовалось для описания исторических процессов преследования людей, обвиняемых в колдовстве. В юридическом и политическом медиадискурсе термин трансформировался в метафору кампаний с политически мотивированными обвинениями, организованной травли или давления на оппонентов, без объективных доказательств. Применение термина в заголовках и аналитических статьях позволяет медиапроизводителям мгновенно задавать оценку действиям власти или правовых институтов.

Семантическое переосмысление наблюдается и у других выражений:

show trial – изначально обозначало публичные судебные процессы в тоталитарных государствах; в современном медиадискурсе используется для критики «постановочных» или предвзятых судебных разбирательств.

kangaroo politics – метафорическое расширение *kangaroo court*, применяемое для характеристики политических процессов или законодательных инициатив, воспринимаемых как несправедливые или формальные.

lynch mob – исторически обозначало самосуд толпы; в современных медиа может использоваться для обозначения ‘суда общественного мнения’ или агрессивной кампании в соцсетях.

В юридическом медиадискурсе семантическое переосмысление выполняет ряд функций. Оно обеспечивает оценочную маркировку, позволяя одной лексической единицей передать критическую или ироническую оценку события или института. Перенос исторического или культурного значения делает оценку наглядной и легко воспринимаемой аудиторией. Такие термины усиливают эмоциональное воздействие, подчёркивая несправедливость или абсурдность процесса, и одновременно обеспечивают конденсацию и экономию текста, передавая информацию о сути события, его моральную оценку и эмоциональный оттенок.

Семантическое переосмысление является важным инструментом юридического медиадискурса, позволяя создавать лаконичные, экспрессивные и эмоционально насыщенные термины, которые эффективно передают сложные правовые и политические ситуации широкой аудитории.

Наиболее продуктивные зоны формирования экспрессивно-оценочных неологизмов связаны с коррупцией и политическими скандалами, судебными процессами и медийным давлением, а также с юридической инструментализацией. Значительное место занимают лексемы, дискредитирующие институты, и выражения, маркирующие профессиональные нарушения или неэтичные практики юристов.

Таким образом, самыми продуктивными способами словообразования в юридическом медиадискурсе являются блендинг (130 ЛЕ, 30%), либфиксы (90 ЛЕ, 18%) и композиты (110 ЛЕ, 22%), которые вместе составляют 330 ЛЕ или 70% всех выявленных экспрессивно-оценочных неологизмов в английском языке. Эти механизмы обеспечивают быструю номинацию, эмоциональную окраску и оценку сложных правовых и политических явлений, что особенно важно для медиа-заголовков и социальных сетей, где ограничен объём текста и необходимо мгновенное привлечение внимания аудитории.

Использование этих форм также демонстрирует фрейминговую и делегитимирующую функцию: через лаконичные и яркие неологизмы медиатексты формируют готовую интерпретацию событий, маркируют скандалы, подчёркивают несправедливость процессов и персонализируют критику участников. Менее продуктивные, но функционально важные механизмы – акронимы (50 ЛЕ, 10%) и семантическое переосмысление (30 ЛЕ, 6%) – чаще используются для сатирической оценки и эмоционального усиления текста.

Количественный анализ подтверждает, что лексико-семантическая продуктивность блендинга, либфиксов и композитов делает их основными инструментами создания экспрессивно-оценочных неологизмов в англоязычном юридическом медиадискурсе, обеспечивая сочетание информативности, экспрессии и эмоционального воздействия.

Экспрессивно-оценочные неологизмы выполняют в медиадискурсе ряд прагматических функций. Они задают рамку интерпретации (фрейминг), маркируя событие как «скандал» или «юридическую атаку», обеспечивают когнитивную экономию за счёт конденсации сложной оценки в одном слове, делегитимируют институты и акторов через ярлыки типа *kangaroo court*, мобилизуют эмоции и усиливают эффект «суда общественного мнения» благодаря быстрому распространению в социальных сетях, а также выступают инструментом политической инструментализации, закрепляя выгодные интерпретации событий.

Экспрессивно-оценочные неологизмы в английском юридическом медиадискурсе образуются с помощью разнообразных и продуктивных словообразовательных стратегий и выполняют ключевые дискурсивные функции: они упрощают интерпретацию, задают рамки восприятия, делегитимируют акторов и институты, усиливают эмоциональное воздействие и политическую инструментализацию правовых процессов.

Русский юридический медиадискурс активно продуцирует экспрессивно-оценочные неологизмы, которые позволяют одновременно номинировать юридические и политические явления и выражать критическую, ироническую или эмоционально окрашенную оценку действий участников судебных процессов, государственных органов и правоприменительной практики. Эти единицы широко используются в заголовках, аналитических материалах и социальных сетях, где ограниченность текста требует лаконичных и выразительных форм.

В русском медиадискурсе наиболее продуктивны несколько словообразовательных стратегий, каждая из которых выполняет свою роль в экспрессии и оценке явлений.

Префиксация (110 ЛЕ, 26%) – процесс образования новых слов путём добавления приставок к существительным, глаголам или прилагательным [12, С.120]. В юридическом медиадискурсе префиксы часто выполняют оценочную или эмоционально окрашенную функцию, позволяя маркировать статус субъекта, выражать сомнение в его легитимности или подчёркивать негативные свойства. Например: *подследственный* – префикс под- усиливает статус лица как объекта расследования, подчёркивая его зависимость и подозрительность, *внештатный эксперт* – вне- создаёт оттенок отстранённости, неформальности, влияя на восприятие компетентности, *псевдоправозащитник* – псевдо- вводит негативную коннотацию, ставя под сомнение легитимность субъекта, *антикоррупционер* – анти- формирует оценку действия или позиции, противопоставляя субъект норме или закону, *суперэксперт* – супер- усиливает характеристику, иногда в ироническом или гипертрофированном ключе, *переобвиняемый* – пере- подчёркивает повторный или сомнительный характер обвинений, *надзирающий судья* – над- указывает на контролирующую, иногда подавляющую роль субъекта, *предварительно обвиняемый* – предварительно- акцентирует статус лица на этапе следствия, что может усиливать эмоциональное восприятие ситуации аудиторией. Такие префиксальные

образования формируют оценочную рамку, позволяя медиатексту управлять интерпретацией действий и статуса участников юридических процессов, усиливают эмоциональную окраску сообщений и направляют внимание аудитории на критические или проблемные аспекты ситуации.

Суффиксация (130 ЛЕ, 32%) – процесс образования новых слов путём присоединения суффиксов к существительным, глаголам или прилагательным, который часто придаёт слову оценочную, стигматизирующую или эмоционально окрашенную коннотацию [12, С. 87]. В юридическом медиадискурсе суффиксы позволяют медиатекстам формировать отношение аудитории к субъектам и событиям, подчёркивать их социальный или моральный статус, усиливать иронию или критику, а также создавать эмоционально насыщенные и легко воспринимаемые образы. Например: *коррупционер* – суффикс -щик придаёт негативную характеристику участнику коррупционных схем; *адвокатор* – -атор создаёт ироничную или критическую оценку деятельности лица; *следователь-испытатель* – суффикс с композитом усиливает образ строгого и требовательного субъекта; *обвиняемый-потенциал* – суффикс -емый в комбинации с оценочным элементом подчёркивает подозрительность лица; *правозащитничать* – глагол с суффиксом -ничать передаёт иронично-негативную оценку действий субъекта.

Калькирование с английского (90 ЛЕ, 18%) процесс заимствования структуры, смысла или семантической модели иностранного слова или выражения с последующим переносом на русский язык, при котором сохраняется оценочная или экспрессивная коннотация исходного термина [6, С.100]. В юридическом медиадискурсе этот способ особенно продуктивен, так как позволяет создавать лаконичные и узнаваемые термины, отражающие сложные правовые явления, и одновременно усиливает эмоционально-оценочную нагрузку текста. Например: *троллинг адвокатов* (от англ. *lawyer trolling*) – подчёркивает насмешку или критику в адрес юридических специалистов; *суд общественного мнения* (от *court of public opinion*) – переносит концепцию англоязычного выражения, акцентируя влияние массового мнения на восприятие юридических процессов; *правовой прессинг* (от *legal pressure*) – обозначает использование юридических процедур как средства давления на участников процесса; *медиа-кампания против обвиняемого* (от *media campaign against the accused*) – калькирование фокусируется на общественном и информационном воздействии; *информационный натиск* (от *information onslaught*) – передаёт интенсивность воздействия медиа на участников судебного процесса.

Калькирование позволяет эффективно адаптировать зарубежные концепты, делая их доступными для русскоязычной аудитории, при этом сохраняется эмоционально-оценочная окраска, создаётся критическая или ироничная рамка восприятия события, усиливается когнитивная и эвальюативная эффективность медиатекста. Такие термины легко распространяются через заголовки, комментарии и социальные сети, формируя устойчивые оценки участников и процессов.

Композиция и фразеологизация (120, 24%) – один из продуктивных способов формирования экспрессивно-оценочных неологизмов в русском юридическом медиадискурсе [6, С. 87]. Сложные словосочетания с устойчивым значением, такие как *дело века*, *медийный суд*, *публичное разбирательство*, позволяют одновременно передавать суть события и оценку его значимости. Современные примеры, включая *суд-марафон*, *юридический цирк*, *медиаэкспресс*, подчёркивают драматичность процесса и активность СМИ. Анализ российских СМИ выявляет несколько семантических полей, порождающих такие неологизмы:

1) Коррупционные дела и расследования – термины с негативной оценкой участников схем и процедур: взяточник, откатчик, разводняк, корруптолог, взятокодатель.

2) Громкие судебные процессы – слова и фразы, подчёркивающие медийность и эмоциональность событий: дело века, медийный суд, публичное разбирательство, суд-марафон, юридический цирк.

3) Правовые реформы и инициативы – неологизмы, отражающие оценку законодательства или бюрократических процедур: законотворческий аврал, правозэкспресс, юридический фильтр, реформаторский прессинг.

4) Политизированные процессы – термины, фиксирующие политическую мотивированность судебных действий: политический заказ, правовая зачистка, каральное правосудие, административный сговор.

Русские экспрессивно-оценочные неологизмы характеризуются высокой ироничностью и сарказмом, когда заголовочные формы, например *дело века*, подчёркивают преувеличенный резонанс событий; пейоративной оценкой, выражаемой через префиксы и суффиксы; политической критикой, фиксирующей несправедливость, незаконность или политическую мотивированность процессов; а также эмоциональной насыщенностью, обеспечивающей быстрое привлечение внимания и усиление драматизации события.

Наиболее употребительные примеры: *взяточник* – негативная характеристика участников коррупционных схем; *корруптолог* – ироничное обозначение аналитиков, занимающихся коррупцией; *дело века* – заголовочный термин для резонансных процессов, часто с ироничной коннотацией; *медийный суд* – процессы, где СМИ формируют общественное мнение раньше или вместо формального суда; *адвокатор* – ироничная характеристика активного юриста в медиа; *политический заказ* – фиксация политической мотивированности уголовного дела; *рейдерство-экспресс*, *юридический цирк*, *правозэкспресс* – подчёркивают скорость, абсурдность или театральность юридических процедур.

Количественный анализ показывает, что префиксация (130 ЛЕ, 26%) / суффиксация (160 ЛЕ, 32%), и композиция (120 ЛЕ, 24%) являются наиболее продуктивными способами словообразования экспрессивно-оценочных неологизмов в русском юридическом медиадискурсе. Они обеспечивают краткость, эмоциональную насыщенность и возможность быстрой интерпретации событий. Остальные стратегии – калькирование, игровые формы

и семантическое переосмысление – выполняют вспомогательные функции, усиливая иронию, сатиру и политическую оценку.

Сравнительное исследование англоязычного и русскоязычного юридического медиадискурса позволяет выявить как общие тенденции формирования экспрессивно-оценочных неологизмов, так и национально-культурные особенности, определяющие выбор словообразовательных стратегий, стилистические приемы и эмоционально-оценочную направленность медиатекста.

В обоих языковых контекстах наблюдается высокая ироничность, критическая направленность и ориентация на массового адресата. Экспрессивно-оценочные неологизмы функционируют как средства быстрой интерпретации событий и эмоциональной маркировки участников юридических процессов.

В английском дискурсе примеры включают: *lawfare* (использование права как оружия в политической борьбе), *trial by media* (общественное осуждение через СМИ), *court of public opinion* (формирование судебного суждения публикой). В русском контексте аналогичные функции выполняют: *медийный суд*, *дело века*, *правовая зачистка*, *адвокатор*.

Общая черта – компактность и узнаваемость форм. Такие единицы легко помещаются в заголовки, комментарии и колонки, что обеспечивает их массовое потребление. Их экспрессивно-оценочная функция позволяет аудитории быстро интерпретировать события, формируя когнитивные рамки восприятия и эмоциональное отношение к участникам процесса.

Несмотря на функциональные сходства, существует ряд существенных различий, связанных с национально-культурным контекстом и традициями словообразования.

Английский медиадискурс активно использует эпонию, либфиксы, блендинги. Эти стратегии часто создают прямолинейную, порой агрессивную оценку событий, акцентируя конфликтность и скандальность. Англоязычные неологизмы нередко ориентированы на мгновенное эмоциональное воздействие и мемификацию в медиaprостранстве.

Русский медиадискурс использует преимущественно внутренние словообразовательные средства - префиксацию и суффиксацию, калькирование с английского, композицию и фразеологизацию. Здесь оценка чаще выражена иронией или сарказмом, а не прямой агрессией. Русские неологизмы склонны к комбинированию морфем и устойчивых фраз, создавая метафорические конструкции, которые легко воспринимаются широкой аудиторией.

Метафоричность также различается: английские единицы формируют яркие, часто броские портманто и либфиксы, а русские – используют композицию и фразеологические заимствования, создавая гибридные, многозначные формы.

В обоих языках медиакультура существенно стимулирует продуктивность экспрессивно-оценочных неологизмов. Основные механизмы воздействия экспрессивно-оценочных неологизмов в юридическом медиадискурсе включают краткость и экспрессивность, обеспечивающие быстрое и широкое

распространение через заголовки, колонки и социальные сети; фрейминг событий, когда термины вроде *lawfare*, *trial by media* или *медийный суд* задают готовую интерпретацию, акцентируя конфликтность, скандальность или несправедливость; роль масс-медиа как катализатора закрепления, превращающего такие единицы в устойчивые элементы языка и формирующего «суд общественного мнения»; а также оценочную функцию, усиливающую эмоциональное и когнитивное вовлечение аудитории и создающую условия для политической и правовой интерпретации событий. Таким образом, медиакультура выступает не только как источник новых слов, но и как механизм их распространения и закрепления в массовом сознании, усиливая их прагматическую и эвальнойную роль в дискурсе.

Выводы. Экспрессивно-оценочные неологизмы оказывают значительное лингвопрагматическое влияние, формируя общественное мнение, когнитивные рамки интерпретации событий и эмоциональные реакции аудитории, а также способствуя закреплению оценочных терминов в публицистической и профессиональной лексике. Их использование позволяет медиатекстам управлять образом участников процессов, легитимностью институтов и восприятием правовой культуры.

Для юридической лингвистики и медиалингвистики результаты исследования имеют практическое и теоретическое значение: они демонстрируют, как лексические инновации в медиадискурсе формируют когнитивно-оценочные модели, влияют на правовую коммуникацию и создают инструменты политической интерпретации.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение динамики экспрессивно-оценочных неологизмов, проведение корпусных исследований для количественного анализа продуктивности и частотности, а также кросс-культурных сопоставлений с другими языковыми сообществами. Дополнительно актуальны исследования влияния цифровых платформ и социальных сетей на скорость распространения и закрепления таких единиц, а также их переход в устойчивую общеупотребительную лексику.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1990. – 341 с.
2. Бахвалова, С.В. Юридический дискурс: лингвопрагматический аспект : монография / С.В. Бахвалова. – М.: Флинта, 2017. – 208 с.
3. Володина, М.Н. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / М.Н. Володина. – М.: МГУ, 2008. – 168 с.
4. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка и лингвистический аспект права / Н.Д. Голев. – Барнаул : АлтГУ, 2003. – 396 с.
5. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 264 с.
6. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Клушина, Н.И. Стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2010. – 244 с.
9. Кормилицына, М.А. Оценочность в языке и речи / М.А. Кормилицына. – Саратов : СГУ, 2006. – 180 с.
10. Котелова, Н.З. Первый опыт описания русских неологизмов / Н.З. Котелова. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.
11. Кремзикова, Е.А. Медиадискурс как объект лингвистического исследования / Е.А. Кремзикова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 122-130.
12. Кузнецова, Е.С. Семантические процессы в современном русском языке / Е.С. Кузнецова. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 198 с.
13. Попова, Т.В. Неология и неография: современное состояние и перспективы / Т.В. Попова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 216 с.
14. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Либроком, 2009. – 368 с.
15. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 1 – 854 с., Т. 2 – 886 с.
16. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
17. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
18. Bauer, L. English Word-Formation / L. Bauer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 328 p.
19. Dubois, J. Dictionnaire de Linguistique / J. Dubois et al. – Paris : Larousse, 2007. – 1142 p.
20. McQuail, D. McQuail's Mass Communication Theory / D. McQuail. – 6th ed. – L.: SAGE Publications, 2010. – 632 p.
21. Ritchi, G.A. The Oxford Handbook of the Word / G.A. Ritchi. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 864 p.
22. Van Dijk, T.A. News as Discourse / T.A. Van Dijk. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 216 p.
23. Bridggate // Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Bridggate> – (дата обращения: 01.09.2025).
24. Emailgate // Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/view/Entry/255315> – (дата обращения: 01.09.2025).
25. Freedom of Information Act (FOIA) // U.S. Department of Justice. – URL: <https://www.justice.gov/oip/foia-resources> – (дата обращения: 01.09.2025).
26. Kangaroo court // Legal Information Institute, Cornell Law School. – URL: https://www.law.cornell.edu/wex/kangaroo_court – (дата обращения: 01.09.2025).

27. Lawfare // Duke Law Scholarship Repository. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/3441/ – (дата обращения: 01.09.2025).
28. Russiagate // Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/view/Entry/51727858> – (дата обращения: 01.09.2025).
29. SLAPP Suits // Reporters Committee for Freedom of the Press (RCFP). – URL: <https://www.rcfp.org/slapp/> – (дата обращения: 01.09.2025).
30. Trial by media // TIME. – URL: <https://time.com/collection-post/3228996/trial-by-media/> – (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 342.95

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Швец А.В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: shvets.dmp@mail.ru)

Данная статья посвящена изучению форм и методов, используемых органами прокуратуры для административно-правовой защиты прав граждан. В рамках исследования рассматриваются конкретные формы и методы, посредством которых прокуратура гарантирует охрану свобод и законных интересов граждан. Следует подчеркнуть, что в настоящее время защита прав человека осуществляется через сложную систему государственных институтов, осуществляющих свои полномочия в различных областях общественной жизни. Среди этих органов особое место занимают органы прокуратуры. В связи с этим, в современных реалиях особую значимость приобретает вопрос об эффективности административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере обеспечения прав граждан. Актуальность статьи обусловлена возрастающей ролью прокуратуры в защите прав и свобод человека в условиях меняющегося законодательства и общественных отношений.

Ключевые слова: права граждан, защита прав, прокуратура, формы защиты, методы защиты.

FORMS AND METHODS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT OF CITIZENS' RIGHTS BY PROSECUTOR'S OFFICES

Shvets, A.V.

This article is devoted to the study of the forms and methods used by the prosecutor's office for administrative and legal protection of citizens' rights. The study examines specific forms and methods by which the prosecutor's office guarantees the protection of freedoms and legitimate interests of citizens. It should be emphasized that at present, human rights are protected through a complex system of state institutions exercising their powers in various areas of public life. Among these bodies, the prosecutor's office occupies a special place. In this regard, in modern realities, the issue of the effectiveness of the administrative and legal activities of the prosecutor's office in the field of ensuring citizens' rights is of particular importance. The relevance of the article is due to the growing role of the prosecutor's office in protecting human rights and freedoms in the context of changing legislation and social relations.

Keywords: *citizens' rights, protection of rights, prosecutor's office, forms of protection, methods of protection.*

Актуальность темы исследования. Российская Федерация представляет собой социально-правовое государство, где ключевым приоритетом в системе государственного управления является защита прав, свобод и законных интересов граждан.

Органы прокуратуры обеспечивают правовую защиту прав граждан, используя установленные законом формы и методы. Совокупность этих форм и методов формирует процедурно-функциональный компонент административного механизма защиты прав граждан, стимулируя работу других элементов данного механизма. Следовательно, изучение форм и методов административно-правовой защиты прав граждан, осуществляемой прокуратурой, позволит понять порядок реализации функции защиты прав граждан данными органами и выявить особенности процедурных элементов, лежащих в ее основе.

Анализ научных исследований. Проблемные вопросы определения административно-правовых основ деятельности органов государственной власти и органов прокуратуры за соблюдением прав, свобод и законных интересов граждан были предметом работ таких ученых С.С. Алексеева, Г.В. Атаманчука, Д.Н. Бахраха, А.Ю. Винокурова, А.А. Власова, Ю.М. Козлова, Б.И. Шалыгина, В.Б. Ястребова и др.

Цель статьи состоит в анализе форм и методов административно-правового обеспечения прав граждан органами прокуратуры для установления порядка реализации данными органами функции по обеспечению прав граждан.

Изложение основного материала. Прежде чем приступить к исследованию конкретных форм и методов административно-правового обеспечения прав граждан органами прокуратуры, целесообразно определить понятие этих категорий.

Так, термин «метод» (от греческого *methodes*) в Словаре русского языка определяется в таких основных значениях как:

1) способ теоретического исследования или практического осуществления чего-либо;

2) способ действовать, совершать определенным образом, прием [1, С. 238],

а согласно словарю под редакцией А.М. Прохорова:

1) путь следования;

2) теория, учение;

3) способ достижения какой-либо цели, решение конкретной задачи [2, С. 724].

Следовательно, в практически действенном смысле понятие «метод» может использоваться как способ действовать определенным образом, способ достижения цели или решения конкретной задачи.

В научных источниках административный метод определяется как способ осуществления управленческих действий. Особенностью административных методов являются:

- 1) прямой характер воздействия – любой регламент или юридический правовой акт, подлежащий обязательному исполнению;
- 2) соответствие административных методов установленным нормам [3, С. 78].

Характерной особенностью административных методов является то, что способы, положенные в их основу, определяются административными законодательными актами и относят к сфере прямого действия.

Если говорить о государственном управлении, то административно-правовые методы в нем используются в качестве средств реализации задач и функций исполнительной власти, а также как средства непосредственного воздействия органов власти на управляемые объекты [4, С. 233]. Следует отметить, что в роли управляемого объекта могут выступать и другие органы государственной власти, а также их должностные лица. Таким образом, методы государственного управления, определяют и механизм прямого влияния органов исполнительной власти друг на друга.

Объединяясь в однородную группу, методы образуют соответствующую форму управления. Понятие «форма» (лат. forma) также имеет несколько значений, в частности:

- 1) способ существования содержания, неотделимый от него, служащий его выражением;
- 2) установленный образец чего-либо [1, С. 721].

В словаре А.М. Прохорова под формой понимается «внутренняя упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленных его строением или совокупность процессов, или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого» [2, С. 951]. Для определения явлений правового характера термин «форма» используется во всех четырех значениях. В правовой литературе форма определяется как более или менее однородная группа внешнего выражения деятельности уполномоченных субъектов государственной власти по выполнению функций обеспечения реализации государственной правовой политики [5, С. 70]. Отметим только, что однородная группа действий (способов действий), о которой идет речь в определении, образуется по таким признакам как характер влияния субъекта управления на объект, последствия воздействия, цель воздействия и т.д.

Таким образом, можем заключить, что метод административно-правового обеспечения – это система способов достижения соответствующего результата; форма – это внешнее выражение системы действий (в том числе методов).

В научной и учебной литературе можно встретить разные точки зрения относительно административно-правовых форм и методов деятельности прокуратуры, в том числе в рассматриваемой нами сфере. Однако исходя из того, что основной функцией прокуратуры является осуществление надзора,

предметом исследования большинства авторов являются формы и методы прокурорского надзора.

Г.В. Атаманчук под формами управленческой деятельности рассматривает внешние, устойчивые и общепринятые способы практической реализации функций государственных органов, направленные на достижение управленческих целей, выполнение возложенных на органы задач и функций [6, С. 378]. При этом автор, рассматривая прокурорскую деятельность, выделяет внутренние и внешние формы, с чем нельзя не согласиться, ведь любая управленческая деятельность направлена как на упорядочение и организацию управленческого аппарата, так и на непосредственную реализацию возложенных на систему органов управления функций.

О.В. Воронин, изучая мнения относительно «форм прокурорского надзора» говорит о том, что некоторые авторы под формами понимают правовые средства реализации полномочий прокурора. Эти формы устанавливаются законом, а также приказами и распоряжениями Генерального прокурора, на которых строится вся организация и деятельность органов прокуратуры. По мнению других, формы прокурорского надзора – это то, что должен делать прокурор, то есть направленность его деятельности [7, С. 8]. Однако такое понимание формы прокурорской деятельности несколько ограничено. Оно не отражает содержания понятия «форма», сводя его к целям и задачам, что принципиально неправильно. Форма, в том числе прокурорской деятельности, – это не направленность такой деятельности, а внешнее выражение однородной группы способов ее реализации, а цель и задачи могут лежать в основе критерия однородности данной группы способов и средств.

В научной литературе кроме форм прокурорского надзора некоторыми исследователями раскрывается понятие форм прокурорского реагирования.

Так в учебно-методическом комплексе «Прокурорский надзор» под редакцией В.И. Рохлина под формами реагирования рассматриваются меры, которые применяются прокурорами в процессе обнаружения нарушения законов, с целью устранения таких нарушений и содействующих им обстоятельств, а также с целью привлечения к ответственности лиц, допустивших данные нарушения [8, С. 134]. Следовательно, формы реагирования и формы прокурорского надзора являются разновидностями форм административной деятельности органов прокуратуры.

Как уже отмечалось, одним из видов деятельности органов прокуратуры выступает административно-правовое обеспечение прав граждан. Соответственно форма административно-правового обеспечения прав граждан органами прокуратуры представляет собой внешнее выражение системы однородных способов, средств и мер реализации данной функции.

Говоря о формах административно-правового обеспечения прав граждан прокуратурой следует сказать – они представляют собой определенную нормативными правовыми актами систему действий, способов и средств органов прокуратуры, целью которых является создание условий для реализации гражданами своих прав и интересов, а также защита этих прав от нарушений со

стороны органов государственной власти, их должностных лиц, граждан и их восстановление в случае нарушения. Таким образом, одной из составляющих содержания формы административного обеспечения прав граждан выступают методы деятельности органов прокуратуры.

Так, А.В. Копылова, рассматривая методы прокурорского надзора, останавливается на научно-обоснованном понятии: «совокупность приемов и способов применения, реализации правовых средств прокурорского надзора» [9, С. 11]. Такая позиция присутствует в большинстве научных подходов к определению методов прокурорской деятельности.

Таким образом, под методом административно-правового обеспечения прав граждан прокуратурой следует понимать определенную законодательством, наукой и практикой целостную систему однородных средств, способов и приемов осуществления органами прокуратуры функции по созданию условий для реализации гражданами своих прав.

Исходя из вышесказанного, а также анализа законодательства, можно выделить следующие формы административного обеспечения прав граждан органами прокуратуры в зависимости от разных критериев классификации:

1) в зависимости от функции:

- а) надзор за соблюдением прав граждан;
- б) надзор за применением и исполнением законов в сфере прав и свобод человека и гражданина органами власти и их должностными лицами;
- в) представительство интересов граждан и государства в суде;
- г) поддержание государственного обвинения в суде;
- д) процессуальное руководство досудебным расследованием уголовного дела;
- е) взаимодействие с органами государственной власти, а также с другими органами и организациями по обеспечению прав и свобод граждан;
- ж) международное сотрудничество в сфере обеспечения прав и свобод граждан [10].

2) в зависимости от цели:

- а) предупредительная форма;
- б) правозащитная форма;
- в) правовосстановительная форма.

Методами административно-правового обеспечения прав граждан органами прокуратуры являются:

1) методы принуждения:

- а) проведение плановых и внеплановых проверок;
- б) изучение и анализ нормативно-правовых актов и решений, издаваемых органами государственной исполнительной власти на предмет их законности и соответствия Конституции;
- в) подача судебных исков для защиты граждан, чьи права нарушены;
- г) вступление в судебный процесс, начатый без участия прокуратуры, для защиты интересов граждан;

д) инициирование привлечения лица, нарушившего права других граждан, к уголовной или административной ответственности;

е) издание актов прокурорского реагирования;

ё) отмена или согласование решений органов досудебного расследования относительно возбуждения уголовных дел, осуществления следственного действия и т.д.;

2) методы убеждения:

а) предоставление ответов на обращение граждан;

б) обеспечение доступа к публичной информации;

в) проведение оперативных совещаний по организации деятельности по обеспечению прав граждан;

г) взаимодействие с органами государственной власти и общественными организациями по поводу обеспечения прав граждан и т.д.

Осуществление прокурорского надзора в сфере защиты прав граждан подразумевает анализ и реагирование на поступающие обращения, содержащие информацию о нарушениях или потенциальных ущемлениях этих прав. Методами, положенными в основу этой формы, выступают предоставление ответов на обращение граждан, а также проведение плановых и внеплановых проверок. Выбор конкретных методов надзора за соблюдением прав граждан определяется прокурором, исходя из деталей, указанных в обращении, а также с учетом его личных планов по проведению контрольных мероприятий.

Если обратиться к Приказу Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», основанием для проведения проверок является: «поступившая в органы прокуратуры информации (обращений граждан, должностных лиц, сообщений средств массовой информации и т.д.); материалы о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий; результаты анализа статистики, прокурорской и правоприменительной практики, а также другие материалы, содержащие достаточные данные о нарушениях закона [11].

Согласно ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», проверка может проводиться только на основании решения прокурора или его заместителя. Уполномоченные лица проверяемой организации должны быть уведомлены о начале проверки не позднее дня ее начала. В решении о проверке в обязательном порядке должны быть четко прописаны ее цели, основания и предмет проверки [12].

Проверка производится прокурором следующими способами:

1) изучение оригиналов документов;

2) изъятие копий документов;

3) письменное требование предоставить документы, содержащие коммерческую тайну или другую информацию с ограниченным доступом;

4) составление протоколов о выявленных правонарушениях;

5) составление других актов прокурорского реагирования, в частности, представление.

При обнаружении при проверке нарушений закона прокурор в пределах своей компетенции имеет право:

- 1) вносить протест или представление;
- 2) в установленном законом порядке инициировать привлечение лица к ответственности;
- 3) обращаться в суд в предусмотренных законом случаях [12].

Таким образом, актами прокурорского реагирования могут быть протест, представление, исковое заявление, возбуждение производства об административном правонарушении (составление протокола) и т.д.

Так, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» содержит ст. 24, которая имеет название «Представление прокурора» однако, как мы видим из анализа данной нормы, законодатель не закрепляет самого понятия «представление», так же, как и понятие «протест».

Рассматривая положения ст. 24 данного закона, В.В. Максименко указывает, что, исходя из нормы статьи можно подумать, что «представление прокурора – это ни к чему не обязывающая настоятельная рекомендация органа прокуратуры исполнять законы» [13, С. 36].

В связи с чем предлагаем внести дополнения в ст. 24 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»: «Представление – это официальный акт реагирования, издаваемый прокурором или его заместителем, фиксирующий выявленные нарушения законности. Представление направляется в компетентные органы и адресатам, обладающим необходимыми полномочиями, с целью оперативного рассмотрения и принятия мер в строго обозначенные сроки. Задача представления – устранение выявленных нарушений закона, а также нейтрализация причин и условий, способствующих их появлению в будущем».

Что касается понятия «протест», то Ф.Ф. Галиев, рассматривая данное понятие, говорит: «протест прокурора является действенным актом реагирования, непосредственно влекущим за собой юридические последствия, способным отменить незаконный правовой акт в целях восстановления нарушенного права и законности» [14, С. 80].

В связи с этим видим необходимым ст. 23 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» дополнить понятием: «Протест — это официальный документ, посредством которого прокуратура реагирует на противозаконные действия, совершаемые государственными структурами, органами местного самоуправления, контрольными и управленческими аппаратами коммерческих и некоммерческих организаций, а также их уполномоченными лицами».

Надзор за соблюдением прав граждан, надзор за исполнением законов различными органами государственной власти, должностными лицами и предприятиями, за законностью актов органов государственного управления, а также процессуальное руководство досудебным расследованием могут принимать обеспечительную, правозащитную или правовосстановительную форму в зависимости от цели и результата осуществления надзора. Соответственно, если в результате осуществления надзора прокурором были созданы надлежащие условия для полной реализации гражданами своих прав, то

это обеспечительная форма. Кроме того, в основном надзор выступает правовой формой обеспечения прав граждан органами прокуратуры. Неправовая форма имеет место в случае планирования проверок, проведения оперативных совещаний для определения потребностей и проблем соответствующего региона и т.д.

Надзор за соблюдением гражданских прав, соблюдением законодательства государственными структурами, чиновниками и организациями, за правомерностью распоряжений органов госуправления, а также процессуальное управление досудебным следствием могут принимать различные виды, направленные на обеспечение, защиту или восстановление прав, в зависимости от целей и итогов надзора.

В ситуации, когда прокурорский контроль приводит к формированию условий, способствующих полноценной реализации гражданских прав, это расценивается как форма обеспечения. Существенно подчеркнуть, что надзор представляет собой юридический инструмент защиты прав граждан, который реализуется прокуратурой. Неюридические подходы используются при разработке планов проверок, организации рабочих совещаний для выявления трудностей и потребностей конкретного субъекта федерации и так далее.

Одной из форм административного обеспечения прав людей органами прокуратуры является представительство интересов людей и страны в суде. Что касается представительства интересов граждан, то, согласно ст. 45 ГПК РФ, прокурор может:

1) обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов как граждан, так и неопределенного круга лиц, а также интересов государства;

2) в целях обеспечения законности вступать в дело по личной инициативе или решению суда на любой стадии рассмотрения дела;

3) вступать в процесс и давать заключение по делам о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, установленных законодательством [15].

Говоря о представительстве интересов граждан и государства, можно сказать, что оно является правовосстановительной или правозащитной формой обеспечения прав граждан и государства, поскольку в большинстве случаев обращение в суд следует за фактическим нарушением прав человека и с целью их восстановления или возмещения причиненного вреда, а также обеспечение законности. Органы прокуратуры также контролируют дальнейший ход рассматриваемого с их участием дела следят за осуществлением всех мер, направленных на исполнение судебных решений.

Обеспечение прав граждан органами прокуратуры в форме поддержания государственного обвинения в суде реализуется с помощью следующих методов:

- 1) согласовывать постановления следователя и направление дела в суд.;
- 2) подавать заявления и ходатайства в судебном заседании;
- 3) представлять доказательства и участвовать в их исследовании;

4) инициировать в ходе судебного производства заключение соглашения о признании виновности;

5) содействовать суду в обеспечении разумных сроков судебного производства;

6) давать надлежащую правовую оценку как обличающим обстоятельствам, так и тем, что оправдывают обвиняемого;

7) составлять письменные речи или их тезисы, в которых излагать соображения об объеме доказанного обвинения, оценке доказательств, применении уголовного закона; 8) выступать с речами и т.д.

Выводы. Различные формы и способы административной защиты прав граждан, осуществляемые прокуратурой, регламентированы законодательством. Эти формы и способы отличаются друг от друга, исходя из поставленных задач, результатов применения, предоставленных полномочий и других факторов. Защита, обеспечение и восстановление прав граждан могут достигаться одновременно с использованием различных форм и методов. Например, для обеспечения права гражданина на своевременное и качественное рассмотрение его обращения государственными органами, прокурор может использовать проверку, вынесение акта прокурорского реагирования (представление с требованием своевременного ответа), а также обращение в суд в интересах гражданина, подавшего заявление в прокуратуру.

Важно подчеркнуть, что законодательство не содержит исчерпывающего перечня методов обеспечения прав граждан в рамках надзора за полнотой и объективностью судебного процесса, а также способов реагирования прокурора по итогам проверок в местах лишения свободы, следственных изоляторах и т.д. Следовательно, дальнейшее развитие законодательства, регулирующего формы и методы административной защиты прав граждан органами прокуратуры, должно быть направлено на расширение существующих форм защиты, уточнение используемых методов и детализацию способов. Это позволит повысить эффективность применения различных форм защиты прав граждан органами прокуратуры и оптимизировать соответствующую процедуру.

Список литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : 70000 слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. - 23-е изд., испр. – Москва : Рус. яз., 1991. – 915 с.
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Издание 2-ое перераб. и доп. – М., СПб.: Большая Российская энциклопедия, Норинт, 1999. – 1456 с.
3. Байтасов, Р.Р. Кадровый менеджмент: учебное пособие для вузов / Р.Р. Байтасов. – Санкт-Петербург : Лань, 2024. – 336 с.
4. Маркина, Э.В. Особенности административно-правовых методов, реализуемых государственными органами исполнительной власти / Э.В. Маркина, Ю.Н. Сосновская // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – №3. – С. 232-234.

5. Новикова, А.С. О формах реализации функций государства / А.С. Новикова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 113. – С. 70-79.
6. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : курс лекций / Г.В. Атаманчук. – М.: Юрид. лит., 1997. – 400 с.
7. Воронин, О.В. О современном понимании понятий «правовые средства прокурорского надзора» и «формы реализации правовых средств прокурорского надзора» / О.В. Воронин // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2021. – № 39. – С. 5-14.
8. Прокурорский надзор: Учебно-методический комплекс / Ю.А. Лукичев, В.И. Рохлин, А.П. Стуканов; Ред. В.И. Рохлин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – 312 с.
9. Копылова, О.П. Прокурорский надзор : учебное пособие / О.П. Копылова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 164 с.
10. Модельный закон «О прокуратуре» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 16 ноября 2006 г. № 27-6) // Информационном бюллетене Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 2007. – № 39.
11. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 // Законность, 2008. – № 3.
12. О прокуратуре Российской Федерации. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. – № 8 – ст. 366.
13. Максименко, В.В. Представление прокурора как акт реагирования на нарушение закона / В.В. Максименко // Вестник ПензГУ. – 2018. – № 4 (24). – С. 36-39.
14. Галиев, Ф.Ф. Протест прокурора как акт правоприменительный / Ф.Ф. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 3 (29). – С. 76-80.
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. – № 46 ст. – 4532.

УДК 342.5

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, НЕ ОТНОСЯЩИХСЯ НИ К ОДНОЙ ИЗ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

Штокалова А.А., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: alex_shoker@mail.ru)

Абдурахимова М.Г., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: rita.abdurakhimova.92@mail.ru)

Статья посвящена исследованию специфических государственных структур в России, которые не входят в традиционно признанные ветви власти – исполнительную, законодательную и судебную. В работе рассматриваются классификация, функции и полномочия таких органов, а также их роль в системе государственного управления. Авторы анализируют правовые основы их деятельности, обращая внимание на модели взаимодействия с ветвями власти и их влияние на функционирование государственной системы в целом. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования, ответственности и подотчетности этих органов населению и государству. Статья направлена на углубление понимания многообразия государственного аппарата и значимости этих структур в рамках конституционной системы.

Ключевые слова: правовой статус, государственные органы, ветви власти, система государственного управления, полномочия, функции, правовое регулирование, ответственность, подотчетность, конституционная система.

THE LEGAL STATUS OF GOVERNMENT AGENCIES THAT DO NOT BELONG TO ANY OF THE BRANCHES OF GOVERNMENT

Shtokalova, A.A., Abdurakhimova, M.G.

The article is devoted to the study of specific government structures in Russia that are not included in the traditionally recognized branches of government – executive, legislative and judicial. The paper examines the classification, functions and powers of such bodies, as well as their role in the public administration system. The author analyzes the legal basis of their activities, paying attention to the models of interaction with the branches of government and their impact on the functioning of the state system as a whole. Special attention is paid to the issues of legal regulation, responsibility and accountability of these bodies to the public and the State. The article

is aimed at deepening the understanding of the diversity of the state apparatus and the importance of these structures within the framework of the constitutional system.

Keywords: *legal status, state bodies, branches of government, public administration system, powers, functions, legal regulation, responsibility, accountability, constitutional system.*

Актуальность темы исследования.

1. Развитие государственного управления: В современных условиях системы управления акцент смещается на выборочный подход к государственным органам, не попадающим в традиционные ветви власти. Эти органы играют важную роль в осуществлении различных функций, связанных с организацией и контролем в таких областях, как безопасность, правопорядок, охрана окружающей среды и др.

2. Необходимость правового регулирования: С увеличением числа специализированных государственных органов, попечительства и надзорных функций возникает потребность в четком правовом регулировании их статуса и полномочий. Это позволяет повысить эффективность их работы и упрощает механизм взаимодействия с другими ветвями власти.

Анализ научных исследований.

В научной литературе проводится работа по определению понятия «государственные органы», которые не относятся к ветвям власти. Они могут включать регуляторные органы, контрольные и надзорные структуры, а также специальные агентства и комиссии. Особое внимание уделяется классификации данных органов по различным критериям: функциональному, по уровням управления и по сфере деятельности.

Цель исследования. Проанализировать механизмы взаимодействия данных органов с другими ветвями власти и другими государственными и частными организациями, выявить проблемы и барьеры, которые могут препятствовать эффективному сотрудничеству.

Изложение основного материала. Основопологающим принципом организации государственной власти в Российской Федерации является разделение властей, конституционно закрепленное и образующее три обособленные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. На общероссийском уровне данная система представлена Федеральным Собранием, Правительством и судебной системой, каждая из которых обладает своим кругом компетенций. Подобная структура органов власти, воплощающая принцип разделения властей, формируется и в регионах Российской Федерации (согласно статьям 10 и 11 Конституции РФ). Научное сообщество активно исследует роль и значение этих органов в политической системе России.

Вместе с устоявшейся политической структурой, наряду с традиционным разделением на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, присутствуют федеральные институты, наделенные особыми функциями, обособленными от этих ветвей. Образование и работа данных органов

регулируются Конституцией и федеральными законами России. В перечень таких независимых государственных институтов входят, в частности, Прокуратура РФ, Центробанк, Счетная палата, ЦИК и Уполномоченный по правам человека.

Единая иерархическая структура, именуемая Прокуратурой РФ, функционирует от лица государства, обеспечивая соблюдение конституционных норм и законодательства на всей территории страны. Основным законом государства устанавливает единство и принцип централизации в системе прокурорских органов, определяя процедуру назначения ключевых должностных лиц прокуратуры. Правовые основы деятельности прокуратуры закреплены в Федеральном законе, регулирующем ее организацию и порядок работы.

Обособленная от других ветвей власти, прокуратура осуществляет свою деятельность самостоятельно. Законодательно закреплена ее независимость от органов государственной власти, местного самоуправления и различных общественных объединений.

Прокурорская система построена на принципах централизации, где нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим, а во главе всей системы стоит Генеральный прокурор. Структура включает в себя разнообразные прокуратуры, научно-образовательные учреждения, а также Следственный комитет.

Основная задача прокуратуры – обеспечение законности и правопорядка, защита прав и свобод граждан, а также охрана интересов общества и государства.

Важнейшая функция прокуратуры – надзор за соблюдением законодательства всеми органами власти и защита прав граждан. При этом, прокуратура не должна выполнять функции, возложенные на другие государственные органы.

В сферу компетенции прокуратуры входят не только надзорные функции, но и уголовное преследование, надзор за ходом предварительного следствия и дознания, участие в судебных заседаниях, рассмотрение обращений и жалоб граждан, координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, а также содействие совершенствованию правовой базы.

Центральный банк Российской Федерации имеет значительное влияние на жизнь общества, особенно в условиях кризисов. Его статус, цели, полномочия и функции определены в первую очередь Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «О центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» [3].

Согласно Конституции РФ, Центральный банк обладает исключительным правом на осуществление денежной эмиссии и его главной функцией является защита и обеспечение устойчивости рубля, которую ЦБ осуществляет независимо от других органов власти (ст. 75, ч. 1, 2).

В соответствии со статьями 1 и 2 Федерального закона, Банк России осуществляет свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов федерации

и органов местного самоуправления. Государство не несет ответственности за обязательства Банка России, а Банк России – за обязательства государства.

Банк России является юридическим лицом. Уставный капитал и другое имущество Центрального банка составляют федеральную собственность, в то время как сам банк обладает имущественной и финансовой независимостью. Полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России, осуществляются самим Банком России [4, С. 146].

Выступая в роли финансового регулятора, Центральный банк Российской Федерации, помимо выполнения стандартных для кредитных организаций задач, наделен полномочиями, обычно ассоциируемыми с государственными органами. Согласно законодательству, регулирующему деятельность ЦБ РФ, он обладает правом применять принудительные меры, включая приостановку или отзыв лицензий, разрешающих банковскую деятельность. Важно отметить, что изданные Банком России нормативные документы, такие как указания и положения, имеют обязательную силу для всех уровней государственной власти, органов местного самоуправления, а также для юридических и физических лиц.

Обеспечение независимости Банка России достигается благодаря особому порядку назначения и отстранения от должности его председателя, закрепленному в Конституции РФ. Эта цель также отражена в ряде положений Закона о ЦБ РФ, которые предусматривают самостоятельное управление имуществом Банка России, установление им правил подготовки нормативных актов и ежегодное представление отчета Государственной Думе [5, С. 65].

В то же время, стоит отметить, что независимость Центрального банка не является абсолютной. Она ограничивается участием различных ветвей власти в формировании Национального банковского совета – коллегиального органа, состоящего из 12 членов. В его состав входят председатель ЦБ, представители Совета Федерации и Государственной Думы, а также лица, назначаемые Президентом и Правительством, как это определено в статье 12 Федерального закона.

Основополагающими целями деятельности Банка России являются: защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы страны, обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы, а также развитие и обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. Важно отметить, что получение прибыли не является целью деятельности Центрального банка, в соответствии со статьей 3 Федерального закона.

Для выполнения возложенных на него задач Центральный банк Российской Федерации наделен обширным кругом компетенций. К ним относятся: разработка и проведение совместно с Правительством денежно-кредитной политики, формирование нормативных актов для банковской сферы и осуществление банковских транзакций, управление резервами золота и валюты, осуществление надзора за деятельностью кредитных организаций, регулирование операций на валютном рынке и установление официальных

валютных курсов. Данные функции регламентируются Федеральным законом (статья 4).

Счетная палата Российской Федерации функционирует как орган парламентского контроля в финансовой сфере. Она формируется Федеральным Собранием с целью контроля за исполнением бюджета страны в соответствии с Конституцией. Совет Федерации утверждает кандидатуру заместителя Председателя и половину аудиторов, в то время как Государственная Дума назначает и освобождает от должности Председателя и оставшихся аудиторов (статьи 101, 102 и 103 Конституции).

Счетная палата была образована 14 января 1995 года с момента вступления в действие Федерального закона «О Счётной палате Российской Федерации», продолжая историю государственного финансового контроля в России [6].

В настоящее время Счетная палата осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным законом, принятым в апреле 2013 года. Согласно этому закону (ст. 2), Счетная палата является высшим органом внешнего государственного финансового контроля Федерального Собрания, который обладает постоянной деятельностью. Палата имеет организационную, функциональную и финансовую независимость, а также выполняет свои задачи самостоятельно, исполняя поручения Совета Федерации и Государственной думы. Полномочия Счетной палаты не могут быть приостановлены, даже в случае досрочного прекращения полномочий палат Федерального Собрания. Кроме того, Счетная палата имеет юридический статус.

Одним из главных направлений деятельности Счетной палаты является надзор за реализацией федерального бюджета, динамикой государственного внутреннего и внешнего долга, применением заемных средств и внебюджетных фондов, а также функционированием банковской системы, включая Центральный Банк Российской Федерации.

Значимая часть работы Счетной палаты посвящена обнаружению фактов коррупционных действий. Для реализации поставленных задач Счетная палата применяет различные инструменты, такие как инспекции, ревизии, аналитические исследования, обследования и систематическое наблюдение (в соответствии со статьей 16 Федерального Закона).

В ходе реализации своих обязанностей Счётная палата наделена определенными государственными полномочиями, включая право направлять запросы и обязательные к исполнению предписания. Результаты деятельности регулярно фиксируются в годовых отчётах, которые контрольный орган направляет в обе палаты Федерального Собрания и публикует для всеобщего ознакомления. В данных отчётах приводятся данные и их анализ, касающиеся деятельности Счётной палаты как в целом, так и по конкретным направлениям её работы.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (ЦИК РФ) представляет собой независимый, коллегиальный государственный орган федерального уровня, в компетенцию которого входит организация и проведение общероссийских выборов и референдумов. ЦИК обладает правами

юридического лица и действует на постоянной основе. Несмотря на отсутствие в Конституции РФ специального раздела об избирательной системе, она не определяет юридический статус ЦИК России. Вместо этого статус и полномочия ЦИК устанавливаются федеральными законами, такими как «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (статьи 20, пункт 12; статья 21), «О выборах Президента Российской Федерации» (статьи 17, 19), «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (статья 25) и другими.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации является главным институтом, отвечающим за подготовку и проведение выборов в федеральные органы власти, а также референдумов, проходящих на территории страны. ЦИК не только занимается организацией выборов президента и парламентариев, но и контролирует все электоральные процедуры в России, занимается разработкой избирательного законодательства и следит за соблюдением прав избирателей, рассматривая поступающие обращения. Рост значимости выборов в политической системе России, как индикатор развития демократических институтов, усиливает важность работы ЦИК в политической и социальной жизни страны.

В задачи ЦИК России, кроме прочего, входит распределение финансовых ресурсов, предназначенных для проведения избирательных кампаний, регистрация кандидатов и подведение итогов голосования. В состав ЦИК входят различные подразделения, включая контрольно-ревизионное управление, аппарат, а также консультативные и совещательные органы. Функционирование Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» (ГАС «Выборы»), которая автоматизирует процедуры голосования, поддерживается Федеральным информационным центром, также находящимся под контролем ЦИК.

Уполномоченный по правам человека, выступая в роли государственного омбудсмана, служит своеобразным защитником прав общества перед государством. Он осуществляет контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также представляет интересы общества в отношениях с государственными органами.

Правовая основа деятельности омбудсмана заключается в положениях Конституции Российской Федерации, которые гарантируют защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45), а также предоставляют Государственной Думе право назначать и освобождать от должности Уполномоченного по правам человека в соответствии с федеральным конституционным законом (статья 103).

В осуществлении своих функций Уполномоченный независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. При этом он руководствуется Конституцией, названным законом, законодательством РФ, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ. Закон особо подчёркивает, что введение режима чрезвычайного или военного положения на всей территории РФ либо на ее части не прекращает и не приостанавливает деятельность Уполномоченного и

не влечет ограничения его компетенции (ст. 2, 4 ФЗ). Законом также предусматривается создание региональных уполномоченных в субъектах федерации [9, С. 820].

На должность Уполномоченного назначается лицо, являющееся гражданином РФ, не моложе 35 лет, имеющее познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты. Предложения о кандидатах на должность Уполномоченного могут вноситься в Государственную Думу Президентом, Советом Федерации, депутатами Государственной Думы и депутатскими объединениями в Государственной Думе. Уполномоченный назначается на должность и освобождается от должности Государственной Думой большинством голосов от общего числа депутатов тайным голосованием (ст. 6; ст. 7, п. 1; ст. 8, п. 1 ФЗ) [10, С. 49].

Уполномоченный назначается на должность сроком на пять лет не более чем на два срока подряд и обладает неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий (ст. 10 ФЗ).

Главной целью деятельности института Уполномоченного по правам человека является содействие реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Достижение указанной цели возможно при решении следующих задач: исправление допущенной по отношению к человеку несправедливости и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина; предложение сторонам взаимно удовлетворяющего решения проблемы; совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты [11, С. 26].

Омбудсмен исполняет роль посредника в разрешении конфликтов между государственными и частными интересами, что делает его значимой связующей фигурой между властью и обществом. Важно подчеркнуть, что Уполномоченный не призван заменять традиционные органы и механизмы контроля.

Выводы. Итак, можно с уверенностью утверждать, что политическая система Российской Федерации представляет собой сложную и многоуровневую конструкцию, где помимо традиционного разделения властей функционирует ряд федеральных органов с особым статусом. Эти институты, такие как Прокуратура РФ, Центральный банк, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия и Уполномоченный по правам человека, играют ключевую роль в обеспечении стабильности, законности и защиты прав граждан.

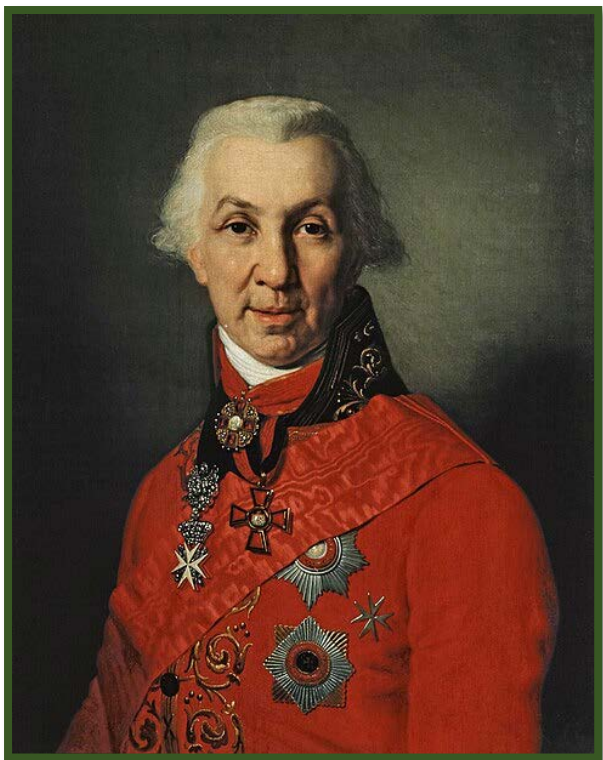
Своей деятельностью, осуществляемой в строгом соответствии с Конституцией и федеральными законами, эти независимые органы оказывают непосредственное влияние на самые разные аспекты жизни российского общества. От контроля за исполнением бюджета до защиты прав избирателей, от надзора за законностью до обеспечения стабильности финансовой системы – их компетенция затрагивает каждого гражданина.

Таким образом, понимание роли и места этих органов в политической системе России необходимо для формирования целостной картины функционирования государства и взаимодействия власти и общества. Их эффективная работа – залог устойчивого развития, демократии и правового государства.

Список литературы

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1 (действующая редакция от 22.12.2014). – URL: <http://www.consultant.ru/popular/prosec/> – (дата обращения: 18.04.2025).
2. Авершин, В.В. Некоторые проблемы установления конституционно-правового статуса прокуратуры в Российской Федерации / В.В. Авершин // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 4. – С. 10.
3. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172875/ – (дата обращения: 15.05.2025).
4. Токаев, М.Э.М. Конституционно-правовой статус центрального банка как органа государственной власти / М.Э.М. Токаев // Молодой ученый. – 2022. – № 11 (406). – С. 146.
5. Кравцова, Е.А. Особенности правового статуса вспомогательных органов при органах государственной власти / Е.А. Кравцова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3 (45). – С. 65.
6. Историю органов финансового контроля в России см. – URL: <http://www.ach.gov.ru/about/history/until-thexv-century/financial-management-of-russia-on-establishment-of-the-state-until-the-xv-century> – (дата обращения: 06.05.2025).
7. Отчёт о работе Счётной палаты в 2013 году. Москва, 2014 год. – URL: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/764/ – (дата обращения: 06.05.2025).
8. Каюмов, Р.В. Анализ поправок в сфере государственной власти, ее ветвей и органов, вносимых в конституцию РФ / Р.В. Каюмов // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 3 (42). – С. 10.
9. Слухай, А.В. Формы и критерии разграничения полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъекта РФ / А.В. Слухай // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 10 (37). – С. 820.
10. Лубский, Р.А. Особенности конституционно-правового статуса омбудсмена в системе органов государственной власти / Р.А. Лубский, С.Г. Трифонов // Юрист-Правовед. – 2020. – № 1 (92). – С. 49.
11. Полякова, Э.И. Разделение государственной власти на ветви как неотъемлемый признак правового государства / Э.И. Полякова // Плехановский барометр. – 2015. – № 3. – С. 26.

История правовой науки

В соответствии с Манифестом императора Александра I «Об учреждении министерств» 8 сентября 1802 года на основе Юстиц-коллегии было учреждено Министерство юстиции. Этим же документом в составе Правительства предусматривалась должность министра юстиции, и он одновременно являлся Генерал-прокурором Российской империи. Первым министром юстиции – генерал-прокурором Российской империи был утвержден выдающийся русский поэт и государственный деятель Гавриил Романович Державин.

После окончательного формирования в 1803 году на Министерство юстиции были возложены функции подготовки законодательных актов, управления деятельностью судов и прокуратуры. Фактически Министерство юстиции становилось главным органом государства, формировавшим государственную политику, как в сфере уголовной, так и гражданской юстиции.

После проведенной в 1864 году в России судебной реформы, в подготовке и проведении которой Министерство юстиции принимало активное участие, полномочия министерства были заметно расширены. Министерство уполномочивалось осуществлять руководство судебными органами, управление межевой и тюремной частями, нотариатом. Заведая личным составом суда и прокуратуры, оно получило право назначения и увольнения следователей по важнейшим делам в окружных судах, а также городских судей и членов уездных окружных судов. По инициативе Минюста были учреждены институты мировых судей и присяжных заседателей. Помимо этого, министерство руководило деятельностью прокуратуры и осуществляло управление местами лишения свободы.

Следующей вехой для органов юстиции стала Октябрьская революция 1917 года. Декретом «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым II Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

27 октября 1917 года, в числе других был сформирован Народный комиссариат юстиции, по сути, предназначение Наркомата юстиции РСФСР не изменилось.

Существенные изменения в структуре и функциях органов юстиции произошли в 1936 году. Постановлением ВЦИК и СНК СССР был образован Народный Комиссариат юстиции СССР (союзно-республиканский).

В период Великой Отечественной войны на Наркомюсте СССР по-прежнему оставалось организационное руководство судами, но эта функция была усилена полномочием давать им указания по вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, квалификации преступлений, сроках рассмотрения дел и т.п.

В послевоенный период Наркомат юстиции становится Министерством юстиции СССР (1946). Но преобразование оказалось не только формальным: постепенно начинается сужение полномочий Минюста, в итоге приведшее к его упразднению (в 1956 г. – в СССР, в 1963 г. – в РСФСР). В этот период Минюст СССР вошел в историю, в числе прочего, тем, что по его инициативе в 1957 году впервые в российском праве в текст Уголовно-процессуального кодекса РСФСР было включено понятие «презумпция невиновности».

Функции упраздненного Минюста СССР были перераспределены между Верховным Судом СССР, министерствами юстиции союзных республик (а после их упразднения в 1957-1963 гг. – верховными судами союзных республик, областными, краевыми судами), Юридической комиссией при Совете Министров СССР.

В 1970 году воссоздается сначала союзно-республиканское Министерство юстиции СССР, а затем и минюсты союзных республик, и иные учреждения юстиции на местах. В сферу деятельности органов юстиции того времени входили вопросы подбора кадров, контроль за сроками рассмотрения дел, работа по исполнению судебных решений, руководство нотариатом, финансово-хозяйственное обеспечение судов и нотариальных контор, судебная статистика, правовая пропаганда и другая юридическая деятельность в разных отраслях народного хозяйства.

Современное Министерство юстиции – многопрофильный федеральный орган исполнительной власти, возглавляющий единую, централизованную систему органов и учреждений юстиции Российской Федерации.

Вопросы деятельности Министерства юстиции Российской Федерации урегулированы Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, согласно которому Минюст следующие основные функции:

– функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, в

том числе в сферах исполнения уголовных наказаний; регистрации некоммерческих организаций; адвокатуры; нотариата; государственной регистрации актов гражданского состояния; обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов и актов других органов; оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения; деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц; территориального устройства Российской Федерации; организации местного самоуправления;

– разграничения полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, и т.д.*

*При подготовке публикации использованы материалы сайта minjust.gov.ru

